

Кирилл Романов

---

# РЕАЛЬНОСТЬ, СИМВОЛЫ И ТРАДИЦИЯ

---

Санкт-Петербург    АЛЕТЕЙЯ    2014



ИСТОРИЧЕСКАЯ  
КНИГА



УДК 141  
ББК 87  
Р 693

**Романов К. В.**

Р 693 Реальность, символы и традиция. – СПб.: Алетейя, 2014. – 160 с.

ISBN 978-5-91419-905-7

В работе говорится о множественности и иерархии уровней реальности, или миров. Чем выше уровень реальности, тем ближе он к единству Сущего. Эти уровни одни и те же как для Вселенной, так и для человека. Человек является символом высшей реальности.

Все символы, проявленные в мире – видимость символических связей, соединяющих миры. В то же время символ – это опора для внутренней самореализации. Говорится о духовной традиции и ее формах, частным случаем которых являются религии. Рассматриваются традиционное общество, структура и смысл кастовой иерархии, традиционные науки, искусства и священные тексты. Ставятся вопросы о возможности реставрации традиции и об опасности деструктивных влияний.

Цель работы – немного приблизить читателя к осознанию единства Сущего, показать воздействие деструктивных сил, стремящихся предать забвению знание о единстве. Результаты такого забвения – духовная деградация и религиозная нетерпимость, которые в действительности являются иллюзией, как и сами деструктивные силы. Поэтому лучшее оружие против них – осознание духовного единства, которое делает человека сопричастным Высшей реальности, источнику духовного света.

**УДК 141  
ББК 87**

Фотограф *Ю. В. Горностаева*

Ваши отзывы о книге Вы можете оставить на сайте:  
[www.romanov.spb.ru](http://www.romanov.spb.ru)

*Особая благодарность Птице (Романовой Ольге)  
за помощь в создании книги*

ISBN 978-5-91419-905-7



© К. В. Романов, 2014  
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

## ПРЕДИСЛОВИЕ

В современную эпоху все, кто не удовлетворились тем, что предлагает массовая культура, и вступили на путь духовного поиска, сталкиваются с целым рядом трудностей. К такому поиску их толкает внутреннее состояние, и, как следствие, готовность воспринять определённые истины. Само принятие этих истин настолько меняет человека, что отход от осознанного духовного пути в дальнейшем является почти невозможным.

Однако, современная культура такова, что в ней почти ничто не откликается на эту возникающую внутреннюю потребность. Более того, предлагаемая современным обществом система ценностей вступает в противоречие с этим внутренним поиском. Такие люди ощущают себя стаей птиц, попавших в снежную лавину, которая стремится увлечь их вниз, в то время, как сами они изо всех сил прорываются вверх.

Человек, только вступающий на путь духовного поиска, чаще всего дезориентирован. Он пока не имеет чётких критериев истинности, и не в состоянии отличить огромное количество подделок под духовность от истинных зёрен духовного знания. Лишь внутренняя интуиция может ему помочь в этом, но всегда есть риск совершить серьёзную ошибку.

Конечно же, существуют духовные традиции, представленные в нашем обществе в основном в виде религий. Человек, приходящий туда, практически гарантирован от подобных ошибок. Однако, на первом этапе он вынужден принять на веру<sup>1</sup> истинность учения и необходимость всех традиционных предписаний. Только позже он начинает настолько доверять своей духовной интуиции, что она становится для него критерием истинности.

Поскольку человек ещё очень социально зависим, принятие всего, что связано с традицией, может вызвать серьёзные затруднения, пре-

одолевать которые можно лишь огнём духа или непреклонностью воли. Те же, кто не выдержал подобного испытания, никогда не будут в состоянии понять, что же они потеряли.

Самым существенным здесь является то, что на первом шаге не приходится говорить о знании, а лишь об открытости и доверии, поэтому вероятность свернуть в сторону или даже совсем отойти от традиции здесь очень велика. Именно на этом этапе важно, чтобы вставшему на путь были даны объяснения в понятной для него форме. Прежде всего, это объяснения метафизических истин и традиционной доктрины, изложенные понятно настолько, насколько это возможно. Но, к сожалению, даже те, кто считает себя людьми религиозными, не всегда обладают для этого достаточной компетенцией. Часто они зафиксировали сами себя на определённом уровне осознания, ведь духовная традиция позволяет каждому быть на своём уровне и достигать при этом самореализации. Но, разумеется, такой человек ничего не сможет дать тому, чьи духовные запросы оказались выше. Если же объяснения даны правильно и на должном уровне, это послужит указателем и поддержкой идущему по пути, чтобы в дальнейшем он, пользуясь своей принадлежностью к Традиции, смог реализовать в себе истине безграничные возможности.

Кроме того, сейчас в обществе, помимо традиционных организаций, имеется огромное количество неоспиритуалистических, псевдоэзотерических, и других такого же рода течений, являющихся в большинстве своём подделкой под духовность. Многие из них объявляют себя преемниками восточных традиций, чаще всего ведической, которая известна у нас в основном по внешней форме, тогда как дух её обычно ускользает. Конечно, тот, кто обладает духовным зрением, легко распознает подделку, но, помимо этого, существуют критерии оценки чисто внешнего порядка. И знание этих критериев может оказаться весьма полезным для безопасности вступивших на путь.

Случается и такое, что человек, всем сердцем принявший идеи традиции, охвачен подлинным отчаянием от вида духовного состояния современного общества. Порой это является причиной придания особой значимости различным «пророчествам» эсхатологического характера. В этой связи хотелось бы сказать, что истинная духовность неуничтожима, так как она принадлежит к порядку вечности. И если что-либо, будь то социальная организация или наш мир, существуют, значит, Дух не совсем их покинул, и ещё остались нереализованными некоторые потенциальные возможности духовного плана.

Что касается истинных духовных традиций, то есть тех, в которых есть божественное присутствие, то против них постоянно выступают силы деструктивного характера, имеющие откровенно демоническую природу. Силы эти старательно маскируются под элементы самих традиций, хотя на самом деле являются сугубо внешними факторами. Одна из основных задач этих сил — свести всё к форме, не дать духовным влияниям проникнуть на более низкие уровни реальности. Для них крайне важно не допустить осознания единства всех духовных традиций, потому что такое осознание непременно поднимается над любой формой к духовному источнику. Силы эти настолько преуспели в своей деятельности, что находится всё меньше людей — представителей традиции — которые действительно придерживались бы идеи всеобщего духовного единства.

Поэтому задача этой книги — показать, насколько это возможно, что Великое Единство является всеобщим законом, который отражается во всех гранях мира и дает действенное бытие всему сущему. И оно же является основой каждого духовного пути и каждой духовной традиции. Любая концепция, отрицающее Единство, в конечном счёте направлена против духовности.

Современную эпоху можно с полным правом назвать временем разделения. Это проявляется во всём, но наиболее разрушительные результаты эта тенденция приносит там, где ещё присутствуют духовные элементы. Разделённость возникает, как только перестаёт осознаваться сущностное единство элементов, составляющих миропорядок. Эта разделённость сама по себе является иллюзией, поскольку полагать, что элементы миропорядка не имеют единства в Высшем Принципе как раз и означает впасть в глубочайшую иллюзию.

Те идеи, которые здесь изложены, не имеют авторства, они разделяются многими людьми, которым не обязательно для этого лично общаться. Эта связь ощущается почти физически, поэтому книга написана от множественного числа. Меньше всего хотелось бы, чтобы книга была воспринята как претензия на оригинальность. Здесь мы лишь попытались адаптировать некоторые знания, существовавшие тысячелетиями, к современному типу мышления.

Вероятно, нас ещё упрекнут в ненаучности и тенденциозности. Мы умышленно воздерживались от того, чтобы говорить о каких-либо концепциях на одном языке с современной наукой. Если и есть какие-то пересечения с научными идеями, то главным всё же предполагается духовное измерение, без которого не было бы смысла писать книгу.

Порой удивительно, почему отсутствие духовного измерения для многих означает свободу от тенденциозности.

В этой книге много ссылок на христианскую традицию, и это неслучайно. Скорее всего, среди читателей этой книги будет больше христиан, чем представителей других традиций. Именно в христианстве особо важно осознание всеобщего духовного единства, поскольку традиции, связанные с Востоком, никогда не предавали знание о единстве полному забвению. Те же тенденции в христианстве, которые игнорируют идею единства, делают тем самым христианство традицией, близкой скорее Западу, чем Востоку. Много также ссылок на традицию Вед, так как она хронологически ближе к духовному источнику, чем прочие. В данном случае мы говорим только о живых традициях.

В книге умышленно говорится о традиции и о частных её приложениях всегда в настоящем времени, несмотря на то, что эти приложения остались в большинстве своем в далеком прошлом. Также обо всем, что имеет традиционный характер, говорится как о существующем, хотя известно, что многое так и не было реализовано в полной мере. Это вызвано тем, что все, что имеет духовное измерение, в основе своей не зависит от случайных условий существования нашего мира. То есть, такие вещи в высших своих аспектах не зависят от времени и пространства, так как сосуществуют в вечности.

Здесь мы вкратце изложили соображения о том, для чего написана эта книга. В любом случае, хотелось бы надеяться, что она найдёт отклик у всех тех, для кого слова «духовный путь» наполнены реальным смыслом и действенным содержанием.

В завершении хотелось бы сказать, что точка зрения, изложенная в данной книге, претендует на истинность, но ни в коей мере на единственность. Кому-то взгляд под другим углом зрения будет более близок и он больше внимания уделит иным аспектам, оставив в стороне то, на чём мы сделали акценты. Но сам предмет рассмотрения у нас один и тот же, и каждому на его пути открыты какие-то частные аспекты, являющиеся гранями Всеобщей Истины, чтобы увидеть её одну в конце своего пути во всем блеске и величии.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Слово «вера» здесь понимается в современном, а отнюдь не в евангельском смысле (вера, которая горами движет). Это один из случаев духовной девальвации термина, которому приходится следовать за неимением другого, более подходящего слова.

# МНОЖЕСТВЕННОСТЬ УРОВНЕЙ РЕАЛЬНОСТИ

Сейчас, говоря о реальности того или иного феномена, обычно считают, что само понятие реальности есть нечто само собой разумеющееся. Наиболее часто мы слышим о «реальности окружающего мира», которая большинству людей представляется некой основой, причем уверенность в незыблемости этой основы берётся из личного практического опыта. Эта реальность — действительно то, что даёт людям «опору» для существования и действия. Однако, если некоторые и готовы признать, что есть иные состояния существования, они, как правило, неспособны представить, что для этих состояний имеются свои «опоры», которые с точки зрения этих состояний воспринимаются как реальность.

Для многих, фактором, подтверждающим их представление о реальности, являются знания современной науки. Однако приходится констатировать, что современные научные направления, в большинстве своём, либо имеют мало общего с практическим опытом субъективного восприятия реальности, либо, напротив, сами целиком базируются на подобном опыте. К первой категории можно отнести такие области знания, как квантовая физика, а ко второй, например, различные направления современной психологии. Наука не имеет объективного взгляда на реальность, взгляда откуда-то извне. Высшая степень объективности, при которой реальность рассматривается извне, из той точки, которая реальности не принадлежит, недоступна современной науке. Что же касается иных состояний существования, то эта область вообще выпадает из поля зрения современной науки.

В обществе, называющим себя информационным, реальность и вообще понимается тождественной воспринимаемой информации, причём сам критерий реальности в массовом сознании (реальное — нереаль-

ное) в значительной степени поддаётся корректировке. Можно констатировать, что технологии воздействия на общественное сознание как раз и являются, среди прочего, инструментами для этой корректировки. Это гораздо значимее предвзятости, в которой часто обвиняют средства массовой информации, поскольку заставить поверить огромные массы людей в несуществующие вещи, или не дать заметить очевидную истинную причину происходящих событий можно порой, только сместив массовые представления о реальности.

Кроме этого, на общественное сознание сильное воздействие оказывают современные мифологии<sup>1</sup>. Известно, что они поддерживаются целой индустрией и имеют специфический эмоциональный спектр. Налицо настолько глубокое проникновение современных мифологий в массовое сознание, что их герои и события обретают для многих бóльшую реальность и значимость, чем действительно происходящее. И это тоже является поводом для размышлений о смещении критериев реальности. Фактически, для сознания многих людей грань между реальностью окружающего мира и «мифологической» реальностью становится всё тоньше, тогда как действительно значимые события, оказывающие влияние на ход исторических процессов, вообще выпадают из их поля зрения. В этот же спектр явлений входит массовое увлечение «виртуальной реальностью»<sup>2</sup>.

Злоупотребление понятием «реальность» вовсе не случайно, оно происходит умышленно с целью придать вес тем или иным идеям и концепциям. Понятно, что когда говорят о «реальном положении дел», то это, как правило, не имеет ничего общего с тем, что можно назвать истинной реальностью.

Абсолютизация «реальности окружающего мира» и объявление остального «реально несуществующим» для современных людей является, с одной стороны, неким «общественным договором», задающим правила социального взаимодействия. С другой стороны, это может оказаться серьёзным препятствием для тех, кто хочет подняться над уровнем социальных отношений и кто встал на путь, который в различных традициях известен как «духовное восхождение». Для таких людей становится очевидным, что то, что принято называть реальным, на самом деле принадлежит к достаточно низкому порядку существования. Это понимание приходит, если духовное восхождение действительно, а не только декларативно, и восходящий всегда может, сделав шаг, оглянуться назад и сравнить предыдущее своё состояние с теперешним. Тогда становится ясно, что эти состояния связаны меж-

ду собой иерархически, то есть одно является высшим по отношению к другому. И в дальнейшем, по мере продвижения и овладения другими состояниями, становится очевидным, что закон иерархической соподчинённости состояний не является неким частным законом, а напротив, распространяется на всю область существования. Если же держаться в рамках одного состояния, то все разговоры об иерархии состояний, разумеется, лишены смысла<sup>3</sup>.

Изначально термин «реальность» (позднелат. *Realis*), как его понимали средневековые схоласты, обозначал, прежде всего, действительное существование универсалий, или универсальных сущностей. Значимость, которую схоласты придавали универсалиям, была обусловлена тем, что универсалии есть объекты человеческого разума, используемые в процессе познания чувственного мира<sup>4</sup>, причём без них познание мира невозможно<sup>5</sup>. Поэтому схоластический спор о реальности универсалий, берущий своё начало ещё в античности, касался вполне практических вещей, и, прежде всего, чувственного и умозрительного познания.

Как известно, в результате победила точка зрения, которую принято называть реализмом в средневековом понимании этого термина. Реализм настаивает на действительном существовании универсалий независимо от мыслящих индивидуумов. Согласно этой точке зрения, универсалии есть то, что предвеляет<sup>6</sup> бытие единичных вещей в Божественном Уме. То есть, универсалии являются прежде всего объектами Божественного Ума, и лишь в силу подобия человека Богу могут являться объектами ума человеческого. С точки зрения причинно-следственных отношений первично именно бытие универсалий, существование же единичных вещей есть лишь следствие этого бытия. Если говорить об этом в терминах креационизма авраамических традиций, то при сотворении мира все образы творимых вещей должны были ранее<sup>7</sup> содержаться в Божественном Уме. Так что универсалии являются причиной бытия единичных вещей, то есть, их принципами существования. Поскольку же они принадлежат к порядку, более высокому, нежели телесное состояние, они, естественно, находятся за пределами нашего мира и ни в коей степени не связаны его ограничивающими условиями<sup>8</sup>. Тем не менее, поскольку человек как микрокосм является отражением макрокосма (по образу и подобию Божию), понятно, что восприятие принципов существования единичных вещей может быть доступно человеческому познанию.

Две другие точки зрения, которые в споре об универсалиях оказались побеждёнными, а именно, номинализм и концептуализм, тоже в каком-то смысле имеют право на существование. Однако это так лишь в том случае, если эти концепции расставить на подобающие им места в иерархическом порядке. Тогда реализм будет выше двух других точек зрения, так как его уровень реальности — это идеи Божественного Ума, проекциями которых в чувственном мире являются единичные вещи. На уровень ниже стоит номинализм, для которого реально лишь имя универсалии. Впрочем, даже не само имя, а лишь факт его существования, поскольку, согласно традиционным учениям, истинное имя является в то же время истинной сущностью<sup>9</sup>. Очевидно, что в случае номинализма говорить о каком-либо знании имён нет оснований. И, наконец, на низшей ступени иерархии стоит концептуализм, для которого любая общность возникает лишь из набора сходных свойств<sup>10</sup>.

Поскольку спор об универсалиях происходил в средние века, нет ничего удивительного в том, что именно реализм одержал победу в этом споре. В то время духовные аспекты имели гораздо большее значение, чем в последующие эпохи. Однако, сколь многих ошибок можно было бы избежать, если бы каждая вещь была сразу поставлена на то место, которая должна занимать в силу отношений иерархической соподчинённости.

Поскольку универсалии являются принципами существования единичных вещей, можно сказать, что они обладают большей реальностью по отношению к этим вещам. С другой стороны, Божественный Ум, в котором содержатся универсалии, тем самым является их принципом существования и соответствует ещё более высокому уровню реальности. То есть, существуют разные степени реальности, между которыми установлены иерархические отношения.

Если отвлечься от частной точки зрения этой упрощённой трехуровневой модели и окинуть взглядом все уровни существования, то можно сказать, что для всего сущего любая вещь обладает большей реальностью, нежели другая, если она принадлежит к тому же порядку, что и принцип существования той другой вещи. В свою очередь, для частных принципов существования чего-либо, всегда есть то, что является их принципом существования, принципом более общим и более высокого порядка. В этом случае можно говорить, что принцип этот обладает более высокой степенью реальности, так как находится на более высоком уровне. И так, если восходить по иерархии принци-

пов, то каждый следующий уровень будет обладать большей реальностью, чем предыдущий. Высшая же реальность — это принцип самого Сущего, который Сущему по необходимости трансцендентен<sup>11</sup>, и представляет собой, собственно, Не-Сущее<sup>12</sup>. Не-Сущее, содержа в себе абсолютно все возможности, как реализованные, так и нереализованные, является источником Бытия как реализации одной из этих возможностей<sup>13</sup>.

Что касается необходимой трансцендентности, то любое состояние, высшее по отношению к данному, трансцендентно ему. В частности, применительно к нашему миру, имманентность есть нахождение в границах мира, тогда как трансцендентность — бытие за его пределами. Понятно, что если мы говорим об иерархии состояний, то наш мир как одно из этих состояний<sup>14</sup> имеет трансцендентный принцип существования. Имманентность — это принадлежность к тому же уровню реальности, тогда как трансцендентность — принадлежность к какому-либо другому. Трансцендентность — свойство вертикальных (иерархических) соотношений, тогда как имманентность — горизонтальных<sup>15</sup>. Поэтому для любого объекта или состояния принцип его существования является трансцендентным, так как находится на более высоком уровне.

Не-Сущее, или Атман, в терминологии ведической традиции, трансцендентно по отношению к Бытию. Однако это так лишь с точки зрения, которая не выходит за пределы самого Бытия. Истина более высокого порядка состоит в том, что Атман, как источник всякого бытия, является таким образом принципом вообще любого существования. Всё существует только благодаря Ему, и Он во всём, но не как эфир, вездесущий в силу своей всепроницаемости<sup>16</sup>, а как принцип, без которого ничто не могло бы существовать. Любое проявленное, будучи отделено от Атмана, сразу исчезло бы, потому что всё в нём — Атман. Впрочем, невозможно отделить от Атмана что бы то ни было<sup>17</sup> так как Он везде и Он — всё. И в то же время Он бесконечно удалён от всего сущего, поскольку Он неизмеримо больше него и содержит в себе все возможности, тогда как Сущее — лишь одна реализованная возможность.

Эти соображения, известные каждому, кто хотя бы отчасти знаком с ведической доктриной<sup>18</sup>, показывают на высшем уровне реальности соотношение Универсального Принципа и того, что этот Принцип порождает. При этом становится понятным, чем в действительности является принцип для порождаемых им состояний. Согласно закону

соответствия, подобие этих взаимоотношений есть на каждом уровне, где только можно говорить о состоянии и порождающем его принципе. Поэтому можно сказать, что понятие реальности иерархично, то есть существуют различные уровни реальности. Такое понимание этого термина отсутствует в современном сознании. Впрочем, следы знания об иерархии можно обнаружить в понятиях «высшая реальность» или «абсолютная реальность», которые эквивалентны понятию «истинная реальность», взятому в его высшем смысле.

Обычно понятие «высшая реальность» применяют для обозначения Бога, или Принципа существования. Само слово «высшая» однозначно задаёт иерархическое отношение между Принципом и тем, что он порождает. Причём иерархия не исчерпывается этими двумя состояниями, а напротив, пронизывает всю область существования, так что каждый условный уровень реальности является принципом существования для более низких уровней, и, соответственно, более высоким уровнем реальности для них, чем они сами.

Если же рассматривать понятие реальности в рамках конкретного состояния существования, то это можно делать двумя способами. Первый — рассматривать реальность как совокупность феноменов данного уровня существования. Можно сказать, что это и есть «бытовое» понимание реальности как реальности окружающего мира.

Второй способ рассмотрения определяет в качестве реальности то, что является принципом существования именно для этого состояния. Тогда рассматриваемое в первом случае будет совокупностью проявлений этого принципа. То есть, второй способ рассмотрения является интегральным, так как позволяет осуществить синтез<sup>19</sup>, при котором множественная совокупность феноменов становится единством. При этом синтетическое определение реальности является в определённом смысле «практическим» с точки зрения духовного восхождения, поскольку задаёт вертикальное направление для осуществления дальнейшего синтеза и перехода к высшим состояниям. С позиции такого рассмотрения, всё, что разделено в мире, становится единым.

Для конкретного уровня существования, его принцип, стоящий на уровень выше, представляется тождественным Высшему Принципу. Это вызвано тем, что с этого уровня существования невозможно разделить два этих принципа, поэтому они предстают как одно целое. Можно сказать, что принцип существования для того уровня, о котором мы говорим, является отражением Высшего Принципа. Такая условная тождественность имеет вполне практическое значение, так

как для духовного восхождения вся уходящая ввысь цепочка порождающих принципов предстаёт единым целым. Для идущего не надо видеть весь путь, достаточно видеть его на шаг вперёд. Однозначность направления этого шага есть как раз то, что носит в традиции название ортодоксии.

Необходимо также отметить, что в обыденном сознании понятие «реальность» часто связывают с понятием «материя». Тем самым, понятия «реальный мир» и «материальный мир» стали фактически синонимами. Это означает, что уровень повседневного восприятия мира зафиксировался на уровне, который сейчас принято называть материальным.

Первоначально же термин «материя» использовался совершенно иначе, чем сейчас<sup>20</sup>. Под ним в средние века понималась *materia prima*, первоматерия, изначальная недифференцированная субстанция, лежащая в основании мира. Эта основа мира есть не что иное, как уровень, на котором базируется любая реализация возможностей формального проявления. Любой телесный объект, под воздействием принципа своего существования, обретает форму, выделяясь тем самым из *materia prima*. То есть, телесные объекты связаны со своим принципом сущности, а с *materia prima* субстанциально. Если расположить эти уровни в иерархическом порядке, то можно сказать, что уровень телесных объектов находится между уровнем *materia prima* и уровнем принципов оформленности<sup>21</sup>.

Таким образом, если придерживаться схоластического понимания реальности и материи, то чем более реален тот или иной объект, тем менее он материален. Степень реальности здесь соответствует степени близости к Высшей реальности (Принципу Бытия), тогда как степень материальности означает близость к *materia prima*.

Интересно отметить понятие потенции в связи с *materia prima*. В схоластике потенциальность как свойство *materia prima* противоположно актуальности, причём их взаимодействие есть основа всякой реализации<sup>22</sup>. Поскольку сейчас слово «потенциальность» утратило первоначальное значение, то можно порой услышать утверждение, что Бог потенциально содержит в себе все возможности реализации. Хотя, согласно Аквинскому, в Боге нет ничего потенциального, он абсолютно актуален.

Если говорить об уровнях реальности, соответствующих формальному проявлению, то есть о том, где в Бытии присутствуют какие бы то ни было формы, то, естественно, встаёт вопрос о множественности<sup>23</sup>.

Любая множественность, имеющая единый принцип существования, в этом принципе обретает своё единство. Во всеобщем же принципе бытия единство обретает всё сущее. Поэтому не существует неразрешимых противоречий, ни вообще каких бы то ни было неразрешимых дуальностей. Любое противоречие лишь фиксирует свой уровень реальности, на более высоком уровне оно не существует.

Всё это отнюдь не означает, что не только противоречия, но и сами объекты на своих уровнях реальности лишены действительного существования. Нет, они обладают реальностью, но реальность эта обусловленная, так как для каждого уровня реальности есть свои условия существования, свои ограничения, которых нет на более высоких уровнях. И реальность эта частная, поскольку уровень, где всё множественное слагается в единое, обладает реальностью более общей.

Поэтому можно сказать, что любой принцип существования чего бы то ни было сам, в свою очередь, является порождением принципа более высокого порядка. Начало же этой цепи коренится в самом Принципе Сущего. Каждый из этих уровней и есть, собственно, уровень реальности, становящейся всё более низким по мере удалённости от высшего Принципа. Вне этих уровней нет ничего сущего, то есть, если бы можно было допустить, что нечто не имело бы своего принципа существования, то оно не могло бы существовать, то есть, было бы попросту небытием.

Любой объект, в силу существования цепи порождающих его принципов, присутствует одновременно на всех уровнях реальности, вышших по отношению к уровню его проявленности, и, как таковой, является на каждом из этих уровней доступным для познания. Разница заключается в том, что если на одном уровне объект может выступать как автономная сущность, то на более высоком уровне он является частью целого, и степень обобщения становится выше от уровня к уровню. Но это не означает, что на высших уровнях существует только единое в своей целокупности, без всякой возможности различить то, что на низших уровнях является раздельным<sup>24</sup>. Напротив, находясь на точке зрения реальности более высокого порядка, есть возможность увидеть не только отдельные объекты нижнего уровня, но и те специфические условия, которые послужили причиной этой «разделённости». И вместе с тем, если рассмотреть следующий в верхнем на-

правлении уровень, то разделённость исчезает, так как снимаются обеспечивающие её условия.

Поэтому, из практических соображений, предпочтительнее всегда является точка зрения, соответствующая более высокому уровню реальности. С точки зрения познания, уровни реальности можно однозначно сопоставить уровням восприятия. Так что, единственное, что теряется при переходе на более высокий уровень восприятия, так это иллюзия автономности объекта, причём автономности как от других объектов этого же уровня, так и от порождающего их принципа.

Говоря о познании, необходимо отметить, что с точки зрения традиции, истина есть не что иное, как реальность, понятая в гносеологическом аспекте. В самом деле, об истине можно говорить также как о реальности, то есть, что частные истины слагаются в истины более общего порядка, или же существует иерархия истин, то есть имеются истины высшие и низшие. Соответственно, Высшая Истина тождественна Высшей Реальности. Всё это говорит о том, что само понятие истины является сугубо традиционным. Современный дух настолько исказил понятие истины, что, начав с отрицания иерархии, закончил сведением истины к одному биту информации.

Если рассматривать цепочку порождающих принципов (уровней реальности) снизу вверх, то очевидно, что они образуют однозначную последовательность, поскольку для каждого состояния существует лишь один порождающий принцип. Поэтому при таком рассмотрении порождающий принцип тождественен реальности более высокого уровня. Если же рассматривать эту последовательность в противоположном направлении, то на каждом уровне реальности будут располагаться принципы различных нижележащих состояний. Получается, что взгляд «снизу» на более высокий уровень реальности является взглядом более частным, так как видит в нем лишь принцип своего существования.

На самом деле, находясь в некоем состоянии, невозможно иметь никакого знания о принципах других состояний, равно как и о самих этих состояниях<sup>25</sup>. Поэтому нельзя сказать, что два различных состояния, даже если их порождающие принципы находятся на одном уровне, сами расположены на одном и том же уровне реальности. В действительности же, в силу разности порождающих их принципов, они между собой не имеют и не могут иметь никакой общей меры. Можно сказать, что это разные миры, между собой не связанные, то есть не

связанные горизонтально. Вертикально же всё связано, так как всё имеет единый Высший Принцип.

Таким образом, рассмотрение состояний существования как уровней реальности вполне правомерно для точки зрения «снизу вверх», то есть, если мы рассматриваем Универсальное Сущее с частной позиции одного из состояний существования. Для рассмотрения «сверху вниз» такой подход будет правомерен лишь в том случае, если мы рассматриваем лишь одну конкретную цепочку порождающих принципов, а не всё многообразие состояний Сущего.

### *Примечания*

<sup>1</sup> По поводу определения мифологии см. гл. «Священные тексты и литература».

<sup>2</sup> Нынешнее использование термина «виртуальная реальность» представляется крайне неудачным, поскольку само слово «виртуальность» первоначально обозначало то, что имело реальное существование в виде возможности реализации, но не получило, хотя могло бы получить, дальнейшее развёртывание. Здесь налицо явный случай подмены понятий.

<sup>3</sup> Это так лишь в том случае, если мы рассматриваем каждое состояние как элементарное. Если же разделить его на модальности, то окажется, что они тоже иерархически связаны, поскольку, согласно закону соответствия, в структуре любого состояния или объекта отражается вся структура мироздания.

<sup>4</sup> В качестве примера можно привести идею стола, которая объединяет все отдельно взятые столы. Человек, имея в виду стол, мыслит именно идею стола, а говоря о конкретном столе, он наделяет эту идею набором специфических признаков. Человеческий ум не в состоянии мыслить о конкретном столе в отрыве от самого понятия «стол». Поэтому с точки зрения человеческого познания идея стола является принципом существования всех столов вообще и обладает, можно так сказать, первичной реальностью. Подобные соображения были очевидны в средние века, но сейчас их привести не лишне.

<sup>5</sup> Это касается только «природного» человеческого познания. «Сверхприродное» же познание, или познание в откровении, оставаясь вполне человеческим, при этом может быть выше познания универсалий.

<sup>6</sup> Также используется термин «предсуществование».

<sup>7</sup> Здесь хронологическую последовательность нельзя понимать буквально, так как она символизирует иерархическую соподчинённость уровней реальности. Можно сказать, что поскольку Бог находится вне времени, то всё, содержащееся в Божественном Уме, содержится там вечно.

<sup>8</sup> Этими условиями, в частности, являются время и пространство.

<sup>9</sup> В частности, в Каббале знание имён есть то, что позволяет быть сопричастным управлению Вселенной.

<sup>10</sup> Характерно, что если сравнить средневековое и современное понятие реализма, то окажется, что современный реализм наиболее близок именно концептуализму, то есть концепции, максимально далекой от средневекового реализма. Это — ещё один случай инверсии термина, когда духовный аспект утрачивается.

<sup>11</sup> Вот почему авраамические традиции, в частности, настаивают на трансцендентности Бога по отношению к миру.

<sup>12</sup> Иногда его называют Небытием, что представляется не вполне корректным. Следует различать Не-Сущее как принцип Бытия и небытие как отсутствия бытия чего-либо. В первом случае речь идёт о бесконечности возможностей, реализацией одной из которых и является, собственно, Бытие. Во втором же случае речь идёт об отсутствии чего бы то ни было, в том числе и нереализованных возможностей. При этом Бытие и Сущее вполне правомерно употреблять как синонимы.

<sup>13</sup> Тот факт, что понятие «реализация» фактически тождественно понятию «осуществление», говорит о том, что обычно реальность понимают как Бытие. Однако, и хочется ещё раз повторить это, наивысшая реальность лежит вне Бытия, поэтому к ней неприменимы такие термины, как осуществление и реализация.

<sup>14</sup> Здесь и далее понятия «состояние», «мир» и «уровень реальности» означают одно и то же и употребляются в зависимости от акцентов, расставляемых в конкретном контексте.

<sup>15</sup> Это верно лишь отчасти, поскольку всё, заключённое в пределы нашего мира, представляет собой различные модальности одного и того же состояния. В отношениях между этими модальностями символически отражается сама иерархия состояний, связывающая миры. С её точки зрения все связи внутри мира являются горизонтальными, тогда как в действительности отношения между модальностями также иерархичны.

<sup>16</sup> Эфир, то есть пятый элемент, принадлежит к тому же уровню реальности, что и остальные четыре.

<sup>17</sup> Можно лишь создать иллюзию отделённости, каковыми иллюзиями полон современный мир.

<sup>18</sup> Знание об этом присутствует в любой ортодоксальной традиции. Не ссылаясь здесь на конкретные места священных текстов, хотелось бы сказать лишь, что порой в результате позднейших толкований акценты были расставлены так, что скрыли определённые истины. Однако любое священное писание всегда может быть прочитано человеком, способным видеть.

<sup>19</sup> Именно в этом значении понятие «синтез» используется в алхимии.

<sup>20</sup> Собственно, современному понятию материи нет никакого точного эквивалента ни в предшествующих эпохах, ни в других культурах вообще (некоторое сходство обнаруживают лишь концепции отдельных школ, в частности, атомистов). Это в значительной мере обусловлено направлением развития современного научного знания.

<sup>21</sup> Само по себе отсутствие формы ни в коей степени не характеризует уровень реальности. Между уровнем *materia prima*, в которой отсутствует всякая форма, и уровнем неоформленной проявленности, являющемся уровнем принципов, лежит целый спектр оформленных состояний, лишь одно из которых является телесным.

<sup>22</sup> Эта дуальность практически точно соответствует «инь-янь» дальневосточной традиции. В ведической традиции эквивалентом являются отношения Пуруши и Пракрити.

<sup>23</sup> По поводу множественности см. работу Р. Генона «Царство количества и знамения времени».

<sup>24</sup> Против мнения философов, что Бог не познаёт вещей, взятых в их единичности, выступал в арабском мире в 11 веке Альгацель. В более поздний период в Европе можно найти массу примеров борьбы с этой точкой зрения (см., напр., Фома Аквинский, Сумма Теологии, кн. 1, вопр. 14).

<sup>25</sup> Кроме тех случаев, разумеется, когда эти другие состояния или их принципы располагаются ниже в той же цепочке порождающих принципов. В этом случае нам доступно полное знание обо всех состояниях, для которых принципом является состояние, в котором мы пребываем.

# ЗАКОН СИМВОЛИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

Потребность в символическом выражении настолько свойственна природе человека, что в антропологии это признано одним из основных человеческих свойств. В современной науке есть множество теорий, по-разному объясняющих этот феномен, поэтому существуют различные определения понятия символа. Изначально этот термин имел совершенно другое значение, чем сейчас, причём процесс изменения значения происходил постепенно. Не вдаваясь в подробности, хотелось бы выделить основные этапы этого процесса, причём, идя в направлении, обратном хронологии появления того или иного понимания термина, поскольку именно такое направление соответствует степени повышения «одухотворённости» понятия.

Сейчас самое распространённое понятие символа — это символ языка, при этом имеются в виду, естественно, современные языки. В данном случае, символ сам по себе не несёт отдельной смысловой нагрузки, а рассматривается исключительно как элемент алфавита, из которого, согласно набору правил, строятся слова, обеспечивающие коммуникативную функцию. Этот подход получил своё предельное выражение в теории формальных языков, используемой для разработки языков программирования.

В современном искусстве понятие символа имеет, как может показаться, противоположное значение. Здесь под символами понимают образы, призванные вызвать определённые ассоциации и эмоциональные состояния. При этом часто утверждается, что эти ассоциации и состояния находятся выше разума, то есть, претендуют на некую духовность. Однако на самом деле состояния высших планов подразумевают полную объективность восприятия, и, соответственно,

точный смысл символов. На уровне же ассоциаций и эмоций объект вызывает реакцию, соответствующую, главным образом, внутренним свойствам субъекта. Поэтому мы и слышим столько споров о смысле многих современных произведений искусства, при этом смысл символов толкуется по-разному. В этом плане характерен пример понятия «символизм», под которым сейчас обычно понимают известную тенденцию в литературе и искусстве, не имеющую к истинной духовности никакого отношения. Этимологически же символизм — наука, изучающая символы, тогда как символика — язык символов.

Для культуры эпохи Возрождения<sup>1</sup> было характерно более глубокое, нежели для современности, понимание символики. Если не рассматривать негативные тенденции<sup>2</sup>, то преобладающей здесь была идея всеобщей гармонии. Этому в большой степени способствовало влияние Греко-римской цивилизации, проявившееся, в основном, во внешних формах, тогда как дух этой цивилизации, в силу отсутствия прямой преемственности, остался европейцам мало доступен<sup>3</sup>.

Символика эпохи Возрождения также была связана с определёнными эмоциональными состояниями (особенно это ярко проявлено в музыке), но эти состояния отнюдь не были произвольными. Каждое такое состояние, во-первых, не могло лежать на уровне низших эмоций, поскольку символически соответствовало высшим планам, а во-вторых, было как бы частью мозаики, которая вся вместе отражала всеобщую гармонию. Сама же всеобщая гармония метафизически соответствует идее мирового равновесия, имеющего причиной единство всех вещей в Высшем Принципе.

Знание о Высшем Принципе и адаптация этого знания на всех социальных уровнях есть основная черта традиционного общества, для которого символ является ещё более глубоким понятием. Традиция понимает символику как, прежде всего, средство передачи метафизического знания на более низкие уровни реальности, где объекты-символы являются отражениями метафизических принципов. Причём символ, будучи отражением принципа на своём уровне, становится в силу этого как бы «локальным центром бытия» для места, где он проявлен. Символ сам по себе не зависит от субъективного восприятия, но, напротив, представляет собой на своём уровне высшую степень объективности.

Само по себе метафизическое знание является понятием, применимым только для человеческого состояния. Вне его пределов, для всех состояний, оно является ничем иным, как эманацией Высшего Прин-

ципа<sup>4</sup>. Если рассматривать символику как средство передачи этих эманацій, то становится возможным говорить о символике вне человеческого состояния, или, точнее, для всех состояний вообще.

Для каждого состояния любая множественность является единством на более высоком уровне реальности, причём то, что было отдельным, при более высоком рассмотрении является одним из аспектов целого<sup>5</sup>. Если рассматривать символику горизонтально, то символ, проявленный в данном состоянии, является лишь элементом множественности. На самом же деле, при вертикальном рассмотрении, которое является более истинным, символ является одним из аспектов Единства. Можно сказать, что для данного уровня реальности в символе присутствует само Единство, которое вынужденно имеет вид отдельного элемента множественности, иначе его проявление на данном уровне было бы невозможным. Поэтому, если символ рассматривать «вертикально», то он, являясь аспектом целого с относительной точки зрения, тождественен этому целому с точки зрения абсолютной, и, в конечном счёте, тождественен Единству<sup>6</sup>.

С абсолютной точки зрения не имеет значения, какой аспект Единства рассматривать в качестве символа высшего состояния, ведь сама абсолютная точка зрения означает, что любой объект, коль скоро он существует и проявлен на своём уровне, является отражением Единства. Так как абсолютная точка зрения соответствует Высшей реальности, то при таком рассмотрении никогда не возникает иллюзии отделённости чего бы то ни было от своего принципа, или, точнее, иллюзии независимого существования. В этом смысле любой мир и всё, что этому миру принадлежит, равно являются символами Единства. Применительно к нашему миру можно сказать, что мир является символом Высшей реальности, также как любая из его частей, объектов, а также фундаментальных свойств. Можно сказать, что вся реальность символична, если говорить об относительной реальности. Если же иметь в виду высшую, или абсолютную реальность, то она также символична в определённом смысле. Строго говоря, высшую реальность нельзя отождествлять с Непроявленным, то есть Не-сущим, поскольку к Не-сущему неприменимы никакие ограничения, а определение в качестве реальности, как и любое другое определение, само по себе уже является ограничением. Поэтому понятие «Высшая реальность» правомерно применять лишь к Сущему. Следовательно, понятая таким образом Высшая реальность также символична, поскольку Сущее самым своим бытием символизи-

рует Не-сущее. Тем не менее, как было сказано в предыдущей главе, Высшую Реальность мы все-таки понимаем как Не-Сущее. Пусть это не вполне корректно в плане определения, зато снимает неоднозначность, согласно которой что-либо могло бы быть поставлено выше, чем Высшая Реальность.

Однако для нас, которые находятся в обусловленности и относительности человеческого состояния, имеет значение, какими символами мы пользуемся для сопричастности с высшими состояниями, причём это значение можно назвать предельно практическим, так как истинная практика — это лишь то, что является духовным восхождением. Здесь фундаментальное значение имеет наша природа, на которую в качестве вторичных факторов накладываются особенности времени и места, то есть традиционная, этническая и культурно-социальная принадлежность. Всё это обуславливает ту символическую реальность, в которой мы пребываем, и которая является нашей опорой на пути к Высшему Тожеству. Можно сказать, что каждому человеку открывается реальность, откликающаяся на его внутренние духовные стремления. Под духовными стремлениями здесь имеется в виду не осознание пути реализации, а тот модус существования, который является для такой реализации основой.

В силу закона соответствия, каждый отдельно взятый мир, в том числе и наш, подобен всему множеству проявленных миров, то есть Вселенной. Они подобны прежде всего в плане структуры, основанной на иерархических отношениях. Поэтому можно говорить об иерархии внутри нашего мира, то есть, о существовании в нём более или менее одухотворённых состояний, так же, как мы говорим о различных мирах. Точнее, в данном случае более корректно было бы говорить о различных модальностях одного состояния, поскольку, как было сказано ранее, понятие «состояние» тождественно понятию «мир»<sup>7</sup>.

Такая иерархия модальностей очевидна даже с позиций обыденного сознания, поскольку большинство людей, не выходя за пределы мира, в течении своей жизни пребывают в разных состояниях. Высшее же состояние в пределах нашего мира известно как состояние земного рая.

Любую структуру, в силу своей иерархичности соответствующую Вселенной, можно представить в виде горы с единственной вершиной. Для нашего мира вершиной будет именно состояние земного рая. С точки зрения любой другой модальности это есть единственная выс-

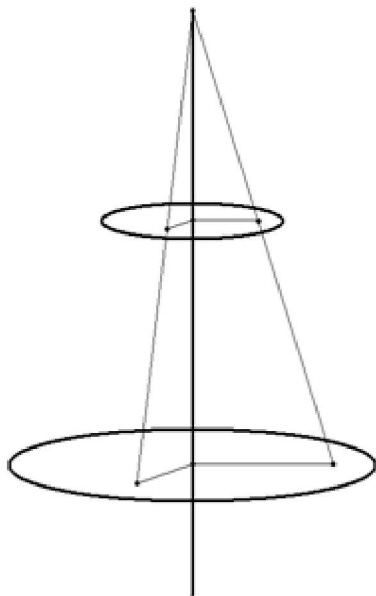
шая точка, то есть, в пределах этого мира это конечная цель духовного восхождения.

Однако, духовное восхождение не может иметь иной цели, кроме Высшего Тожества, где нет ни миров, ни иерархии, ни вообще какого бы то ни было различия и даже обусловленного существования. Поэтому восхождение из состояния земного рая продолжается вплоть до Высшего Тожества.

Геометрически эти две фазы восхождения можно представить как горизонтальное и вертикальное. Тогда наш мир представляется в виде круга, и такими же кругами можно представить другие миры, лежащие над ним или под ним, выше или ниже в зависимости от места во вселенской иерархии. Каждая точка круга — это модальность мира с присущим ей положением по отношению к центру и к остальным точкам. При этом вертикальный участок восхождения является осью, проходящей через центры этих кругов. В различных традициях она известна как Мировая Ось, причём это означает не «ось мира», а «ось, соединяющая миры». Именно она является Великим Путём духовного восхождения, так как позволяет достигнуть Высшего Тожества из любого состояния (мира). Любой же горизонтальный участок восхождения, то есть, путь к земному раю, будет лишь отражением Мировой Оси, или, если угодно, её символом<sup>8</sup>.

Символы, проявленные в мире, в разной степени удалены от его центра<sup>9</sup>, и удалённость эта определяется местом в мировой иерархии той модальности, которой символ соответствует. Но при этом символ не исчерпывается проявлением в мире, а напротив, является нитью, соединяющей его место в мире с Высшим Принципом. Нить эта пронизывает все миры, находящиеся выше того, который мы рассматриваем, и может продолжаться также вниз, хотя это и не является необходимым.

Поскольку Высший Принцип является высшим из всех состояний и одновременно окончательностью Мировой Оси, геометрически он представляется не кругом, а точкой. Поэтому символическая связь, соединяющая символ с Принципом, направлена как бы под углом к Мировой Оси. Соответственно, символическая связь пересекает различные состояния таким образом, что символы, являющиеся результатом этого пересечения, тем ближе к Мировой Оси, чем состояние, которому они принадлежат, ближе к Принципу. В самом же Принципе все символы становятся тождественны ему и друг другу.



Та точка, где в мире проявлен символ, находится на периферии, поэтому из неё Мировая Ось недоступна. Для данной модальности символическая связь является тем, что связывает между собой миры. В этом ещё один смысл символики. Можно сказать и иначе: символика связывает миры, так как любая символическая связь является отражением Мировой Оси. При этом символ является в свою очередь отражением во всех состояниях одного из метафизических принципов.

Такая символическая связь миров имеет практическое значение только для той точки, которая находится, согласно нашему геометрическому описанию, на некотором удалении от центра мира, причём это касается не только нашего мира, но и всех миров. Для того, чтобы это практическое значение стало более понятным, можно рассмотреть проекции символической связи с разных направлений. Если проецировать горизонтально, то есть, как бы с точки зрения мира, то символическая связь будет совпадать с Мировой Осью. Если же проецировать вертикально, с точки зрения Высшего Принципа, то проекцией будет отрезок, соединяющий состояние, о котором мы говорим, с центром мира.

Это означает, что то место, где проявлен символ, и откуда восходит символическая связь, является точкой, где эта связь является отражением Мировой Оси, то есть, именно с этой точки зрения они тождественны, и только с неё. Конечно, символические связи ни в коей степени не в состоянии обеспечить ту абсолютную реализацию, какую даёт Мировая Ось, но они, всё же, обеспечивают полную реализацию в границах данного мира. Эта реализация и есть тот путь, который связывает данное состояние с центром мира. Очевидно, что, не будь символических связей, не было бы и этих проекций, тем самым знание о направлении реализации было бы принципиально недоступным.

Из сказанного следует, что тот, кто находится в центре мира, уже достиг Мировой Оси, а потому для него не являются существенными более или менее случайные её отражения, которые представляют собой символические связи. Хотя весь мир представляется одной плоскостью бытия, тем не менее, по отношению к земному раю любая другая точка находится на периферии, а значит, обладает меньшей реальностью. Для тех же, кому лишь предстоит обрести земной рай, символические связи необходимы, так как только проявленный в их модальности символ может дать им опору и направление. Для них символические связи являются также каналами, передающими духовные влияния на данный уровень реальности.

Если рассматривать символы с точки зрения метафизических принципов, выражением которых они являются, то для символики человеческое состояние является частным случаем, а сами символы представляет собой адаптацию метафизического знания для понимания теми, кто находится в этом состоянии. Необходимость этой адаптации обусловлена тем, что в чистом виде метафизическое знание является, можно сказать, нечеловеческим (точнее, над-человеческим), то есть на уровне человеческого бытия оно ни с чем не коррелируется. Даже язык и мислеобразы здесь бессильны, поскольку это знание нельзя как-то ограничить или обусловить.

Но это не значит, что метафизическое знание в чистом виде не воспринимается на человеческом уровне. Говоря о человеческом состоянии, имеется в виду, что существо, находящееся в этом состоянии, обусловлено определённым образом и имеет соответствующую этому состоянию степень метафизической реализации. Однако, в любом случае, центром человеческого существа является высший Принцип, и поэтому метафизическое знание, в своей основе тождественное Ему, находит отклик на всех уровнях реальности, являющихся эманацией Принципа.

Символы же хотя и не могут сами по себе передать полное знание о принципах, играют роль неких точек сопричастности, опор, благодаря которым совершается духовное восхождение. В этом смысле даже те символы, которые не связаны с осевой символикой, всё равно в скрытом виде содержат в себе идею связи с Принципом. Можно сказать, что традиционный символизм является «вертикальным» в отличие от «горизонтального» современного понимания символики.

Поэтому для того, чтобы понимать смысл символов, надо, прежде всего, рассматривать их «вертикальным» образом, ища на высшем уровне тот аспект, который символически выражен. В противном случае объяснения будут в духе современной науки, рассматривающей символы как обозначение объектов этого же уровня реальности. Но в этом случае символика перестаёт иметь смысл и даже может принести вред, поскольку символы из «опор» превращаются в «якоря», удерживающие человека в его состоянии. Истинный же смысл символов может быть понят только в контексте внутренней самореализации.

Следует заметить ещё, что многозначность символов, непонятная многим исследователям, не могущим выйти за рамки «горизонтальной» интерпретации, на самом деле для традиционного знания вполне разрешима. Символ может иметь противоположные значения, а также противоположные символы могут означать одно и то же. Но противоположность эта мнимая, поскольку в первом случае просто берутся разные аспекты символа, тогда как во втором разные символы обозначают разные уровни, рассматриваемые в одном «вертикальном» направлении<sup>10</sup>. И, кроме того, возможно множество вариантов многозначности, где значения не являются противоречивыми.

Многозначность символа есть не что иное, как отражение мирового равновесия в точке, где символ проявлен в мире. Поэтому идея равновесия некоторым образом присуща самой символике. На высшем же уровне любое противоречие разрешается, а любая многозначность становится единством<sup>11</sup>.

Любой символ в силу его связи с более высокими уровнями реальности как бы приподнят над уровнем, на котором он проявлен. Степень реальности соответствует близости к Принципу, являющемуся вообще источником всякой реальности и всякого действительного существования, поэтому символы и являются наиболее реальными объектами в чувственном мире. Именно глобальное непонимание этого

факта является источником огромного количества ошибок, которые делают историки и филологи, пытаясь исследовать символику с точки зрения «историчности». Подобный анализ неправомерен ещё и с точки зрения теории познания, поскольку для истинного познания необходимо определённое тождество объекта и субъекта, которое недостижимо, если субъект не обладает необходимыми свойствами. И для человека, принадлежащего Традиции, символическое описание будет всегда более реально, более истинно, чем историческое или «реалистическое». Можно сказать, что в силу «приподнятости» символов над их уровнем реальности, современные исследователи символики исследуют не сами символы, а их проекции, «тени», поскольку всё их познание ограничено горизонтальной плоскостью единственного, как они считают, уровня реальности. Что же касается идущих по Пути, то их «историчность» не интересует.

Хотелось бы ещё раз обратить внимание на то, что «приподнятость» символа над его уровнем реальности всегда условна. Если взять любой символ на любом уровне реальности, то всё проявленное на этом же уровне также является символами сверхприродной реальности, иначе оно бы просто не существовало. И здесь мы опять возвращаемся к вопросу о субъективном восприятии символики. Восприятие чего-либо как символа и выделение его из всего окружающего всегда субъективно, и зависит от конкретных свойств субъекта. Можно сказать, что при этом субъект отчасти видит истинную сущность того, что им воспринимается как символ, при этом относительно всего остального он продолжает находиться в иллюзии неведения. Поэтому набор того, что воспринимается нами как символы, всегда субъективен, но то, как мы воспринимаем эти символы, напротив, предельно объективно. Гораздо более субъективно восприятие всего остального, поскольку относительно него мы пребываем в иллюзии независимого существования.

Таким образом, закон символических соответствий является поистине универсальным, «соединяющим миры». И для сознающих существ понимание символики как чего-то менее реального по отношению к чувственному миру есть результат инверсии, а игнорирование её означает отказ от видения пути. Конечно, можно следовать по пути, не видя его, и неосознанное стремление к совершенству часто является движущей силой. Однако, для слепых всегда есть большая вероятность упасть в яму.

*Примечания*

<sup>1</sup> Поскольку мы говорим о том, что символическое восприятие является фундаментальным человеческим свойством, можно было для примера взять любую другую культуру. Эпоха Возрождения здесь более удобна в том плане, что наглядно виден переход от традиционного общества к современному.

<sup>2</sup> По этому поводу см. гл. «Традиция и искусство».

<sup>3</sup> Тот факт, что Европа взяла столь много от римской модели, не означает наличия духовной преемственности, а лишь преемственности в более внешней культурной сфере, проявившейся в формировании эстетических критериев и в основах социальной организации. Впрочем, дух греческого эллинизма был в значительной степени утрачен уже Римом.

<sup>4</sup> Закон Всеобщего познания говорит о том, что субъект, объект и процесс познания находятся тем ближе друг к другу, чем выше их уровень реальности. На высшем же уровне они образуют абсолютное высшее тождество, с поправкой на тот факт, что в этом состоянии нельзя говорить о процессе как о чем-то хронологически протяжённом. Стало быть, для нашего мира отождествление метафизического знания и духовных влияний вполне правомерно.

<sup>5</sup> Рассмотрение различных аспектов (а не частей) Единства является «каменем преткновения» для тех, кто незнаком с методологией традиционного познания, так как они видят в этом существование многих различных истин, то есть гетеродоксию.

<sup>6</sup> Это рассмотрение является вполне практическим, если мы говорим о духовном восхождении.

<sup>7</sup> С абсолютной точки зрения, иерархия в границах мира условна, по сравнению с безусловной иерархией состояний. Однако, если мы не выходим за рамки нашего мира, то говорить о иерархии состояний также вполне уместно, так как модальности в пределах нашего мира являются отражениями самих миров.

<sup>8</sup> Может показаться, что здесь и далее геометрическая символика не вполне приемлема, так как метафизические истины в своей полноте невыразимы ни геометрически, ни как-либо иначе на человеческом языке. Однако надо иметь в виду, что пространство и время присущи нашему миру отнюдь не случайно, а как фундаментальные условия, отражающие модус связи с Высшим Принципом. Любые условия существования, являясь ограничениями на своём уровне, в то же время символизируют для этого уровня, как это ни парадоксально, свободу от этих обусловленностей, свободу на том уровне, который является для данного уровня принципом существования. Именно в этом коренится глубочайшее основание любой пространственно-временной символики, и, в частности, символики геометрической. Это было причиной, по которой в Древней Греции геометрия являлась священной наукой.

<sup>9</sup> Понятно, что это необходимое условие для того, чтобы символы эффективно служили опорой на пути самореализации для всех сознающих существ, каждое из которых находится на своём уровне осознания.

<sup>10</sup> Например, первый случай — световой аспект огня символизирует высшую реальность, в то время как жар соответствует inferнальной области. И второй случай — в христианском монашестве белый цвет символизирует Бога в аспекте изначальной проявленности (Сущее), чёрный же цвет — непроявленное.

<sup>11</sup> Невозможность подняться в толковании символов на более высокий уровень приводит к неразрешимости противоречий. Именно это и породило манихейство во всех его формах. Также ошибкой является подчёркивание одного аспекта и забвение другого, что является, по сути, проявлением метафизической некомпетентности.

## ЧЕЛОВЕК КАК СИМВОЛ

Современная наука, хотя и пошла по пути изучения лишь одного из уровней реальности, тем не менее, сохраняет в себе границы областей научного знания, которые являются фундаментальными для любого способа рассмотрения. Границы эти определены самими предметами исследования. Если говорить о традиционных науках, то они, в силу иерархичности традиционного знания, на высшем уровне синтезируются в единое целое, каковым является метафизика как универсальная традиционная наука<sup>1</sup>. Тем самым, традиционные науки — это частные приложения метафизики, обладающие меньшей по отношению к ней реальностью. Однако на их уровне говорить о них как о традиционном научном знании вполне правомерно. Таким образом, мы можем говорить, в частности, о традиционной онтологии и традиционной антропологии.

В традиции онтология, то есть, наука о бытии, рассматривает любой реально существующий объект как подобие Вселенной, то есть микрокосм всегда соответствует макрокосму. Поскольку Вселенная иерархична, что определяется уровнями проявленности (реальности), то любой из её элементов имеет такую же иерархическую структуру.

Каждый такой элемент сохраняет условную автономность лишь на определённом уровне, который является тем же самым, что и вселенский уровень, служащий опорой для соответствующего состояния. На более высоких уровнях множества элементов слагаются в «цельности», причём независимо от того, что мы рассматриваем — отдельный элемент, множество или Вселенную — всюду мы можем увидеть отражение всего многообразия уровней реальности. Высшим из них является надбытийный уровень, обеспечивающий существование как Бытия, то есть непроявленности, так и Вселенной как реализации одной из возможностей Бытия. Он же придает реальность всему многообразию реализованных возможностей во Вселенной.

Основным положением метафизики является то, что уровень надбытия (Атман), являясь принципом Сущего, присутствует равно во всей Вселенной и в любой из её частей, оставаясь при этом единым целым. Подобное можно сказать и о любом другом уровне реальности, лежащем выше дифференциации<sup>2</sup>. Тем самым, любой объект становится отдельным лишь при рассмотрении его на уровне отдельных объектов. Если же взглянуть на него с более высокого уровня реальности, то он есть «цельность», включающая в себя все подобные объекты. При рассмотрении же данного объекта на высшем уровне он есть абсолютное единство, где нет разделения даже на Сущее — Не-Сущее. Эта точка зрения возможна, так как каждый субъект как часть Вселенной содержит в себе в качестве основы Высший Принцип, являющийся источником всеобщего существования. Также и любой принцип частного порядка входит в качестве высшего и определяющего элемента во всё, что он порождает.

Сама возможность «высшей» точки зрения порой ставится под сомнение. Тот факт, что Веданта утверждает абсолютное тождество Атмана и Дживатмана, иногда служит поводом для интерпретаций вроде изложенных в своё время Борисом Вышеславцевым. Он писал, что к этому тождеству можно подходить как с позиции божественного, так и с позиции человеческого, и соответственно существуют «два типа индийской мистики: теософский пантеизм и антропософский атеизм»<sup>3</sup>. Мы сейчас не хотим говорить о несерьезности попыток загнать Веданту в рамки современной классификации религиозно-философских систем. Также не будем акцентировать внимание на том факте, что Высшее Тождество не имеет к мистике никакого отношения. Но всё же хотелось бы сказать следующее. Источником подобных недоразумений отчасти является парадокс, состоящий в том, что Высшее Тождество может быть воспринято в полноте только с такой точки зрения, где уже нет субъекта восприятия, ибо он неотделим от объекта. Однако тождество — это не абсолютное слияние без возможности различения, а снятие ограничений, вызванных разделением. В высшей реальности нет ни субъекта, ни объекта, но нисхождение Духа осуществляется именно оттуда, и на любом уровне это нисхождение имеет результатом осознание Принципа Бытия. С позиции этого осознания, достигнутого на своём уровне реальности, вполне уместно говорить о Высшем тождестве<sup>4</sup>.

Под термином «макрокосм» обычно понимают космос, который соответствует проявленному бытию. Однако, говоря о том, что микрокосм

является отражением макрокосма, надо иметь в виду, что макрокосм всегда должен рассматриваться в соответствии с Высшим Принципом, который, оставаясь трансцендентным, всё же является частью понятия макрокосма, поскольку является источником собственно бытия.

Вообще говоря, согласно традиционному учению, любое понятие должно рассматриваться в своей связи с Принципом, трансцендентность которого означает «вертикальность» отношений. Именно с точки зрения такого рассмотрения достигается понимание «единства всех вещей», которое является синтетическим, в отличие от синкретического, при котором пытаются связать вещи между собой «горизонтально» без учёта принципа.

Говоря о том, что Принцип занимает центральное место как в структуре человеческого существа так и в структуре космоса, мы прибегаем к пространственно-геометрической символике. Но надо понимать, что здесь не может быть буквального соответствия, поскольку речь идёт о знании метафизического порядка. Поэтому не является противоречием тот факт, что то, что символически названо «центром», на самом деле является трансцендентным по отношению к «периферии». А с другой точки зрения этот «центр» включает в себя всю «периферию», так как является принципом существования. Подобные же примеры можно привести и в отношении временной символики, часто используемой для обозначения принципов и их производных.

Относительно структуры человеческого существа можно сказать, что, имея своим центром Высший Принцип, она подобна Вселенной. Это одно из основных положений традиционной антропологии. В этом смысле, если смотреть с абсолютной точки зрения, случай человека не является уникальным или предпочтительным. Однако мы, будучи людьми, смотрим с относительной, человеческой точки зрения. Отличительная особенность её в том, что познание Принципа Сущего мы вынуждены реализовывать как познание принципа человеческого существа. Впрочем, это не есть некое ограничение «сверху», а лишь обусловленность, предоставляющая нам только один из множества путей, который и является собственно человеческим. В рамках же нашего пути, как известно, существует целый спектр возможностей самореализации.

Закон соответствий является всеобщим законом, и наиболее существенное выражение его действия — это символические соответствия, соединяющие уровни реальности и конституирующие их бытие. Однако он действует и в пределах самих уровней реальности, и, более того,

его действие на этих уровнях распространяется на модальности, не состоящие между собой в иерархических соотношениях. Поэтому можно сказать, что в этом случае такие соответствия внутри конкретного мира также являются символами самих символических связей, соединяющих миры. Если рассматривать соотношения модальностей не сами по себе, а как отражение вертикальных символических связей, то эти соотношения обретают относительную иерархичность, хотя они лишены таковой с абсолютной точки зрения<sup>5</sup>. Именно таков случай отношения уровней макрокосма и микрокосма. В различных традиционных формах человек выступает как символ мироздания, хотя уровни реальности у макрокосма и у микрокосма одни и те же. Тем не менее, этот символизм дает совершенно конкретную опору в процессе духовной реализации.

Ведическое учение, в котором наиболее полно развита традиционная антропология, выделяет в человеческой структуре семь иерархически соподчинённых уровней. Более поздние традиции не настаивают на такой степени детализации и ограничиваются известной триадой дух-душа-тело<sup>6</sup>. Однако, какая бы не была степень детализации, каждый уровень человеческого существа соответствует определённому вселенскому уровню реальности. Тем самым, человеку может быть доступен весь диапазон уровней реальности, от телесного уровня до Высшего Тожества.

Поэтому можно сказать, что человек, явленный как таковой на телесном уровне, присутствует также на более высоких уровнях реальности. Именно на этих уровнях его существование наиболее реально, так как они являются уровнями принципов для телесного состояния. С этой точки зрения, человек является символом сверхприродной реальности, а связь, обеспечивающая соединение уровней человеческого существа, тождественна Оси Мира<sup>7</sup>.

Отсюда можно сделать вывод, что человек, достигший высокой степени самореализации, обладает такой свободой, что в состоянии выбирать для себя степень сопричастности каждому из обусловленных уровней. Понятно, что тот, кто обладает непосредственным знанием принципов, с большей долей вероятности выберет сопричастность уровню этих принципов, чем уровню их производных, так как принципы обладают большей реальностью<sup>8</sup>. Применительно к человеческому состоянию это может означать уход из этого мира и смерть на плане, который принято называть физическим. Создается впечатление, что о том, кто осуществил подобный выбор, нельзя более говорить как о человеке.

Однако подобная реализация виртуально заложена в каждом из нас. Можно сказать, что с точки зрения вечности, то есть, на уровне отсутствия временной обусловленности, человек, реализовавшийся подобным образом, ничем не отличается от того, кому ещё только суждено пройти этим путём. С этой точки зрения, человеком является любое существо, которое когда-либо имело в качестве опоры реализации человеческое состояние.

Более того, так как человек проявлен на всех уровнях вплоть до высшего, любой из этих уровней может быть рассмотрен как человеческий. В этом смысле человеческий архетип присутствует на любом уровне реальности, и любой вселенский уровень может быть рассмотрен как подобие человека. Очевидно, что эта частная точка зрения, однако она является для нас «практической». Если мы рассматриваем подобным образом какой-либо высший аспект или состояние, то само подобное рассмотрение становится символической связью, соединяющей этот аспект с нашим уровнем реальности. Это положение лежит в основе антропоморфной традиционной символики. Поэтому использование человеческих изображений, символизирующих различные высшие аспекты, характерно для большинства форм духовной традиции<sup>9</sup>.

Пока мы являемся людьми, наш мир, то есть человеческое состояние, является для нас основой всякой реализации. Именно от него мы отталкиваемся, прежде чем достигнуть сопричастности с любым из высших состояний. И именно принадлежность к этому миру определяет нас как людей. Поэтому, несмотря на разную степень самореализации каждого, мир остаётся для всех одним и тем же.

Если символику дух-душа-тело рассматривать с точки зрения всего множества уровней реальности, то дух однозначно соответствует Высшему Принципу, душа — множественности проявленных состояний, а тело — уровню человеческого состояния. Отражение же этой триады на плоскость самого человеческого состояния выглядит следующим образом. Дух соответствует всему множеству духовных влияний, нисходящих на человеческий уровень из высших состояний. Душа есть именно область душевного, то есть жизненного, в человеческом существе, чему на уровне макрокосмическом соответствует *Anima mundi*. Тело же есть собственно телесность, то есть материя в современном понимании этого слова. В нашем мире на уровне макрокосмическом эта триада соответствует Трибхуване (Бхус-Бхувас-

Свар) ведической традиции. Также можно провести определённое соответствие с тремя гунами<sup>10</sup>.

Это упрощённое деление имеет практический смысл. Каждый человек хоть и вынужден использовать человеческое состояние как основу самореализации, тем не менее, в пределах этого состояния может выбрать основную «опору». Естественно, что те, кто выбрал в качестве такой опоры духовные влияния, могут самореализоваться наиболее эффективно. Под выбором здесь понимается некая склонность, какую люди в зависимости от своего уровня осознания питают к соответствующему плану реальности, то есть, этот выбор обусловлен внутренне. Однако, в плане выбора человек всегда обладает определённой свободой.

Традиция определяет свободу человека именно как виртуальную возможность сопричастности любому уровню вплоть до высшего. То есть, эта свобода носит «вертикальный» характер<sup>11</sup>. Отсюда такое противоречие в понятии свободы между традиционным и современным сознанием. С современной точки зрения можно видеть лишь проекцию на уровни телесности и душевности той вертикальной связи, которая объединяет все уровни человеческого существа. Поэтому с этой позиции какое-либо вертикальное движение не может быть заметным. А ведь именно это движение и является внутренней самореализацией. Тот, кто осознал это, уже не заинтересован в движении в «горизонтальной» плоскости. Современное же сознание, знакомое лишь с «горизонтальным» движением, видит в этой незаинтересованности стагнацию, являющуюся результатом несвободы. Поэтому, начиная с эпохи Просвещения, принадлежность к Традиции, и, в частности, к религии, стали воспринимать как отсутствие свободы. По сути, эта инверсия является антитрадиционной точкой зрения. Такая позиция характерна для современного гуманизма, ставшего, фактически, официальной философией современного общества.

Термин «гуманизм» этимологически означает учение, в котором место человека является центральным. Но коль скоро между человеком и Вселенной имеется соответствие, надо уточнить, какой именно аспект человека рассматривается. Ведь если рассматривать человека в его высшем аспекте, то, согласно традиционным учениям, этот аспект будет абсолютно тождественен Высшей реальности. И это тоже можно было бы назвать гуманизмом, причём даже с большим правом, поскольку здесь рассматривалась бы истинная сущность человека, неотделимая от Принципа Бытия.

С человеческой точки зрения на пути духовного восхождения существует некий рубеж, преодолев который, невозможно далее сохранять иллюзию независимости от Высшей Реальности. Перешагнув этот рубеж на пути восхождения, существо чувствует постоянно присутствие Высшего Принципа и свою связь с Ним. В христианской традиции этому рубежу соответствует граница мира ангелов. Выше этого рубежа нет принципиальной разницы между объектами рассмотрения, поскольку вся уровни реальности имеют единый источник. Все рассуждения о ценности жизни и о праве на жизнь вместо права на истину, к которым во многом сводится современный гуманизм, также имеют смысл лишь до этой границы, пока ещё может сохраняться неведение относительно источника жизни<sup>12</sup>. Так что современный гуманизм явился способом рассмотрения человека, причём способом отнюдь не высшим, а таким, который сохраняет иллюзию автономности от Бога. Поэтому часто звучащие утверждения о несовместимости философии гуманизма с традиционными учениями имеют под собой все основания<sup>13</sup>.

Что касается теории реинкарнации, то здесь дело обстоит следующим образом. Сейчас популярная точка зрения состоит в том, что человек снова и снова возвращается в человеческое состояние, то есть в наш мир. На самом же деле смотреть надлежит не с точки зрения нашего мира, являющегося совокупностью модальностей, а с точки зрения самого человека и его сопричастности уровням реальности. Разворачивание универсальной проявленности происходит как на макрокосмическом, так и на микрокосмическом уровнях. Для человека это означает, что он сопричастен всему бесконечному множеству состояний. Это так, поскольку человеческое существо имеет своим принципом Дживатмана, который есть одно целое с Атманом, и, как таковой, является принципом для всего множества состояний универсальной проявленности. Поэтому используемое здесь нами слово «сопричастность» фактически означает «конституирование», то есть человек сам является творцом своих состояний, которые являются теми же, что и уровни реальности макрокосма. Каждое состояние, в свою очередь, имеет бесконечное число модальностей, поскольку на своём уровне является отражением (символом) всей универсальной проявленности. Человек никогда не возвращается в точности на тот же уровень реальности и в ту же модальность, где он когда-то находился, точно так же, как и в универсальной проявленности нет двух абсолютно идентичных состояний. Однако прежний и новый уровень реальности

человека могут соответствовать как различным состояниям, так и различным модальностям одного состояния. В первом случае человек покидает пределы этого мира, тогда как во втором он остаётся в мире, переходя на иной уровень осознания. При этом телесная смерть отнюдь не является обязательным условием для подобного перехода. Каждый человек, живя в мире, постоянно изменяет свой уровень осознания, становясь сопричастным различным модальностям мира. Если же уровень осознания изменится настолько, что перестанет соответствовать какой-либо модальности человеческого состояния, то человек, выйдя за пределы мира, умрёт для него, то есть перестанет быть человеком с точки зрения мира. Однако с точки зрения высшей реальности он был и остаётся человеком. Метафизически это означает, что Дживатман остаётся принципом его существа. Но, помимо этого, здесь есть и чисто практический аспект. Тот, кто преодолел ограничения, присущие человеческому состоянию, становится для остальных символом сверхприродной реальности, создав тем самым символическую связь, через которую могут эффективно передаваться духовные влияния. И эта же связь является путём восхождения, который наилучшим образом подходит тем, кто к нему предрасположен, то есть соответствует строго определённой модальности<sup>14</sup>.

Таким образом, человек является не столько символом самого мироздания, но скорее символом самого Божественного Принципа и символом его действия на разных уровнях проявленности, причём структура человеческого существа в точности соответствует уровням проявленности Сущего. Относительно же самого Божественного Принципа можно сказать, что все без исключения традиционные формы настаивают на том, что Божественный Принцип является центром человеческого существа и сообщает ему реальное существование так же, как и всей Вселенной. Поэтому человек является символом не мироздания, а Высшей реальности точно так же, как её символом является само мироздание. Именно эта символическая связь делает возможной любую внутреннюю реализацию человека. И она же является проводником всех высших влияний, нисходящих в наш мир. Тем самым, практический смысл этой связи, можно сказать, максимален, так как без неё не только был бы невозможен никакой духовный путь, но и невозможно было бы само наше существование.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Более подробно о традиционных науках см. гл. «Традиционное и современное научное знание».

<sup>2</sup> Хотя Атман несопоставим ни с одним из уровней реальности, тем не менее, все эти уровни Его символизируют, каждый по-своему. Поэтому говорить о подобии здесь вполне корректно.

<sup>3</sup> См. Б. Вышеславцев «Сердце в христианской и индийской мистике».

<sup>4</sup> В данном случае можно сказать, что аспектом нисхождения Духа является нисхождение Знания.

<sup>5</sup> Строго говоря, абсолютная точка зрения заключается в том, что иерархические отношения между модальностями одного состояния невозможны в том же смысле, в каком они существуют между состояниями, так как в границах одного мира ни одна из модальностей не может являться для другой принципом.

<sup>6</sup> Современная наука, рассматривая человека с точки зрения системного подхода, не основывающегося на иерархии, имеет дело только с телом, а потому говорит о душе в лучшем случае как о производной мозговых процессов, а о Духе не говорит вообще. Это явилось закономерным следствием картезианского дуализма, относительно которого не будет большой ошибкой сказать, что его истоки коренятся в манихействе.

<sup>7</sup> В ведической традиции применительно к микрокосму она символизируется сущумной.

<sup>8</sup> Рене Генон писал о «Вратах людей» и «Вратах богов», известных в различных традициях. Через Врата людей приходят те, кто рождается в этом мире для духовного совершенствования, и через них же уходят, если не достигли Освобождения. Достигшие его уходят через Врата богов. Те же, кто приходит через эти Врата, являются в мир лишь для помощи другим в их восхождении, ибо для них самих ни одна из модальностей человеческого состояния больше не является опорой в реализации.

<sup>9</sup> Непонимание этого, и, как результат, отрицание антропоморфной символики характерно, в частности, для протестантизма. Нам даже приходилось слышать мнение, что божества ведической традиции должны рассматриваться как бесы с позиции ортодоксального христианства.

<sup>10</sup> Вообще, между любыми триадами различных традиций можно провести определённое соответствие, если её члены связаны отношениями иерархической соподчинённости.

<sup>11</sup> В качестве примера можно привести христианское понятие «свобода от греха» и ведическое понятие «освобождение». И хотя они несопоставимы, так как «освобождение» имеет в виду не только выход за пределы нашего мира, но и всех миров вообще, тем не менее, оба эти понятия подразумевают «вертикальную» свободу.

<sup>12</sup> Известно, что понятие жизни для Традиции имеет совсем иной смысл, чем в современной биологии, достаточно привести многочисленные примеры из Евангелия. Для традиционного сознания жизнь — это эффективная сопричастность уровню реальности, находящемуся над телесным состоянием.

<sup>13</sup> Сейчас уже дошло до того, что говорят о гуманном отношении к животным, что противоречит самому смыслу термина.

<sup>14</sup> Это является основанием культов святых, которые в том или ином виде присутствуют практически во всех традиционных формах.

## ВЫСШИЙ СМЫСЛ ПОНЯТИЯ “ТРАДИЦИЯ”

В наше время, несмотря на всю глубину современного духовного упадка, порой всё же проявляются тенденции, имеющие в высшем смысле некоторый позитивный характер. Одной из таких тенденций можно считать определённую поляризацию, где один полюс составляют элементы, связанные с духовными традициями, а другой — различные тенденции, являющиеся исключительно проявлениями современного духа. Причём, что характерно, эта поляризация прочно укоренилась в массовом сознании, которое порой смешивает всё без разбора по причине отсутствия для него каких-либо критериев истинности. Позитивность этой тенденции как раз в том и состоит, что она препятствует подобным смешениям.

Причина этого в том, что всё, что несёт в себе печать Духа, по самой своей природе сопротивляется смешениям с порождениями современных тенденций. Природа эта<sup>1</sup> и определяется, собственно, Духом, каковой один и сообщает всему реальность. Современные тенденции с духовной точки зрения в основе своей лишены реальности, то есть действительного существования. Понятно, что никакие смешения реального и несуществующего невозможны. Можно лишь создать иллюзию смешения, извратив духовные аспекты вплоть до полной инверсии.

Такое радикальное разделение между всем, что сохраняет связь с Традицией, и проявлениями современного духа, было немыслимо каких-нибудь полтора-два века назад, когда традиционные элементы ещё были живы в социуме, пусть и в виде разрозненных осколков<sup>2</sup>. Сейчас же, когда мы получили небывалое ранее явление в виде общества, состоящего в подавляющем большинстве из людей вне традиции, в глазах этих людей все традиционные элементы вообще и религиозные

в частности представляются как бы единым лагерем. Конечно, крайне отрицательным является тот факт, что эти люди, дистанцируясь от любых форм Традиции, воспринимают их лишь как своего рода культурный феномен с налётом экзотики. Однако истина состоит в том, что любые элементы, хоть и принадлежащие различным традиционным формам, но носящие истинно традиционный характер<sup>3</sup>, действительно являются по сути своей единым целым, противостоящим современному духу<sup>4</sup>. И если везде, где существуют традиционные элементы, различные деструктивные силы пытаются внести разлад между ними, создавая видимость противоречий или применяя другие способы, то никакие действия этих сил ничуть не нарушают сущностного единства<sup>5</sup>.

Современное состояние мира представляет разительный контраст со всеми предшествующими эпохами. Собственно, этот тезис никем не оспаривается, однако все говорят о том, что было приобретено, и мало кто представляет, что было утрачено. Не так давно человечество можно было разделить на два типа сознания, и благодаря тому, что тогда это разделение совпадало с определёнными географическими границами, эти типы мышления назывались западным и восточным. На самом же деле тип мышления, соответствующий восточному, был ранее свойственен всему миру вообще, в том числе и западной цивилизации. Сейчас же распространённость восточного мышления сузилось до некоторых восточных стран и немногих очагов в остальных странах, тогда как западное мышление распространилось повсеместно. Основное отличие восточного и западного мышления заключается в отношении к Традиции, поэтому сейчас правильнее назвать восточное мышление традиционным, а западное — современным.

Традиция этимологически означает то, что передаётся. Поэтому, казалось бы, этим словом по праву пользуются те, кто хочет подчеркнуть идею передачи какого-либо знания в любой области. Однако, говоря о Традиции с большой буквы, имеется в виду идея передачи исключительно духовного знания.

В предшествующие эпохи то, что сейчас принято называть духовностью, было основой видения мира и системы ценностей людей. На этой основе строилась вся социальная организация и вся человеческая деятельность вообще. Можно сказать, что вся жизнь и деятельность людей носила «священный» характер.

Казалось бы, к слову «традиция» было бы более корректно добавлять эпитет «духовная». В ряде случаев это действительно так,

когда требуется дать объяснение тем, кто привык к искажённому смыслу слова «традиция». Но вообще подобное уточнение излишне. Во-первых, цепь передачи духовного знания тянется из неизмеримо более отдалённых времён, чем передача всего, что к духовности не относится, поскольку всё, не относящееся к ней, появилось сравнительно недавно. Во-вторых, с точки зрения Духа (с которой только и следует смотреть) любое знание, оторванное от традиции или не имеющее с ней связи, иллюзорно, а, стало быть, передавать здесь нечего, хотя с бытовой точки зрения это знание и может обладать некой видимостью реальности.

В традиционных исследованиях современное, или западное, мышление, в сравнении с традиционным, часто называют профанным. Причина появления такого, как многим бы показалось, уничижительного названия состоит в том, что это мышление фактически узурпировало научное познание и в результате применения его к знанию традиционному высший аспект оказался полностью утрачен как наименее понятный этому типу мышления. Более низшие же аспекты были истолкованы в сугубо материалистическом духе, в отрыве от своего источника, что полностью извратило их смысл. В качестве примеров можно привести такие факты, как рассмотрение религии исключительно в качестве социальной организации, сведение символов к инструментам для вызывания эмоциональных состояний, и пр. Причём для современной науки равнозначными оказываются исследования области традиционных знаний и природных феноменов, что совершенно неприемлемо для традиционного понимания, так как в традиционной науке существует иерархическая соподчинённость этих областей. В результате традиционные знания остаются непонятыми, а знания о природе в отрыве от Традиции и по сравнению с ней — бессмысленными.

В зависимости от условий времени и места Традиция может существовать в той или иной форме. Для западного сознания традиционная форма часто является синонимом религии, хотя религия является лишь частным случаем традиционных форм. Недоразумение это вызвано тем, что западный человек, знакомый только с религиозными традиционными формами, склонен к неоправданному расширению понятия религии. Вообще, можно сказать, что понятие «традиционная форма» является более точным эквивалентом понятия «традиция», тогда как Традиция с большой буквы есть именно Изначальная Традиция, являющаяся источником всех традиционных форм.

Практически все традиционные исследования, упоминающие Изначальную Традицию в историческом аспекте, склоняются к тому, что она является по своему происхождению гиперборейской. Поскольку целью этой работы не ставится раскрыть данный аспект, мы отметим лишь, что нас в данном случае, как и всегда, интересует символическое понимание как обладающее большей реальностью. С этой точки зрения Изначальная Традиция является напрямую эманацией Высшего Принципа. Можно сказать, что это нечеловеческое знание, адаптированное той или иной традиционной формой к человеческому пониманию. Поэтому Изначальная Традиция является источником и стержнем любой традиционной формы. Причём, в силу её связи с Принципом и, соответственно, безусловного (в частности, надвременного) характера, она никогда не может исчезнуть или быть уничтожена, она лишь может быть в той или иной степени скрыта. К сожалению, люди, привязываясь к определённой форме реальности, перестают воспринимать реальность более высокого порядка, поэтому часто возникает иллюзия утраты духовного знания. В действительности же, так как отсчёт уровней реальности идёт от Первопринципа, можно сказать, что всё наиболее реальное, каковым является истинное духовное знание, не подвержено изменениям и сопричастно Вечности.

Если говорить о единстве, то значимость этого понятия для Традиции чрезвычайно велика. Причём, для любой традиционной формы её собственное единство есть не что иное, как символ единства всех традиционных форм. На более же высоком уровне это единство есть символ единства Всего Сущего<sup>6</sup>, имеющего своим принципом Нечто<sup>7</sup>.

Эти, можно сказать, терминологические уточнения необходимы, чтобы исключить малейшую вероятность неправильного понимания столь важных истин. Каждый язык соответствует определённой форме мышления, и при передаче какого бы то ни было духовного знания это имеет большое значение. Хотя при передаче истинно духовного знания слова играют подчинённую роль и становятся лишь некими «точками сопричастности», благодаря которым человек может войти в контакт с тем знанием, которое словами невыразимо. Собственно, это один из основных принципов всех священных текстов<sup>8</sup>.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Имеется в виду духовная природа, которая соответствует Пуруше. Обычно же понятие природы связывают с Праkritи.

<sup>2</sup> Заметим, что здесь мы рассматриваем исключительно западное общество и место традиции в нем. Наиболее характерным примером является, пожалуй, английский протестантизм 19 века.

<sup>3</sup> Следует отметить, что сейчас очень много подделок под «традиционность», которые, в лучшем случае, имеют синкретическое происхождение, а часто просто выдуманы от начала до конца. Естественно, всё это исключительно порождения современного духа.

<sup>4</sup> То, что это явлено именно в виде противостояния, есть не что иное, как результат действия закона, согласно которому любая тенденция в конечном счёте получает полное развёртывание своих потенциальных возможностей (Евангелие от Луки, 8, 17). В каких-то аспектах духовный потенциал был исчерпан до конца, в то время как противоположной тенденцией явилась духовная трансформация (обожествление). В результате возникло два полюса, что, впрочем, является частной точкой зрения. Ведь с позиции высшей реальности, всё, что лишено духа, не существует.

<sup>5</sup> На Востоке знание о единстве традиционных форм никогда не было полностью утраченным, что практически исключало такие явления, как религиозная нетерпимость. Сейчас усиленно продвигается идея об исламе как о крайне нетерпимой традиционной форме. На самом деле, подобная нетерпимость, проявляемая к другим традиционным формам, не имеет к истинному исламу никакого отношения, даже если исходит от людей, которые, по внешней видимости, представляют исламскую традицию. Или же враждебность проявляется исключительно к современному духу, в котором, как бы не утверждали обратное, давно уже ничего не осталось от христианской цивилизации.

<sup>6</sup> Понятно, почему в современном мире в рамках отдельных традиционных форм почти не говорят об их сущностном единстве с другими формами. С одной стороны, для «времени разделённости» характерно наличие деструктивных сил, стремящихся предать забвению это сущностное единство. С другой стороны, знающие о единстве вовсе не собираются как-то популяризировать это знание, поскольку это может породить чудовищные формы синкретизма. Во всяком случае, с символической точки зрения ничего не теряется, поскольку Единство Сущего, символизируемое единством и цельностью отдельно взятой традиционной формы, есть, безусловно, более высший аспект, чем единство традиций.

<sup>7</sup> Хотя говорить о единстве в собственном смысле слова применительно к Не-Сущему, разумеется, нельзя, тем не менее, можно говорить о единстве в Не-Сущем как во всеобщем порождающем принципе.

<sup>8</sup> См. гл. «Священные тексты и литература».

# ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ

Вопрос о единстве традиций является «камнем преткновения» не только для современных учёных-религиоведов, исследующих Традицию «извне», но и для многих представителей самих традиций. Неудивительно, когда современная наука, используя свою методологию, находит «противоречия» между традиционными формами. Но вместе с тем люди, принадлежащие Традиции, даже претендующие на интеллектуальное знание, часто относятся к другим традиционным формам с открытой враждебностью, порой даже более сильной, чем к духу современной эпохи, в котором почти нет места для духовности. Причём часто враждебность эта более сильна по отношению к соседней, если можно так выразиться, традиционной форме, где общий источник можно проследить даже исторически, а догматические и ритуальные элементы отличаются незначительно. При этом к более отдалённым традиционным формам враждебность также проявляется, но не настолько сильно.

На одну из причин этого явления указывает Рене Генон, говоря о том, что кажущиеся противоречия можно найти скорее между такими традиционными формами, которые ближе друг к другу, чем такими, между которыми вообще мало общего. Неприятие чуждых традиционных форм характерно для многих представителей традиции. В это впадают даже те, кто достаточно далеко продвинулся на духовном пути. Это объяснимо, ведь пока не достигнешь вершины, других путей к ней не увидишь. Если с враждебностью современного духа по отношению к Традиции всё достаточно очевидно, то в отношениях между традиционными формами дело обстоит не так просто. Здесь нас, главным образом, интересуют границы, за которыми заканчивается защита

целостности своей традиционной формы и начинается неосознанная поддержка деструктивных сил.

Каждая традиционная форма, возникнув в определённой социально-этнической среде, приобретает вид, оптимальный именно для этой среды. По сути, традиционная форма представляет собой адаптацию метафизического знания (Традиции), нечеловеческого по своей природе, к определённым условиям времени и места, то есть, к определённым типам мышления. Более того, поскольку всё, что касается Традиции, принадлежит реальности, более высшей, чем любой другой социально значимый феномен, нет ничего удивительного в том, что именно традиционные формы всегда играли столь важную роль в процессах этногенеза.

Если же рассматривать традиционные формы в процессе их исторического раскрытия<sup>1</sup>, то, как правило, удаётся выделить несколько этапов, порой очень между собой непохожих. Может даже показаться, что перед нами разные традиционные формы, настолько эти этапы порой отличаются на социальном уровне. Но если мы вернёмся к доктрине, то убедимся, что основа у них одна<sup>2</sup>. Тем не менее, можно заметить, что каждый из этапов традиционной формы также оптимально адаптирован к эпохе своего существования. Будто бы в момент возникновения традиционной формы уже присутствовало знание о последующих эпохах, и адаптация была осуществлена сразу и для настоящего, и для будущего.

На самом деле так оно и есть. Для современной науки это может показаться порой трудно объяснимым. Но не надо забывать, что традиционное знание относится к надвременному порядку. Это означает, что все исторические события, настоящие и будущие, сосуществуют в вечности, поэтому традиционная форма, как только она возникает, сразу оказывается адаптированной для всех исторических периодов своего существования. При этом изменчивость самой традиционной формы остаётся чисто внешней.

Можно, конечно, возразить, что такое соответствие традиционной формы внешним условиям часто вызвана тем, что эта форма сама структурирует вокруг себя социокультурную среду. Однако, очевидно, что сама возможность подобного структурирования как раз и является свидетельством адаптации.

Вообще говоря, существует закон, согласно которому «никакая молитва не останется неуслышанной». Иными словами, при наличии потенциальной возможности духовной реализации на любом произ-

вольном уровне существования, духовные влияния непременно актуализируют эту возможность. Этот принцип как раз и лежит в основе возникновения (адаптации) традиционных форм.

Современный мир в теперешнем своём виде ещё существует лишь потому, что ещё остались в нем крупницы Духа, которыми он и поддерживается. Именно они дают ему высшую санкцию на существование. Однако сами по себе эти крупницы не принадлежат нашему миру, ведь они находятся на более высоком уровне реальности. Поэтому прекращение существования нашего мира не означает уничтожения каких-либо духовных элементов, являющихся по своей природе неразрушимыми. Само их присутствие в нашем мире означает скорее наличие неких нереализованных пока возможностей духовного плана. Когда таких возможностей не останется, существование мира уже не будет оправдано ничем, так как его бытие превратится в чистую иллюзию. Сами же духовные элементы, или, точнее, их отражение в нашем мире, являются здесь самым реальным, что только может существовать. Они как раз и проявляются в виде традиционных форм, иерархически структурируя вокруг себя социокультурную среду<sup>3</sup>.

Та фаза, в которой находится мир в течении последних тысячелетий (см. ведическое учение о четырёх веках), привела к тому, что последние из появившихся традиционных форм не являются этнически обусловленными и имеют ярко выраженный «вселенский» характер. До недавнего времени, впрочем, было относительно оправдано связывание Ислама исключительно с Востоком, так как Ислам действительно более близок восточному типу мышления, что, впрочем, не является препятствием для его проникновения на Запад. Что касается Христианства, то оно изначально позиционировало себя как надэтническая («Несть ни иудея, ни еллина») традиционная форма<sup>4</sup>.

Кроме «вселенского» характера, отличительной чертой современных традиций является то, что в религиоведении принято называть «монотеистичностью». На самом деле, любая истинная традиционная форма, будь то древняя или современная, всегда по сути «монотеистична». Для древних форм это было настолько очевидно, что этот момент никогда особо не подчёркивался. Тот факт, что всё имеет единый источник, не допускает никакого иного толкования. На монотеистичности настаивают именно современные традиционные формы, поскольку забвение знания об Источнике стало возможно только в наше время<sup>5</sup>. Что же касается древних форм, то уровень реальности, на котором Бог един, для современных исследователей этих форм оказался

практически недоступен. На более же низком уровне персонифицированные божественные атрибуты, называемые иногда божественными энергиями<sup>6</sup>, были истолкованы ими как «боги», что, с их точки зрения, сводило традиционную форму к политеизму. Некомпетентность иногда доходит до того, что подобная точка зрения применяется даже по отношению к ведической традиции.

Вообще говоря, понятию «Бог», характерному для авраамических традиций, и, в частности, для Христианства, нет никакого точного эквивалента в других традиционных формах. В частности, в Ведической традиции этому понятию может соответствовать одновременно Атман как Не-Сущее, далее, Брахман как чистое Бытие, и, наконец, Ишвара как бытие проявленное. Каждая из этих точек зрения соответствует своему уровню познания, хотя познание Атмана, по сути, есть не познание в обычном смысле, а Высшее Тождество. Два других уровня познания в ведической традиции известны как Брахма-Видья и Ишвара-Видья. В христианском богословии представителями первой точки зрения были, в частности, Псевдо-Дионисий и Мейстер Экхарт<sup>7</sup>. По поводу двух других точек зрения можно сказать, что термину «Ишвара-Видья» скорее соответствует катафатическое богословие, признающее возможность передачи знания о Боге средствами человеческого языка и понятий, тогда как «Брахма-Видья» — апофатическое богословие, говорящее о существовании Бога, но отрицающее возможность применения к нему каких-либо определений, кроме отрицательных (бесконечный, бессмертный, и т.д.).

Что касается политеизма, то те традиционные формы, которые действительно заслуживают называться политеистическими, по сути своей являются умирающими. Они могут ещё сохранять некоторые крупницы Духа, но знание о единстве предано в них практически полному забвению. Последняя фаза существования традиционной формы часто заключается в том, что эта традиционная форма перестаёт быть ортодоксальной.

Ортодоксальность традиционной формы является необходимым условием её нормального существования. По сути, с точки зрения человека — представителя Традиции — ортодоксальность является синонимом истинности. Этимологически ортодоксия означает прямой путь. Если прибегнуть к символическому описанию, уподобив духовное восхождение восхождению на гору, то ясно, что к вершине можно двигаться только по одному пути, и те, кто знает этот путь и помогают идущему, совершенно естественно стараются сделать всё, чтобы

он с него не сворачивал. Ведь попытка поменять один путь на другой означает либо возврат назад и новое восхождение по неизвестному маршруту, либо отход от пути с целью найти другой, часто без дороги и без помощи, отход крайне опасный и чаще всего бессмысленный. На ортодоксальном пути нет развилок, он ведёт только к вершине. Подобные развилки являются не чем иным, как показателем гетеродоксии.

Тем самым, представители традиционных форм, говорящие, что их путь является единственно истинным, совершенно правы. Но каждый видит гору со своей стороны, и человек с другой стороны горы окажется также прав. Эта простая истина оказалась совершенно непонятой позитивистской наукой, так как истинность различных путей вступала в кажущееся противоречие в научной плоскости восприятия. Впрочем, между традиционным понятием истины и позитивистской «истины факта» давно лежит непреодолимая пропасть<sup>8</sup>.

Таким образом, является совершенно правомерной, и, более того, необходимой защита традиционной формы от гетеродоксии, результатом которой неизбежно является синкретизм, то есть смешение элементов различных традиционных форм. С другой стороны, компетентность суждений о чуждых традиционных формах прямо пропорциональна месту человека в традиционной иерархии, или, говоря символическим языком, близостью к вершине. Имеется в виду, конечно же, место в невидимой иерархии, не всегда совпадающее в современную эпоху с неким видимым статусом в традиционных организациях<sup>9</sup>. Даже те, кто находится недалеко от вершины, но ещё не на ней самой, могут впасть в ошибку, говоря о других традициях, поскольку разные пути не имеют между собой никакой общей меры, кроме единой конечной точки.

Ошибки эти опасны в первую очередь именно потому, что неосознанно поддерживаются деструктивные силы, которые на самом деле направлены против Традиции во всех её формах<sup>10</sup>. Естественно, этим силам крайне невыгодно осознание духовного знания как форм единой Традиции, имеющих единый источник. Но человек «высокой ступени» всё-таки более защищён от таких ошибок. Во-первых, потому, что эта ступень подразумевает соответствующую степень осознанности, а поддержка любых деструктивных сил никогда не может быть полностью осознанной. Во-вторых, другую традиционную форму он будет оценивать на близком ему уровне реальности, и, если этот уровень достаточно высок, различия между традиционными формами с такой точки зрения будут менее существенны<sup>11</sup>. Что же касается

людей, стоящих на низких ступенях духовной иерархии, то о таких Свами Вивекананда писал, что на пути Божественной любви фанатик любит свой идеал единственным доступным ему способом — ненавидя все другие идеалы<sup>12</sup>. В любом случае, ценность мнения или высказывания прямо пропорциональна месту человека в истинной традиционной иерархии. Неудивительно, что те, кто находится на высоком уровне, по большей части о других традиционных формах предпочитают молчать. Но это «молчание знания».

Следует сказать ещё пару слов о некоторых совершенно несерьёзных современных идеях, говорящих о возможности слияния традиционных форм. Подобные концепции, призывающие «сделать из горы узкую лестницу» совершенно игнорируют адаптацию Традиции. Вообще, идея слияния<sup>13</sup> поддерживается в основном людьми, которые, будучи неспособны увидеть единый источник, привязываются к форме как к самооценности. С позиции же того, кто видит и знает этот источник, не имеет значения, какую форму выбирает Дух для своего нисхождения. Попытка объединить традиционные формы с помощью человеческих усилий «снизу» может привести лишь к тому, что появится синкретическое учение, в котором связь с высшими состояниями будет полностью утрачена. Собственно, любое вмешательство в структуру традиционной формы может быть двух видов. Оно происходит либо «свыше», когда санкционируется сверху, осуществляется людьми — проводниками божественной воли, и предназначается для адаптации традиционной формы, либо «снизу», когда люди, осуществляющие вмешательство, являются невольными проводниками инфернальных влияний. Истинность традиционной формы проявляется, помимо прочего, в том, что она успешно сопротивляется вмешательствам «снизу».

Иное дело, что при замещении одной традиционной формы на другую некоторые элементы старой формы органично включаются в новую. Но элементы эти всегда занимают подчинённое положение и, как правило, территория их распространения остаётся прежней. Причина этого в том, что каждый такой элемент представляет собой, по сути, некий аспект метафизического знания, адаптированный к данным условиям в рамках традиционной формы, распространённой ранее на данной территории. И сам факт включения этих элементов означает, что более древняя традиционная форма имеет тот же изначальный источник. Если бы это было не так, то ни о каком органичном включении не могло быть и речи. Впрочем, до современной эпохи не существовало элементов, особенно символических и риту-

альных, обязанных своим происхождением чему-нибудь, кроме ортодоксальных традиционных форм. Сейчас же такие понятия, как «светский ритуал» или «символы демократии» кажутся нам вполне привычными.

Адекватность традиционных форм имеет огромное значение. С одной стороны, чем древнее традиционная форма, тем ближе она к изначальному источнику и, соответственно, тем меньшим искажениям подверглось знание в различных своих приложениях. С другой стороны, тем меньшим количеством людей это знание в таком виде может быть понято. Поэтому появляются новые формы с целью оказать максимальную помощь идущим по пути. Ведическая традиция говорит о том, что Кали-Юга (как известно, согласно традиции Вед, мы в ней сейчас находимся) имеет в качестве одной из основных черт почти полное повсеместное пренебрежение духовным знанием (Ведами). Такое пренебрежение имеет причиной невозможность понимания знания в чистом виде, поэтому адаптация так необходима. Но адаптации подвергается лишь внешняя сторона традиции, конкретные приложения метафизического знания, тогда как само это знание, сам источник и стержень любой традиционной формы остаётся неизменным, поскольку лежит вне обусловленностей этого мира. Поэтому источник традиций является таковым не только хронологически, но и присутствует в виде центрального элемента в любой традиционной форме «здесь и сейчас», откуда эта традиционная форма остаётся «живой и истинной».

Известно, что любая традиционная форма, будь то современная или древняя, с необходимостью построена по иерархическому принципу. Это вызвано, прежде всего, тем, что всегда имеется строгое символическое соответствие между иерархическими уровнями традиционной формы и уровнями вселенской проявленности. Причём, что было объяснено ранее, символическое соответствие не является всего лишь неким отвлечённым подобием, но напротив, представляет собой фундаментальный принцип, благодаря которому только и возможно нисхождение духовных влияний на более низкие уровни проявленности. В каждой традиционной форме источник этого нисхождения отождествляется с её центром.

Однако, в современных традиционных формах не всегда явный центр, то есть центр, видимый в социальном плане, действительно является духовным источником. Прежде всего, это происходит в силу несовершенства людей, стоящих на высших ступенях видимой тра-

диционной иерархии. Поэтому у многих может сложиться ошибочное представление, что традиционная форма перестала быть «живой и истинной».

В действительности же всегда существует иной центр, который в силу особенностей современной эпохи стал «скрытым» — истинный духовный центр. Однако его наличие не означает, что явный центр является ложным. Явный центр — это вершина организованной структуры на социальном уровне, которая обеспечивает стабильность существования традиционной формы на сугубо человеческих планах бытия, её «укоренённость» в этих планах. Поэтому для представителей явного центра характерна некая двойственность. С одной стороны, они могут действовать на уровне, близком к уровню современной политики, но при этом вынуждены учитывать, что все действия в этой плоскости есть «игра на территории противника», поскольку эта плоскость целиком лежит в поле тенденций современного мира. С другой стороны, основное их предназначение заключается в том, чтобы быть проводниками влияний истинного центра, но при этом они не должны забывать, что они лишь проводники, а не сам источник, ибо подобная «забывчивость» влечёт за собой прекращение духовных влияний, и, как следствие, смерть данной традиционной формы. Быть же проводниками духовных влияний означает обладать хотя бы в некоторой степени не отвлечённым, а непосредственным знанием если не об абсолютном источнике этих влияний, то хотя бы об истинном центре традиционной формы. Очевидно, что даже такой уровень духовной осознанности становится редок в современную эпоху.

Истинный же центр совершенно не обязательно имеет на видимом плане регулярную структуру, тогда как в высших планах он чётко организован. Можно сказать, что истинные центры традиционных форм представляют собой адаптацию эманаций Высшего Принципа для условий существования конкретной формы, поэтому проявления этих центров в нашем мире являются случайными, в том смысле, в котором случайны и сами условия существования мира. К тому же, если понимать под видимым планом область, доступную для большинства наших современников, то ясно, что область эта гораздо уже, чем область человеческих состояний, имеющих своим центром<sup>14</sup> состояние земного рая. Поэтому истинный центр традиции может на видимом плане отсутствовать, но это не означает, что в человеческом плане он не проявлен.

Если же он проявляется на видимом плане, то это происходит посредством появления людей совершенно исключительного в наше время духовного уровня, имеющих, к тому же, определённую «миссию» быть проводниками духовных влияний. Также проявление истинного центра может выглядеть как возникновение событий и появление артефактов, «выпадающих» из реальности с точки зрения научного знания. Будто бы прочная для современных исследователей ткань мироздания прорвалась и пропустила в себя нечто, что не может существовать, нарушающее все привычные законы. При этом для людей Традиции это в порядке вещей, поскольку человек Традиции видит иерархическую подчинённость нашего плана бытия высшим планам и символически интерпретирует происходящее на нём. Поэтому он осознаёт, что такие явления есть прежде всего символы высших состояний бытия. Причём, так как эти феномены являются проводниками духовных влияний, они обладают большей степенью реальности по отношению к другим явлениям окружающего мира, поскольку, и хотелось бы ещё раз это повторить, всё сущее является реальным в той степени, в какой оно символически отражает высшую реальность.

Можно сказать, не рискуя сильно ошибиться в определениях, что явный центр олицетворяет экзотерическую сторону традиции, тогда как скрытый — эзотерическую. Однако, следует учитывать, что эти термины являются современными и не могут применяться строго в том же значении для древних традиций.

Существование как бы двух центров традиционной формы, «внешнего» и «внутреннего», характерно для современной эпохи, что, впрочем, не означает, что подобного разделения не было ранее. Дело в том, что в более ранние эпохи явным было то, что впоследствии стало скрытым, поэтому духовный центр воспринимался как единое целое. Однако он, безусловно, по-разному проявлялся в различных модальностях человеческого состояния. Согласно вышесказанному, видно, что с точки зрения потока времени явный центр современных традиций изменчив, тогда как скрытый — неизменен. Поэтому можно сказать, что скрытый и явный духовные центры есть проекции одного высшего центра на две различные модальности человеческого состояния, причём сам высший центр принадлежит уровню реальности, который не является человеческим. По сути, этот высший центр тождественен Высшему Принципу.

Что же касается этих двух модальностей, то их отчасти можно сопоставить двум из трёх каст «дваждырождённых» — брахманам

и кшатриям. Более подробно это описывается ниже, сейчас же хотелось бы сказать следующее. Времена, когда представители касты брахманов обладали реальной и видимой властью, закончились задолго до появления современных традиционных форм, что, впрочем, естественно для эпохи Кали-Юги. Но поскольку брахманы — это не просто социальная группа, но проявление в социуме одной из высших модальностей человеческого состояния, утрата ими видимой власти привела к тому, что всё, что связано с брахманами, оказалось в значительной степени скрытым от глаз большинства. Существенным моментом оказалось также и то, что вместе с этим оказалась скрытой и иерархическая связь кшатриев с брахманами, что в результате привело к Восстанию кшатриев. В традиционной иерархии, однако, уровень брахманов играет особо важную роль, поскольку этот уровень является проводником духовных влияний на более низкие уровни реальности. Поэтому в каждой традиционной форме подчёркивается существование уровней, соответствующих брахманам и кшатриям, и их иерархическая соподчинённость. В христианской традиции это нашло отражение в двух аспектах личности Христа — священническом и царском, которые соответствуют Церкви торжествующей и Церкви воинствующей. В качестве примера из исламской традиции можно привести фигуру халифа, в котором должна быть соединена духовная и царская власть.

Таким образом, нельзя сказать, что адаптацией Традиции в современную эпоху явилось появление двух центров, скрытого и явного, так как существование двух центров противоречит принципу ортодоксальности традиционных форм. Центр остался один, но адаптация заключается в том, что каждый, по сути, видит этот центр как отражение истинного Центра на доступном для него уровне. Одним из таких уровней является уровень социальных взаимоотношений. Явный центр, проявленный на нём, существует лишь как отражение истинного центра, без которого его бытие было бы иллюзорным, или вернее, небытием. И непонимание этого факта может, к сожалению, привести к тому, что и сейчас внутри традиционных форм могут возникать аналогии древнего Восстания кшатриев. Однако, сила духовного источника традиционных форм бесконечно больше человеческого невежества, поэтому, пока существует истинный центр традиции, он будет отражаться во всех модальностях человеческого состояния.

В заключение, хочется сказать, что сам факт наличия многообразия традиционных форм, с одной стороны, есть результат современной

«эпохи разделения», а с другой, это многообразие оптимально соответствует нашей эпохе. Появление новых традиционных форм — это нисходящая тенденция. Восходящая тенденция — это духовное восхождение человеческих существ, то есть то, ради чего и происходит адаптация Традиции. Таким образом, обе эти тенденции находятся в совершенном равновесии, или, говоря точнее, великое равновесие нисходящего и восходящего потоков отражается во всем мироздании, и, в частности, в процессе появления и жизни традиционных форм. На вершине, где находится источник всякой духовности, разделение никогда не существовало, поэтому говорить о преодолении разделения можно лишь с точки зрения процесса восхождения. Полное же преодоление разделения на всех уровнях реальности станет возможным лишь после окончания нашей эпохи, когда мир обновится и начнётся новый цикл<sup>15</sup>.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Здесь умышленно используется термин «раскрытие», поскольку термин «развитие», обычно употребляемый в этом контексте, слишком искажен использованием в рамках эволюционистских концепций. Об этом пойдёт речь в последующих главах.

<sup>2</sup> Это один из примеров синтеза, то есть перехода на более высокий уровень реальности, где множественность предстаёт единством.

<sup>3</sup> Везде, где присутствуют духовные элементы, происходит структурирование того, что их окружает, возникает подобие Вселенной, космос из хаоса.

<sup>4</sup> Попытки замкнуть надэтнические и наднациональные традиционные формы в национальные рамки происходят постоянно, в частности, в России. Следовало бы напомнить ратующим за «этническую обусловленность» Православия, что Православная Церковь существует в таких местах, как Япония и центральная Африка (не говоря уж о Греции), и все представители её являются, согласно христианской догматике, частями «Единого Тела Христова». Кроме того, считающие себя «православными националистами» говорят о нации, имея в виду этнос, что, мягко говоря, некорректно. Об этом речь пойдёт далее.

<sup>5</sup> Это одна из причин, почему именно иудаизм, при всей его этноцентричности, дал начало Христианству и Исламу.

<sup>6</sup> Не следует отказываться от этого термина на том лишь основании, что им постоянно злоупотребляют различные псевдоэзотерики.

<sup>7</sup> «Бог есть нечто сущее, — это неправда, Он есть нечто преизбыточное, Он сверхсущее Небытие» — Мейстер Экхарт, Духовные проповеди и рассуждения.

<sup>8</sup> См. гл. «Традиционное и современное научное знание».

<sup>9</sup> Именно это имел в виду Льюис, когда, описывая рай, говорил, что наибольшие почести там воздаются никому не известным при жизни на Земле

людям. С другой стороны, если традиционная организация истинная, то есть основана на живой и истинной традиции, то люди, занявшие в ней определённое положение, начинают внутренне меняться. Это объясняется тем, что занявший определённый пост подвергается соответствующим духовным влияниям независимо от его личных качеств.

<sup>10</sup> В Христианстве это непрощаемый грех, называемый «хулой на Святого Духа», который «дышит где хочет», то есть может проявлять себя в любой традиционной форме.

<sup>11</sup> К примеру, Феофан Затворник сравнивал Православие и Католицизм с точки зрения догматических различий и сложившихся молитвенных практик, тогда как в большинстве современных оценок превалирует геополитический аспект, по большому счёту никак не связанный с духовностью. Понятно, что подобная точка зрения навязана в основном теми же деструктивными силами, которые являются частью современных тенденций.

<sup>12</sup> «Бхакти-Йога».

<sup>13</sup> В частности, понятие христианского экуменизма имеет два значения. Его понимают как межконфессиональное взаимопонимание и диалог, или же как некий проект слияния церквей. На самом деле, на уровне высшей реальности никогда разделения не существовало.

<sup>14</sup> Или высшей точкой, если пользоваться другой геометрической символикой.

<sup>15</sup> Перед концом цикла наступит период, в течении которого невозможно будет адаптация традиционных форм, так как потенциал для духовной реализации будет полностью исчерпан.

## ОБЩЕСТВО ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ

Идея о том, что человеческую жизнь можно разделить надвое, на социальную жизнь и духовную практику, является идеей сугубо западной. Для тех, уже немногих, для кого связь с Традицией не разорвана окончательно, это своего рода вынужденная мера, ведь в современном мире практически никакой вид деятельности или социальное общение не несёт в себе отклик на внутреннюю потребность в духовной реализации. Вместе с тем, эта точка зрения чужда Традиции и продолжает быть чужда людям Востока. Для традиционного сознания никакая деятельность не имеет ценности, если не способствует самореализации.

Традиционная доктрина говорит о соответствии между макрокосмом, то есть Вселенной, и микрокосмом — человеком. Социум занимает некое промежуточное положение. Коренным отличием в данном случае является то, что общество само по себе не содержит Высшего Принципа как центрального и определяющего элемента. Однако он привносится, если общество строится по принципу традиционной иерархии. В этом случае общественная структура становится аналогичной макрокосму и микрокосму, и Принцип, ставший стержнем этой структуры, санкционирует существование такого общества по аналогии с тем, как он даёт реальность всему Сущему. На самом деле с точки зрения традиционного сознания невозможно привнести принцип во что-либо, так как без принципа всё лишено действительного существования. Мы здесь пользуемся этим термином лишь для того, чтобы показать разницу между традиционным обществом и современным. С традиционной точки зрения, существование как общества, так и чего-либо иного, иллюзорно без Высшего Принципа.

Социальная организация традиционного общества строится согласно закону соответствия. Поэтому сходство структур традиционных обществ между собой имеет причиной их символическое соответствие структуре мироздания, а различия между ними проистекают из этнокультурных особенностей<sup>1</sup>. То есть, происходит адаптация духовных влияний, структурирующих общество в соответствии с условиями времени и места. Налицо процесс, во многом похожий на появление традиционных форм. С точки зрения современных исследователей, традиционная форма — это только одно из явлений социального порядка. Традиционная точка зрения как раз обратная, то есть традиционная форма обладает более высокой реальностью по отношению к социальному порядку, поэтому общество структурируется вокруг неё, являясь её отражением<sup>2</sup>. Очевидно, что в первой точке зрения преобладает количественный аспект, тогда как во второй — качественный.

Вся традиционная социальная организация построена по принципу использования различных видов человеческой деятельности для раскрытия духовных возможностей. Результатом является оптимальные с точки зрения духовного восхождения положение людей в обществе и виды их деятельности. Эти положения лежат в основе учения о кастах.

В противовес современному подходу, будто каждый человек может заниматься чем угодно, Традиция утверждает, что в саму природу каждого человека заложен наилучший для него тип деятельности. На бытовом уровне это называется призванием, хотя мало кто отдаёт себе отчёт о природе этого явления. Тем не менее, даже на бытовом уровне, известно, что люди, занимающиеся деятельностью по призванию, как правило, внутренне более гармоничны, даже если не имеют связи с Традицией.

Учение о кастах говорит, что существуют три касты (варны) «дваждырождённых»: брахманы (жрецы, священники), кшатрии (воины, цари), и вайшьи (ремесленники). Поскольку учение о кастах в наиболее полном виде дошло до нас из ведической традиции, то целесообразно использовать санскритские термины, хотя в любом обществе, где сохранились хотя бы следы традиционного уклада, можно обнаружить социальные группы со сходными признаками<sup>3</sup>.

Для представителей трёх названных каст второе рождение (инициация) является моментом, когда человек осознаёт свою внутреннюю предрасположенность к определённому типу деятельности, и, более того, для него становится ясным, что лишь занимаясь этой деятель-

ностью, он может внутренне самореализоваться. То есть, он, можно сказать, встаёт на Путь. Это глубоко внутреннее событие, по значимости сопоставимое с телесным воплощением, окончательно вписывает человека в структуру традиционного общества, создавая ему оптимальные условия для духовной реализации. При этом традиционное общество понимается не только как система социальных отношений в данный момент времени, но включает в себя всю предшествующую историю. Для традиционного сознания люди предшествующих эпох обладают бóльшим авторитетом, и, соответственно, большей реальностью, чем нынешние. Они прошли путь, который другим только предстоит пройти, и самим фактом этого прохождения оказывают идущим действенную помощь. Высшей же основой традиционного общества является Изначальная Традиция, метафизическая основа которой лежит вне времени.

Инициация, хоть и является внутренним событием, всё же в традиционном обществе невозможна без внешнего выражения, каковым является инициатический ритуал. Те, кто его проводит, достаточно квалифицированы, чтобы знать, насколько человек готов к инициации. Форма инициатических ритуалов такова, что может показаться, что человеку даётся некая сила или некое знание. В действительности же, всё, необходимое для действенной инициации каждый содержит в себе, и речь здесь идёт только об осознании и раскрытии внутренних возможностей. Что же касается передачи силы и знания как чего-то внешнего, то эта символика часто используется в ритуалах для установления символической связи с высшими планами.

В современном мире трудно найти инициацию, действительно влекущую за собой такое изменение сознания. Тем не менее, существовавшие до недавнего времени и существующие сейчас инициатические ритуалы вполне законны, кроме искусственно созданных в современную эпоху. Сам факт существования таких ритуалов означает, что остались крупинки традиционного знания, крупинки Духа, так как вся традиционная организация проникнута Духом. Конечно, различные инициатические ритуалы в разной степени подверглись отклонению, вплоть до полного забвения их первоначального смысла. Из известных примеров инициаций для «дваждырождённых» можно привести рукоположение, рыцарские посвящения, помазание на царство, цеховые средневековые инициации, масонские посвящения. Некоторые из них сохранили свою действенность, а кое-какие подверглись деградации и даже инверсии в определённых аспектах. Что же касается искусственно созданных

ритуалов, то надо помнить, что любая истинная инициация всегда имеет изначально нечеловеческое происхождение.

Обычно под первым рождением понимают рождение телесное. Тогда второе рождение может с гораздо большим правом называться первым, так как оно принадлежит к более духовному уровню, который является для телесного рождения уровнем принципов. Это один из примеров инверсии причинно-следственной связи при переходе на более низкий уровень реальности. С обычной человеческой точки зрения инициатическое рождение невозможно без телесного, которое ему по необходимости предшествует. Однако, с высшей точки зрения это не так. Высшее есть порождающая причина для низшего, обратное же ни при каких условиях не может быть верным. Что же касается предшествования, то нельзя говорить о нём там, где не существует времени в человеческом понимании. Поэтому в различных традиционных формах упоминается Книга Судеб, или Книга Жизни, в которую вписаны все люди. Тем самым налагается определённый детерминизм на телесное рождение. Поэтому гипотетический вопрос «как возможно в конкретном случае второе рождение без первого» не может в принципе возникнуть.

С точки зрения вышесказанного, первое рождение является символом второго, а никак не наоборот. Соответственно, для традиционного общества цепь рода есть не что иное, как символ инициатической преемственности Традиции. Поэтому если членами рода осознаётся эта символическая связь, то род отчасти получает духовные влияния, характерные для инициатической цепи. Тот, кто хотя бы отчасти отождествляет себя с Истиной, становится сопричастным Истине.

Можно сказать, что термин «второе рождение» применительно к кастовым посвящениям имеет тот же смысл, что и в христианстве, с той лишь разницей, что для каст это жёстко связано с видом деятельности, и, как следствие, с местом в социуме. Христианство же как традиционная форма, адаптированная для условий возможного исчезновения кастовой системы, даёт при втором рождении открыться духовным влияниям, не связывая это с местом в социальном порядке. Это не означает, впрочем, что для христианства не имеет значения наличие традиционной социальной иерархии. В условиях традиционного общества христианство, как и любая другая традиционная форма, намного более эффективна<sup>4</sup>.

Вероятно, мы услышим возражение, что крещение в христианстве настолько выше любой кастовой инициации, что эти вещи нельзя срав-

нивать. Наверное, говорящие так искренне считают себя защитниками христианства. На самом деле каждая кастовая инициация связана с определённым типом духовных влияний в зависимости от типа людей, тогда как христианское крещение потенциально открывает весь спектр духовных влияний, из которого каждый воспринимает лишь то, что он в состоянии воспринять. В высших своих аспектах христианское крещение вполне сопоставимо с инициацией брахманов. К тому же, вряд ли сегодня кто-то будет серьезно утверждать, что в наше время крещение для большинства людей влечёт за собой действительно радикальное изменение сознания.

Кроме трёх каст «дваждырождённых» существуют две касты, для которых нет второго рождения, хотя, строго говоря, они выпадают из кастовой структуры. «Надкастовому» уровню соответствует Хамса, в которую входили все люди ещё до появления каст. Этот уровень сознания, совершенно исключительный в наше время, не требовал инициации, так как духовный путь полностью осознавался каждым человеком с момента рождения или даже зачатия<sup>5</sup>. К тем же, кто находится «под» кастовой иерархией, относятся шудры, для которых осознание своего духовного пути невозможно.

Кастовая иерархия построена по принципу соответствия макрокосму и микрокосму. Индийская традиция символически сопоставляет три касты соответственно с головой, руками и ногами Бога<sup>6</sup>.

Брахманы (или брамины) в кастовой иерархии занимают высшее положение. Их функция состоит в передаче духовных влияний на уровни различных модальностей человеческого состояния, а также в сохранении традиционного учения. На социальном плане это выглядит как передача духовного знания и обучение ему каждого в меру его духовных способностей. В результате для членов общества становится возможным осознание символических связей и символов, дающих опору в духовном восхождении. Каста носит имя Единого Бога<sup>7</sup>, поскольку, с относительной точки зрения принимающих духовные влияния, брахманы тождественны этим влияниям.

Чтобы понять, что значит духовное обучение, являющееся одной из основных функций брахманов, можно сопоставить его с аналогичной функцией этой же касты, заключающейся в контроле соответствия частных приложений принципам. Если говорить о научном знании, то этот контроль подразумевает предоставление возможности для самостоятельного развития научного знания, символизирующего разворачивание универсальной проявленности, и лишь исправление отклоне-

ний. Также и в обучении, где ученик сам раскрывает свои внутренние возможности, так как всё необходимое для духовной реализации каждый содержит в себе самом. Учитель следит лишь, чтобы ученик не сбился с пути. Суммируя вышесказанное, можно сказать, что брахманы призваны поддерживать соответствие социальной структуры макрокосму и микрокосму. Такая деятельность не была бы необходимой, если бы любое общество, по аналогии с макрокосмом и микрокосмом, имело бы в качестве своей безусловной основы Высший Принцип. Таковой может наличествовать лишь в том случае, если общество является истинно традиционным, ведь только тогда устанавливается соответствие между космическим и социальным порядками. И брахманы, в случае успешного выполнения своих функций, становятся как раз тем элементом, который соответствует Принципу в социальной структуре.

Если говорить о социальных группах, то обычно понятие «выполняемая функция» отождествляется с понятием «деятельность». В самом этом слове заложена идея действия. Принято считать, что выполнять свою функцию можно, лишь действуя как-то. Однако не так обстоит дело в случае брахманов. Можно сказать, что для них не существует действия, поскольку они напрямую сопричастны Высшему Принципу, который неподвижен, «неподвижному Перводвигателю», по выражению Аристотеля. Именно это имел в виду Мейстер Экхарт, говоря, что Благодать не действует. Духовные влияния — это не воздействие, а скорее присутствие, так как источник их вне времени, а любое действие в нашем мире связано со временем, поскольку время есть одно из условий нашего существования.

Сопричастность Духу обуславливает видение брахманами окружающего мира, и это в структуре каст наименьшая возможная обусловленность для человеческого состояния<sup>8</sup>. С позиции этого видения, любая отделённость чего бы то ни было от Высшего Принципа иллюзорна, так как всё Сущее есть проявление Духа, в котором его источник и само существование. Единство проявленного мира в Духе есть Высшая реальность, на уровне которой мир неотделим от своего источника. Смерть же — одна из величайших иллюзий, поскольку Дух неразрушим, а смерть остального иллюзорна, ибо всё Сущее есть результат действия Духа.

Смысл кастовой иерархии и предназначение первых двух каст «дваждырождённых» глубоко раскрываются в символике власти ключей. Слова Христа «И дам тебе ключи Царства Небесного; и что

свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах»<sup>9</sup> однозначно показывают, что власть «связывать и разрешать» и есть власть ключей. Напомним, что ключи — золотой и серебряный — символизируют, соответственно, священнический и царский аспекты власти Христа, которые могут быть также названы, соответственно, брахманическим и кшатрийским. Можно сказать, что брахманический аспект соответствует «власти связывать», тогда как кшатрийский — «власти разрешать». Также эти аспекты соответствуют, согласно принятой в традиционных исследованиях терминологии, солнечному и лунному типам духовности. Смысл этой символики состоит в том, что солнце является духовным источником, тогда как луна лишь отражает его свет.

«Власть связывать», по сути, совпадает с этимологическим смыслом слова «религия», принятым в его «вертикальном» аспекте. То есть, это то, что связывает с Божественным. И действительно, смысл бытия брахманов в том, чтобы быть проводниками духовных влияний, «связывать с Небом».

Относительно же «власти разрешать» можно сказать следующее. Разрешение, или разделение, в данном случае понимается в том же смысле, в каком говорит Павел «иначе и ты будешь отсечён»<sup>10</sup>. То есть, одной из функций кшатриев является отделять то, в чём живёт Дух, от того, что Дух безвозвратно покинул. Кшатрийская инициация, необходимые духовные влияния для которой идут, как и другие духовные влияния, через брахманов, даёт, среди прочего, духовное зрение, позволяющее осуществлять разделение, не ошибаясь. Это духовное зрение можно с полным правом уподобить санкции свыше. Люди, являющиеся кшатриями по своей природе, но не получившие такого видения, делают фатальные ошибки, поскольку ошибиться в вопросе разделения означает отрицать существование Духа там, где Дух жив<sup>11</sup>. Наиболее типична эта ситуация для случая Восстания кшатриев. В этом случае, те, кто является кшатрием по своей природе, становятся неосознанно проводниками деструктивных влияний, тем более опасных, что эти влияния принимают форму, соответствующую образу действий представителей этой касты. В данном случае, характерной чертой этих влияний является их непосредственная связь с символикой смерти и со смертью вообще.

Меч в качестве основного оружия кшатриев характерен для большинства традиций. Именно его символическое значение как оружия, способного «рассекать», сделало его таковым, а отнюдь не просто

техническая эффективность. В данном случае, и это характерно для традиции, техническая эффективность является следствием символической значимости. В результате меч стал одним из символов касты кшатриев во многих традиционных обществах. Если говорить о поражении противника, то ясно, что это можно сделать любым видом оружия. Однако при этом символическим значением этого действия остаётся разделение духовно живой и духовно мёртвой частей человеческой души.

Сама по себе символика меча относится к осевой символике, то есть, меч символически соответствует Мировой Оси. Понятно, что Мировую ось может символизировать только меч, находящийся в вертикальном положении. Если меч направлен остриём вверх («салют Небу»), то это символизирует восхождение по Мировой Оси, символом которого может являться любое духовное восхождение. Если же меч расположен остриём вниз, то это символизирует нисхождение небесных влияний («рукоять в руке Бога») на низшие уровни реальности. Также такое положение меча говорит о том, что Богу принадлежит вся полнота власти в кшатрийском понимании. Этот символ в некоторой степени соответствует Мировому Древу (перевернутому Древу), которое также является осевым символом. Разница заключается лишь в том, что Древо главным образом символизирует бесконечное разворачивание возможностей проявления в направлении нижних уровней реальности. Рукоять же меча однозначно соответствует корню Древа, то есть Источнику всякой проявленности<sup>12</sup>.

Поскольку власть кшатриев является также царской властью, то здесь присутствует ещё одна функция, которую можно назвать поддержанием и защитой границ. Действительно, царь отделяет территорию своего царства, то есть область порядка, от всего остального как области хаоса. Здесь символика разделения также играет свою роль.

Необходимо отметить, что задачей «разделяющей» власти является поддержание всеобщего равновесия. Под этим ни в коей мере не понимается какое-либо равновесие между, так сказать, разделяемыми частями<sup>13</sup>. Следует напомнить, что с точки зрения духовной, которая одна и является истинной, всё, что лишено содержания Духа, существует лишь иллюзорно, тогда как всё, что его не лишено, реально существует лишь благодаря духовному присутствию. С другой стороны, проникновение деструктивных элементов в область одухотворённого приводит к смешениям, столь частым в наши дни, результатом которых является то, что зёрна Духа оказываются сокрыты, и содержав-

шее их утрачивает возможность реального существования. Так что, задача поддержания равновесия является одновременно задачей препятствования смещениям, при которых за духовность выдаётся то, что не имеет к ней никакого отношения, а истинная духовность предаётся забвению. При этом, если подняться на уровень брахманов, то с их точки зрения существует Великое Равновесие, которое ничто не может нарушить. В социальном плане понятию равновесия соответствуют справедливость и праведность, которые представляют собой один и тот же высший аспект, проявленный, соответственно, на уровнях кшатриев и брахманов. Неслучайно в сакральных языках для этих двух понятий есть лишь одно слово, которое применяется в обоих смыслах в зависимости от контекста.

Кроме этого, процесс поддержания равновесия с помощью оружия связан также с символикой жертвоприношения. Известно, что символически жертвоприношение отражает космогонический процесс разделения единства в проявленности и последующего возвращения к единому источнику. Это ещё один аспект разделения, присущий действию кшатриев, который вполне может послужить темой отдельного исследования.

Коль скоро мы проводим соответствие «власти ключей» кастам, нельзя не задаться вопросом о месте касты вайшьев. Вопрос о какой-либо власти для этой касты приобрёл актуальность лишь в последние века, до того даже в эпоху Кали-Юги это было просто невозможно<sup>14</sup>. Тем не менее, нельзя не признать, что эта каста при определённых, правда, весьма специфических условиях, всё же имеет право на некое главенство, поскольку также является кастой «дваждырождённых». В этом случае речь может идти тоже о «власти связывать», но совсем в ином смысле, нежели в случае брахманов. Здесь этимологический смысл слова «религия» берётся в его «горизонтальном» аспекте и соответствует связи, установленной, в случае христианства, между верующими внутри Церкви<sup>15</sup>.

Действенность, как и количественность, может служить характеристикой уровня реальности, то есть мерой удалённости от источника бытия. На примере кастовой структуры это видно очень чётко. Хотя брахманы, будучи людьми, не могут полностью находиться в бездействии, основная функция их, тем не менее, характеризуется не-действием, а мы здесь говорим исключительно о функции. Что касается функции кшатриев, то для них действие характерно в силу их природы. Вместе с тем, поскольку их функция состоит в поддер-

жании равновесия, им нет необходимости действовать постоянно, а лишь в тех случаях, когда равновесие нарушается. В свою очередь, вайшьи — это те, кто постоянно действуют, так как без действия для них нет пути.

В традиционном обществе для каждой касты существуют свои традиционные науки. Хотя основой знания брахманов является чистая метафизика<sup>16</sup>, тем не менее, существует целый ряд традиционных наук, предназначенных для этой касты, которые являются, очевидно, знанием более частного порядка. Это становится понятным, если учесть функцию брахманов, а именно передачу духовных влияний всем модальностям человеческого состояния. Поскольку человеческое состояние, то есть наш мир (макрокосм) соответствует человеку (микрокосму), такими науками являются науки о человеке<sup>17</sup> и о мире. К первым относятся, в частности, сферы образования и медицины. Это чётко прослеживается во многих традиционных обществах. Относительно медицины следует сказать, что человек как микрокосм имеет основой своего существа принцип, тождественный принципу мироздания. Каждая модальность человеческого существа является отражением этого принципа на своём уровне реальности, поэтому, с точки зрения традиционной, воздействовать на эти модальности можно лишь, руководствуясь знанием принципа. С этой точки зрения медицина как традиционная наука принципиально не отличается от наук об управлении Вселенной. Поэтому для занятия традиционной медициной необходимы те же знания, что и для управления миром<sup>18</sup>.

Относительно двух других каст дваждырождённых следует сказать, что традиционные науки, предназначенные для них, не предполагают обязательным непосредственное знание Высшего Принципа. В качестве примера можно привести науки о социальном порядке, предназначенные для кшатриев. В данном случае не подразумевается наука об управлении миром, о которой говорилось выше, так как науки для кшатриев соответствуют более низкому уровню реальности.

Если человек является метафизически компетентным, то есть его душа проникнута эманациями Высшего Принципа, то он может с лёгкостью освоить любое частное приложение метафизического знания без риска впасть в заблуждение. С другой стороны, если этого нет, то никакое «книжное» знание здесь не поможет. Высшая метафизика словами невыразима, но есть масса её приложений общего порядка, выраженных человеческим языком. Это и священные тексты, и различные описания внутреннего опыта, и многое другое. Человек

может считать себя в этом компетентным, но если он не обладает невыразимым знанием, то в любом частном приложении он может допустить фатальную ошибку.

Нечто подобное произошло в Европе в период уничтожения феодального уклада. Известно, что определённую роль в этом сыграли видные иерархи католической церкви. Отталкивались они от совершенно правильной установки о примате духовной власти над светской. Они полагали, что абсолютизм лучше соответствует этой концепции. Но, не обладая достаточной компетентностью, они не смогли понять, что на своём уровне реальности светская власть, то есть власть кшатриев, вполне легитимна и необходима. Внеся свой вклад в уничтожение феодализма и установление абсолютизма, эти люди тем самым открыли дорогу таким силам, о каком-либо главенстве которых они не могли даже и помыслить.

Современное общество находится в таком состоянии, что в нём уже практически невозможно обнаружить следы кастовой структуры. Однако такие следы легко обнаруживаются в обозримой истории, даже какие-то сто лет назад. Но если темой главенства кшатриев проникнуто большинство исторических описаний, то о главенстве брахманов известно гораздо меньше.

Конечно, не всегда это означает отсутствие такого главенства. Поскольку власть брахманов проявляется прежде всего в виде духовных влияний, неудивительно, что она может оставаться внешне незаметной. Но при этом другие касты безоговорочно признают главенство брахманов. Гораздо хуже ситуация, когда кшатрии начинают считать себя высшей кастой и стремятся избавиться от главенства брахманов. Эта тенденция известна как Восстание кшатриев.

Это не выглядит как восстание в привычном смысле этого слова. Собственно, это не что иное, как воплощение иллюзии самодостаточности. Внешняя власть действительно принадлежит кшатриям совершенно легитимным образом. Но, кроме внешнего, у человека есть и внутреннее восприятие<sup>19</sup>, которое можно отождествить с духовным зрением. До тех пор, пока внутреннее восприятие остаётся действенно более значимым, чем внешнее, никакая иллюзия самодостаточности невозможна. Если же внутреннее перестаёт быть значимым действенно, но остаётся таковым хотя бы декларативно, то общество в целом продолжает сохранять традиционный характер.

Что характерно, именно эта декларативность позволяет удерживать власть «восставшим кшатриям» в течение продолжительного

времени. В обществе, где духовные влияния не оказывают заметного воздействия на социальный порядок, но где, тем не менее, они признаются и почитаются, для идущего по духовному пути есть все необходимые условия. Те, кто стоит при этом у власти, могут оставаться вне духовных влияний, поскольку они «восставшие», но они исполняют свою главную функцию — создавать условия для сохранения Традиции и не препятствовать идущим. Именно это и поддерживает всю социальную структуру, которая иначе утратила бы «санкцию свыше» и быстро прекратила бы своё существование.

Это утрата санкции есть, собственно, момент начала «переворачивания» всей кастовой структуры. До этого момента всё же ещё сохраняется некое равновесие. Когда же начинается «переворачивание», кшатрии утрачивают всякую действенную власть. Эта утрата — результат Восстания, то есть их отказ реализовывать духовные влияния в социальной сфере, преломляя их согласно своей природе. Следующей в порядке нисхождения<sup>20</sup> является каста вайшьев. Можно сказать, что утрата кшатриями права на власть и означает возникновение специфических условий, о которых говорилось выше. И действительно, на некоторый период вайшьи и правда могут занять в обществе главенствующее положение. Однако период этот не может быть продолжительным, поскольку «переворачивание» всей структуры началось<sup>21</sup>, после чего общество неминуемо впадёт в состояние безвластия<sup>22</sup>.

Любое восстание высвобождает деструктивные силы, которые создают нестабильность в обществе. Тот, кто начал восстание, изначально стремился к некоей стабильности, которая будет иной, но всё же стабильностью. Любое стабильное состояние общества отчасти является символом вечности, а стабильность традиционного общества является таковым в полной мере. Напротив, деструктивные «революционные» силы символизируют лишь изменения, в определённом смысле отрицая какое-либо постоянство.

Разумеется, ответственность за «восстание кшатриев» лежит как на кшатриях, так и на брахманах. Процессы духовной деградации всегда затрагивают общество в целом, а не только одну касту или иную группу. И если бы духовные влияния передавались, так сказать, в прежнем объеме и качестве, восстание было бы невозможным, поскольку брахманы являются для кшатриев тем же, чем принцип для его частных приложений, которые он порождает. Речь здесь идёт,

естественно, не о людях, а о социальных функциях, связанных символическими соответствиями с высшими уровнями реальности.

Если не выходить за рамки человеческого состояния, то архетип царя, которому принадлежит видимая власть, видится центром мира, понятого по отношению к самому миру в абсолютно имманентном смысле, то есть, без связи с другими состояниями<sup>23</sup>. Это означает, что для того, чтобы осознать, что истинным центром мира являются не кшатрии, а брахманы, необходимо «приподняться» над уровнем реальности, на котором действует видимая власть. Тогда станет видно, что кшатрии образуют как бы внутренний круг вокруг брахманов, которые лишь одни находятся в центре мира, где проходит Мировая Ось, связывающая наше состояние с высшими. Символика внутреннего круга точно соответствует одной из основных функций кшатриев — защите Традиции.

Если пользоваться геометрической символикой, то понимание видимой власти как сугубо «земной» соответствует горизонтальному направлению, тогда как духовная власть, понятая в высшем смысле, соответствует вертикали. Любая видимая власть, хотя бы в силу факта своего существования, имеет некую высшую санкцию, что само по себе привносит в неё определённый «вертикальный» аспект. Можно сказать, что власть кшатриев является символом власти брахманов на своём уровне реальности.

На примере восставших кшатриев это хорошо заметно. Сам факт сохранения кастовой структуры в этом случае означает, что традиционные элементы не утрачены окончательно, и поэтому власть остаётся в руках кшатриев, не переходя к другим, более низшим кастам. Конечно же, вертикальная составляющая власти кшатриев была бы неизменно существеннее, если бы они не отвергли духовное владычество. То есть, если рассматривать эсхатологическую перспективу, то постепенное уменьшение вертикальной составляющей видимой власти в эпоху Кали-Юги должна привести к полной её утрате, и это будет означать исчезновение всякой видимой власти. Поскольку эта вертикальная составляющая есть не что иное, как отражение Мировой Оси, она равно присутствует во всех областях и аспектах человеческой деятельности, и везде она синхронно становится тем меньше, чем ближе подходим мы к концу цикла. Тем самым, полное безвластие в конечном счёте означает конец существования цивилизации.

Если рассматривать проявление восстания кшатриев в солнечнолунной символике, о которой говорилось выше, то можно заметить,

что имеет место некая инверсия архетипов. В самом деле, с какого-то момента солнечный архетип<sup>24</sup> начинает приписываться кшатриям, тогда как тем, кто должен быть проводниками духовных влияний, отводится подчинённая роль, соответствующая лунному архетипу. Эту символику можно проследить в истории многих культур.

При взгляде «снизу» понятно, что приписывание солнечного архетипа кшатриям означает, что власть кшатриев отныне рассматривается как единственная реально существующая, как самими кшатриями, так и всеми теми, кто находится под ними. Если же смотреть «сверху», то варна кшатриев, лишившись возможности получать духовные влияния через брахманов, стала получать «напрямую» лишь незначительную их часть. Этого как раз хватило на получение ими «санкции свыше» (в терминологии Андреева) на верховную власть. Однако они не смогли стать проводниками духовных влияний для всех остальных, поскольку это противоречило бы самой их природе. Вообще, инверсия архетипов для двух первых варн «дваждырождённых» имеет место лишь с точки зрения «Древа империи», то есть социального порядка. С духовной же точки зрения кастовые архетипы остаются неизменными, как и функции каст.

Поскольку структура кастового общества есть отражение структуры мироздания, можно сказать, что каждая каста, в свою очередь, символически соответствует одному из высших аспектов. При нормальном положении вещей эта символическая связь есть то, что делает касту и соответствующий ей высший аспект единым целым. То есть, каста в своём социальном проявлении символически поднимается до уровня реальности, который соответствует её высшему аспекту. Такая символическая связь есть высшая реальность для самой касты, в ней её источник существования как социальной целостности. Забвение этой связи влечёт за собой утрату высшей санкции на право занимать место в духовной иерархии. Это является причиной, по которой каста в конечном счёте прекращает своё существование как социальная группа.

Самым важным моментом здесь является тот, что утрата видимого главенства кастой брахманов не означает прекращения исполнения своих функций. Перестаёт существовать не каста, а её видимое выражение в виде социальной группы. При этом духовные влияния продолжают передаваться. Это отнюдь не означает, что передача их идёт теперь без посредства людей, выполняющих эту функцию. Надо помнить, что мы говорим о духовных влияниях применительно к специфическим условиям человеческого состояния. А коль скоро так, то

любой канал нисхождения духовных влияний, и даже сам источник этих влияний, для человеческого состояния будут иметь антропоморфную персонификацию.

Если говорить о людях — проводниках духовных влияний, то с точки зрения Духа не имеет значения, живут ли эти люди в мире видимым образом или нет<sup>25</sup>. В обоих случаях они будут выполнять свою функцию. Это обусловлено самой спецификой этой функции, так как Дух не связан никакими условиями, он неразрушим и неуничтожим, тогда как смерть есть как раз видимое выражение ограничивающих условий нашего мира. Тот, кто является по духу брахманом, не перестаёт быть таковым, уйдя из видимого мира, и может продолжать осуществлять свою функцию.

Более того, если мы говорим об антропоморфной персонификации проводников духовных влияний, то необходимо отметить, что такими могут являться личности, про которых современная историческая наука утверждает, что они не существовали в действительности. Чрезмерное внимание к этим вопросам со стороны официальной науки порой можно классифицировать лишь как нападки на Традицию. Представители же самой Традиции совершенно искренне не видят здесь никакой проблемы. Духовные влияния нисходят (а это вопрос личного опыта, как отдельных людей, так и всей традиционной формы в целом), — значит, человек, через которого они идут, существует. Это факт с точки зрения высшего уровня реальности. Отрицание этого факта на более низком уровне ничего не меняет для традиционного сознания. Такое отрицание лишь ещё раз подтверждает, что любое частное знание, входящее на своём уровне в противоречие со знанием более высшим и более общим, иллюзорно и бесполезно. Кстати, знание в области духовных влияний как раз является вполне практическим и полезным. Для тех, кто принадлежит Традиции не только декларативно, а действительно, существование духовных влияний ощущается как физическое присутствие, помогающее совершать духовное восхождение.

Такое положение вещей, с одной стороны, снимает однозначную потребность в том, чтобы проводниками духовных влияний являлась некая видимая социальная группа. С другой стороны, от остальных требуется большая «духовная чуткость», чтобы воспринять эти влияния. Необходимым условием этой «чуткости» является принадлежность к живой традиции. Однако пока традиционная форма существует, каста брахманов должна всё же на социальном плане иметь своё

отражение в рамках данной формы. Людьюми этой группы их высшая кастовая символическая связь может быть и не осознана до конца. Но они отвечают за исполнение ритуалов и вообще за сохранение ритуального элемента. Это крайне важная функция, обеспечивающая сохранность традиционной формы. К тому же, духовные влияния, идущие через ритуалы, являются хоть и не единственной формой духовных влияний, но в Традиции крайне необходимой.

Наиболее чётко расслоение касты брахманов можно проследить в христианстве. Видимая её часть — это священство, по поводу чего обычно не возникает никаких сомнений и споров. Что же касается невидимой части, то это те, кто в Церкви почитаются как святые. Отсутствие их в мире видимым образом не может помешать передачи через них духовных влияний, хотя бы в силу специфики самой этой функции. Дух не связан ни условиями этого мира, ни вообще какими бы то ни было условиями. Смерть для Него не существует.

Отсюда видно, в частности, что такое на самом деле духовная элита. Разные группы, считающие себя традиционалистами, подчас понимают под этим что угодно, вплоть до неких групп политического характера. Однако, истинная духовная элита — это те, через которых духовные энергии приходят в мир. В мире эти энергии проявляют себя по-разному. Одни призваны сохранять и поддерживать Традицию, другие способствуют восхождению идущих по Пути, третьи санкционируют существование базовых элементов нашего мира, что и обеспечивает бытие мира как такового. До тех пор, пока нисхождение божественных энергий приносит свои плоды, пока есть встречный восходящий поток, истинная элита будет выполнять свою функцию. Любая другая группа людей будет лишь псевдо-элитой, на какие бы духовные высоты эти люди не претендовали и к каким бы чистым целям не стремились. Любое же общество, не признающее духовную элиту как проводник духовных влияний, в результате этого непризнания в конечном счёте прекратит своё существование<sup>26</sup>.

Для двух других каст «дваждырождённых» также имеет место потеря символической связи, наступающая в процессе разрушения кастовой структуры. Оно не настолько глобально, поскольку сами эти касты «ближе к земле». С другой стороны, по этой причине их высшие аспекты более понятны большинству, и нашли своё доступное выражение в доктринах традиционных форм.

Если говорить о кшатриях, то с ними связана вся символика смерти (в христианстве это «смерть для греха») и рождения как симметрич-

ного элемента. Также, разумеется, и вся символика войны (наиболее яркий пример — Великая Священная война в Исламе, которая, в отличие от Малой, происходит в человеческой душе, а не во внешнем мире). Что же касается божественного аспекта, то кшатриям соответствует «Бог, который есть Любовь». В данном случае божественная любовь понимается в своём частном аспекте, а именно, на человеческом уровне. Человеческая любовь есть действие, а действие — это характеристика кшатриев. Понятая в своём высшем аспекте, божественная любовь не действует. Относительно же вайшьев достаточно сказать, что, так как их характерным атрибутом является творчество, то божественный аспект, соответствующий им — Бог-Творец<sup>27</sup>.

Любой представитель традиционного общества хоть и принадлежит к конкретной касте, но при этом, являясь человеком, несёт в себе образ всего мироздания. Поскольку кастовая структура также есть отражение мироздания, то можно сказать, что каждый человек виртуально несёт в себе все кастовые архетипы, тогда как действительно принадлежит лишь одному из них. Этот единственный архетип является доминирующим для конкретного человека, он обеспечивает место в традиционной иерархии. В современном обществе, где традиционная иерархия нарушена или отсутствует, человек может одновременно принадлежать к разным кастовым архетипам в разной степени и в различных сочетаниях. Поэтому говорить о принадлежности человека к конкретной касте там, где нет кастового общества, надо с большой осторожностью. В условиях бескастового общества наличие у человека доминирующего кастового архетипа оказывается социально не востребовавшей.

Точно также и само общество, даже если утратило кастовую структуру, всё равно символически соответствует мирозданию. Только эта символическая связь и обеспечивает обществу как системе действительное существование. Поэтому функции каст продолжают выполняться, они лишь перешли в высшие сферы и оказались скрытыми от глаз большинства. Это явилось адаптацией нисхождения духовных влияний к конкретным условиям времени. При этом, видимым выражением духовных влияний в нашем мире была и остаётся Традиция.

Что касается современного состояния «бескастовости» общества, то здесь есть свои степени духовной деградации. Инверсия происходит в тот момент, когда те, кто стоят у власти, начинают более препятствовать проникновению духовных влияний, чем способствовать. Так называемая «правящая элита» превращается в этом случае в анти-элигу. Причём, пока этот рубеж не преодолен, искренняя забота об

общественном благе обычно является достаточной, чтобы обеспечить условия для функционирования в обществе традиционных элементов. Окончательное переворачивание происходит тогда, когда «правящая элита» начинает заботиться в основном о личном благе. Понятно, что в современном мире под личным благом понимают в основном материальную заинтересованность, а никак не духовное развитие, которое на самом деле одно и является истинным благом. В традиционном обществе личное благо и благо общества нераздельны, так как работа каждого соответствует как его месту в социальной иерархии, так и его внутренней структуре. Что же касается материальной заинтересованности, то не надо заблуждаться — если человек ищет личную выгоду в сфере политики, то его начинают использовать с иными целями иные силы, для которых важны не деньги, а состояние душ и умов. Более того, для этих сил в определённый момент падения, если можно так выразиться, для реализации их планов становится препятствием эта материальная заинтересованность тех, кого они полагают своими послушными инструментами. Пока есть страсть к наживе, в этих людях остаётся хоть что-то человеческое. Об этом неплохо бы задуматься тем, кто претендует на принадлежность к Традиции и при этом считает себя в оппозиции к власти. Есть вещи намного опаснее простой коррупции. Мир ещё находится только в начале этого страшного пути.

Однако рано или поздно правильный порядок будет восстановлен. Об этом свидетельствуют не только циклические законы, но и факт неразрушимости духовных элементов. Истинная духовная власть остаётся таковой несмотря ни на что, ни на какие изменения в общественном сознании. Она просто становится скрытой, поэтому термин «узурпация» никогда не может применяться в своём абсолютном значении. Истинную власть невозможно узурпировать. Что касается восстановления традиционного порядка, то ничто подобное невозможно чисто политическими методами. Такое восстановление с необходимостью должно опираться на уровень принципов, то есть на более высокий уровень реальности. В этом случае достаточно даже небольшой группы людей, несущих свет истины, само существование которых способно вернуть обществу образ мироздания.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Кроме этого, разница между традиционными обществами может заключаться в возможных искажениях традиционного учения, что отражается на

общественной структуре, делая её не в полной мере соответствующей Мирозданию.

<sup>2</sup> Это похоже на разницу между геометрией как священной наукой и современным пониманием геометрии. В современном понимании, например, центр круга есть лишь одна из множества точек, его составляющих. При этом круг много больше любой из них. С точки же зрения сакральной геометрии центр есть принцип существования круга, ибо без этой точки нет круга, тогда как сама эта точка без круга, очевидно, есть. Поэтому центр больше круга, так как круг содержится в нем виртуально. Этот пример показывает, что термины «больше-меньше», «включает в себя», и т.д. могут иметь разные значения, даже противоположные, в зависимости от того, используем мы их в смысле символическом или буквальном.

<sup>3</sup> Если понятие «сословие» практически точно соответствует понятию «каста», то «класс» — нечто совсем иное. Принадлежность к классу никак не связана с внутренней структурой человеческого существа, а отражает лишь место в социальном порядке, весьма далеком от традиционного.

<sup>4</sup> Говорить об эффективности традиционной формы возможно лишь в рамках парадигмы этой формы, поскольку нет никакого общего знаменателя, на основании которого можно было бы делать подобные сравнения. Точнее, он есть, но находится в области чистой метафизики, где оперировать человеческими понятиями невозможно. Одной этой причины достаточно, чтобы сделать бессмысленными многие межрелигиозные споры. Впрочем, вполне правомерно говорить об эффективности христианства, оценивая её числом спасённых душ.

<sup>5</sup> В данном случае более уместно было бы говорить о моменте воплощения души, а не придерживаться «физиологического» уровня.

<sup>6</sup> «Ригведа».

<sup>7</sup> Хотелось бы напомнить, что понятию «Бог» авраамических религий нет в ведической традиции точного эквивалента.

<sup>8</sup> Любое существо тем менее ограничено условиями существования, чем ближе оно к духовному источнику, который одновременно является Принципом Бытия.

<sup>9</sup> Евангелие от Матфея, 16, 19.

<sup>10</sup> Послание к римлянам, 11, 22.

<sup>11</sup> Согласно христианской традиции, это является непрощаемым грехом (Евангелие от Матфея, 12, 31).

<sup>12</sup> Интересно проследить связь между символикой меча и креста, схожесть форм которых отнюдь не случайна, поскольку всё мироздание пронизано символическим соответствием.

<sup>13</sup> Это была бы точка зрения, слишком близкая к манихейскому дуализму.

<sup>14</sup> Имеются в виду различные буржуазные революции.

<sup>15</sup> Неслучайно, что именно в эпоху буржуазных революций так выросли неопротестантские конфессии, в которых «общинный принцип» был очень силен, часто даже в ущерб личной связи человека с Богом.

<sup>16</sup> С более общей точки зрения метафизика есть основа любого истинного знания.

<sup>17</sup> Сейчас эту сферу принято называть гуманитарными науками, и стоит ли удивляться, учитывая сегодняшнее смешение каст, насколько далеко они теперь отстоят от истинной духовности.

<sup>18</sup> Имеется в виду управление миром так, как сформулировано у каббалистов — «управление низшим миром через высшие».

<sup>19</sup> Символика внешнего и внутреннего, так же, как символика верха и низа, относится к разряду пространственной символики, столь широко распространенной в священных текстах.

<sup>20</sup> Направление, соответствующее ходу цикла.

<sup>21</sup> Достаточно вспомнить о том, насколько недолговечны были результаты «буржуазных» революций, а также о деструктивных силах, высвобожденных этими революциями и проявивших себя впоследствии.

<sup>22</sup> Можно сказать, что власть переходит к шудрам, но с духовной точки зрения это означает состояние безвластия. При этом в чисто внешних проявлениях (политика, экономика, и пр.) общество может выглядеть вполне благополучным. Однако, если налицо состояние духовной анархии, то подобное общество в конце концов окончательно лишится всякой «санкции свыше» и перестанет существовать. С учётом современных тенденций, можно предположить, что это рано или поздно произойдёт в масштабах всего мира, и будет соответствовать концу этого цикла и началу следующего — см. ведическое учение о четырёх веках.

<sup>23</sup> Поэтому царь для всей касты кшатриев — «первый среди равных».

<sup>24</sup> Нельзя считать солнечный архетип символически тождественным гиперборейскому. Последний скорее соответствует надкастовому состоянию «Хамса». Современное человечество настолько далеко отстоит от этого состояния, что в наше время понятие «царь-первосвященник» было применено только к самому Христу. Вообще, само понятие «гиперборейский архетип» подверглось в современном сознании столь основательной деформации, что восстанавливать его истинный смысл необходимо, насколько это только возможно.

<sup>25</sup> Хотелось бы напомнить, что понятия «жизнь» и «смерть» в традиционных учениях означают совсем не то, что в обыденной жизни. В традиционных обществах понятие «жизнь» в биологическом смысле является символом жизни в смысле духовном, то есть, сопричастности Духу. Сейчас же символические связи настолько нарушены, что физическая смерть отнюдь не означает смерти духовной, равно как и наоборот.

<sup>26</sup> Отрицание культа святых в протестантизме, для которого вообще характерно неприятие какой-либо элитарности, и привело в результате к известным печальным последствиям.

<sup>27</sup> В качестве известного примера можно привести Великого Архитектора Вселенной у масонов, являющихся, как известно, по происхождению ремесленной ассоциацией.

# ЭТНОСЫ, СВЯЩЕННАЯ ИМПЕРИЯ И НАЦИИ

Одной из областей, где наиболее сильно заметна разделённость, проявляющаяся сейчас во всём, является сфера этносов, их взаимодействие и значение этнической принадлежности. Разделённость проявляется как во взаимоотношениях этносов, так и внутри самих этносов. Хотелось бы сразу отметить, что это нечто совсем иное, чем пресловутый национальный вопрос. Смешения этих вещей настолько часты в последнее время, что невольно задумываешься, насколько неосознанно они делаются.

Весьма точное определение этноса было дано Л.Н. Гумилёвым. Можно сказать, что он вплотную подошел к рассмотрению роли Традиции в процессах этногенеза. Однако, принадлежность его к современной научной школе помешало ему назвать вещи своими именами. Радикальное различие между методологией современной науки и традиционным знанием состоит в том, что современная наука ищет причину всех явлений на уровне реальности, который соответствует самим этим явлениям.

Многие современные исследователи ошибочно понимают этнос исключительно как социальную систему. Если же говорить о традиционных науках, то с их точки зрения на любом уровне проявленности (реальности) есть ограничивающие условия существования, где обусловленность тем больше, чем дальше уровень проявленности отстоит от Источника Бытия, чем он ниже. При этом любая обусловленность есть лишь «ограничение по горизонтали». Это означает, что из обусловленного состояния невозможен переход в другие обусловленные состояния сходного уровня реальности<sup>1</sup>. Переход возможен

только на более высокий уровень, в состояние, являющееся для данного состояния принципом существования. То есть, условия существования образуют «вертикальный коридор», по которому можно двигаться вверх<sup>2</sup>.

Принадлежность к этносу, прежде всего, является ограничивающими условиями существования. Разворачивание универсальной проявленности порождает бесконечность миров, каждый из которых есть состояние со своими ограничивающими условиями. В каждом таком состоянии есть модальности, отражающие специфические ограничения внутри этого мира. Для человеческого состояния существуют различные модальности, одним из видов которых является этническая принадлежность. Тем самым, этногенез есть частный случай разворачивания универсальной проявленности в нашем мире, и как таковой, является её символом.

Этническая обусловленность человеческого существа никоим образом не является ограничением в плане духовного восхождения. Напротив, принадлежность к этносу создаёт условия, при которых именно этот человек может максимально самореализоваться. Путём этой реализации являлись и являются этнически адаптированные традиционные формы.

Для традиционного общества естественен тот факт, что любая социальная организация определяется традиционной формой и является её производной. В традиционном обществе духовные влияния пронизывают всю жизнь и деятельность людей сверху донизу, образуя символические соответствия и создавая иерархию. Уровень социальных взаимоотношений занимает в этой иерархии своё место. Для человека Традиции он является уровнем реальности, который, также как и другие, дает опоры в духовном восхождении. Этническая принадлежность — одна из таких опор, поэтому ранее не существовало людей, мыслящих себя вне какого-либо этноса. Исключение составляли лишь люди, принадлежащие надэтнической традиционной форме, и занимающие в её иерархии положение, исключающее возможность быть ограниченными этническими рамками.

Согласно закону соответствия, человек получает от мира отклик, в точности соответствующий его духовным потребностям. А так как основу человеческого существа составляет искра божественного огня (Дживатман, Агни, Царство Божие), то невозможно, чтобы духовных потребностей не было как таковых. Принадлежность челове-

ка к социуму, его место в мире — один из главных откликов мира на эти духовные потребности. Существование всех социальных групп традиционного общества имеет причиной это действие закона соответствия.

Каждое существо, приходящее в наш мир, то есть, переходящее в человеческое состояние, обладает набором специфических качеств. Наиболее общие из них и обуславливают этот переход. Более же частные и вторичные качества задают место человека в мире. Это место есть точка, где духовная реализация именно этого существа может происходить оптимальным образом. Само наличие группы человеческих существ со сходными признаками является неким зовом, в ответ на который дается высшая санкция, обеспечивающая целостность любой духовной или социальной общности<sup>3</sup>. Духовные влияния, санкционирующие существование этноса, вызваны наличием людей, качества душ которых обеспечили им рождение именно в этом этносе. При этом, данные духовные влияния, являясь движущей силой этногенеза, создают для этих душ «вертикальный коридор». Что же касается традиционной формы, то её существование санкционируют духовные влияния иного свойства. Если этнос как условия существования — это многократно отражённый и преломленный свет Высшего Принципа, то традиционная форма — прямая его эманация. Она может выглядеть по-разному в зависимости от условий места и времени, этноса и временного периода. Но она всегда остаётся той же самой, тождественной самой себе в своей сущности. Она является путём, путеводной нитью по «вертикальному коридору». На уровне высшей реальности Традиция едина, а внешнее выражение её в различных традиционных формах принадлежит более низкому порядку существования.

Сама Традиция виртуально содержит в себе бесконечное множество возможностей адаптации, не принадлежа при этом в своей сущности к нашему миру. Это означает, что для любого этноса виртуально существует этнически адаптированная традиционная форма, которая может обрести действительное существование при появлении необходимых условий. Поэтому не существует этносов, абсолютно оторванных от Традиции, так как Традиция как эманация Принципа есть то, что обеспечивает как этносу, так и отдельному человеку, действительное бытие. Каждый зарождающийся этнос потенциально должен воспринять традиционную форму, адаптированную к данным конкретным

условиям, которая призвана стать стержнем и условием этнической целостности.

К тому же, никогда нельзя рассматривать этнос в единственном или даже нескольких временных срезах. Подобное рассмотрение не может дать целостного представления о явлении. Традиция как стержень всего сущего в нашем мире, в том числе и этносов, имеет надвременной характер, если рассматривать её с высшей точки зрения. Одного этого достаточно, чтобы с осторожностью отнестись к исследованиям этносов методом «временных срезов». К тому же, в разные периоды существования этноса традиционная форма во внешнем выражении может угасать и оживать заново, при этом её истинная сущность остаётся неизменной.

В традиционных обществах считается, что ныне живущие и их предки одинаково принадлежат этносу. Причём, авторитет предков, как правило, выше, чем у живых. Это неслучайно. Этнос имеет «надвременной» характер в силу связи с традиционной формой, а неизменность обычаев и уклада есть символическое выражение этой «надвременности». Современное состояние этноса — это не весь этнос, это лишь видимая небольшая часть, причём, если процесс деградации зашел достаточно далеко, то эта часть может показаться духовно ничтожной. Эту ошибку часто совершают те, кто пытается управлять ходом социальных процессов. Умиравший и бессильный в социальном отношении этнос может вдруг проявить огромный скрытый потенциал, восстать, как Феникс из пепла. Для того, чтобы подобное не стало неожиданностью, достаточно подойти к истории как к традиционной науке, изучать её, используя традиционную методологию, и делать правильные выводы.

Никогда не следует думать, что из какого-либо этноса Дух ушел окончательно. Не надо ограничиваться сиюминутным взглядом, а следует изучить всю предшествующую историю этноса. То, что было некогда одухотворено, вполне может снова стать таковым, насколько бы малореальной не казалась такая возможность. Собственно, существование такой возможности и есть то, что до поры до времени сохраняет этнос как целостность. Как бы далеко не зашла деградация традиционной формы, всегда могут остаться крупинцы Духа, которые, даже не являясь видимыми, на самом деле поддерживают жизнь этноса («не истреблю ради десяти», Бытие, 18,32). Там же, где традиционная форма становилась для этноса тем, чем она должна быть, возникали действительно великие цивилизации.

Таким образом, если нам кажется, что перед нами этнос без традиции, то это означает лишь, что для данного этноса Традиция присутствует виртуально, и традиционная форма, соответствующая именно этому этносу, также присутствует в бесконечном многообразии потенциальных возможностей проявления Традиции в нашем мире. При этом внешне традиционная форма может отсутствовать или быть деградированной. Значит, эта форма либо уже принесла, либо ещё только может принести свои духовные плоды. Иногда для оценки значимости этнически адаптированной традиционной формы достаточно сделать правильный временной срез.

Для последних веков Кали-Юги характерно угасание процессов этногенеза. Внешне этим процессам мешает псевдо-единство, которое является лишь пародией на истинное Единство. Более же глубокая причина состоит в том, что нисхождение духовных влияний определённого типа, которые дают этносу санкцию на существование и формируют традиционную форму, отныне становится невозможным. Деструктивные влияния настолько сильно затронули саму основу мира, что какая-либо духовная реализация возможна лишь при условии дистанцирования от социального уровня. Поэтому духовные влияния не оказывают более влияния на социальный порядок, по крайней мере, в западном мире.

Что касается надэтнических традиционных форм, современное распространение которых есть ещё одно выражение адаптации Традиции, то они также тесно связаны с этнической обусловленностью. В каждом этносе такая форма приобретает своё неповторимое своеобразие, в зависимости от качеств этноса. На более же высоком уровне этническая принадлежность не имеет значения, так как Традиция стоит выше этносов, объединяя их в общем источнике. Можно сказать, что в этом и состоит идея Священной Империи.

Сама по себе идея империи может иметь реализацию на разных уровнях. Первый, и самый высший — это уровень метафизический. Высшая власть принадлежит центру (человеку или группе), имеющему прямую связь с Высшим Принципом. Все этносы в составе империи и традиционные формы этих этносов безоговорочно признают это главенство. Соответственно, в каждой традиционной форме есть полное понимание метафизического единства всех форм. Подобное отсутствие формоцентризма отнюдь не исключает ортодоксии, и означает лишь понимание метафизических истин.

Это понимание, конечно же, не обязательно, да и невозможно, для всех членов каждого этноса. Достаточно, чтобы оно было у каждой этнической элиты, которая признаётся всем этносом как таковая и является хранителем данной традиционной формы. Очевидно, что не только сейчас, но даже в исторически обозримый период, такой уровень понимания метафизических истин почти отсутствует. Поэтому такой уровень реализации имперской идеи неизвестен современной исторической науке.

Второй уровень — надэтническая традиционная форма. Для всех этносов в составе империи этого типа такая традиционная форма является обязательной к принятию. Это принятие, как правило, сопровождается для каждого этноса включением в новую традицию более древних традиционных элементов, присущих этому этносу ранее. Это происходит достаточно органично, так как эти элементы также носят истинно традиционный характер. Однако они всегда будут занимать подчинённое положение.

Такие структуры, как показала история, оказались в наше время, то есть в конце Кали-Юги, весьма эффективны. Однако, при наличии на имперской территории этносов — носителей других традиционных форм, возникали сложности. В лучшем случае к ним относились терпимо, что позволяло такому этносу существовать, по возможности закрывшись от внешних воздействий, достаточно продолжительное время. Однако при этом всегда оставалась угроза ассимиляции, и как следствие, утрата традиционной формы этноса. О полномправном вхождении же такого этноса в состав империи не могло быть и речи. В худшем случае этносу могли угрожать прямое уничтожение или изгнание.

С другой стороны, империя, построенная на основе надэтнической традиционной формы, имеет большое преимущество. Дело в том, что разрушение традиционных форм всегда происходит по одним и тем же законам. Нижние уровни иерархии могут не подвергаться серьезным изменениям, тогда как на вершине происходит деградация, выражающаяся в утрате метафизического знания. Причиной этого является прекращение или ослабление духовных влияний. Разрушающаяся традиционная форма символически обозначается усечённой пирамидой. Тот, кто принадлежит такой форме, может подняться лишь до уровня этого «усечения». Если его духовные стремления выше этого уровня, то в рамках данной традиционной формы он не в состоянии получить на них отклик<sup>4</sup>.

В условиях приоритетности надэтнической традиционной формы уже не остаётся места для этнически адаптированных форм. Поэтому на уровне этносов не происходит деградации традиционной формы. Надэтническая традиционная форма в каждом этносе имеет своё выражение, но для тех, кто больше не нуждается в опорах на этом уровне, существует потенциальная возможность выйти за пределы этноса. Такой выход символически соответствует восходящей тенденции, то есть возвращению к духовному источнику<sup>5</sup>.

Наконец, третий уровень — империя, где фактическая власть принадлежит «восставшим» кшатриям. Она может включать в себя множество этносов с разными традиционными формами без обязательного осознания сущностного единства. Главное требование — признание и лояльность к верховной власти. В обмен на это власть обеспечивает нормальное существование этноса и его защиту, в случае необходимости, от разрушительных внешних воздействий. Это является обязательным для нормального функционирования любой этнически адаптированной традиционной формы. Собственно, именно благодаря тому, что власть осуществляет внешнюю поддержку и защиту этносов и их традиционных форм, такая власть получает право на существование. Именно так выглядят отношения брахманов и кшатриев, будучи перенесёнными на уровень империи. Но империя такого типа уже не может с полным правом называться священной, так как высшая власть в империи не является проводником духовных влияний.

Самый большой недостаток таких империй состоит в том, что над кшатриями, осуществляющими власть, не стоят брахманы. Поэтому кшатрии лишены высших влияний, кроме санкции на власть. Как результат, они не имеют духовного зрения, и не в состоянии оценивать и контролировать деструктивные процессы, которые могут идти внутри этносов. Внешняя защита со стороны имперской власти в обмен на лояльность этноса отнюдь не является единственным условием стабильности империи такого типа. Причины любых негативных изменений всегда следует искать на уровне метафизическом, а не социальном. Такие изменения в этносе — всегда следствие разрушения традиции, забвения или инверсии различных аспектов метафизического знания. Этнос с умирающей традицией — как бомба замедленного действия в живом теле империи. А те, кому принадлежит имперская власть, не обладают достаточной компетенцией, чтобы увидеть опасность. Ведь извне и при поверхностном взгляде, этнос и его традиционная форма

могут выглядеть вполне благополучными, особенно на фоне имперского этнического многообразия.

Забвение или инверсия различных аспектов традиционного знания всегда является иллюзией с абсолютной точки зрения, поскольку истинное знание ничем не может быть затронуто в своей сущности. Разрушающаяся традиционная форма не была бы так опасна, если бы этнос, являющийся её носителем, не оказался в силу этого в «эсхатологическом авангарде». Эсхатологическая перспектива конца света известна любой традиционной форме и представляет собой знание о конце цикла. Направление цикла соответствует постепенному уходу Духа из этого мира, и любой этнос или группа, подхватывающие эту тенденцию, получают определённые преимущества по сравнению с остальными. Эти преимущества не касаются духовных аспектов, а напротив, соответствуют доминированию «мирских» тенденций в ущерб Духу. Поэтому те, кто находится в «эсхатологическом авангарде», получают возможность доминировать в мире. Достаточно взглянуть, кто доминирует в современном мире, чтобы понять действительную миссию «эсхатологического авангарда».

Любая империя, пусть даже реализованная на нижнем уровне, имеет смыслом своего существования сохранение Традиции во всех её формах. Это естественно, ведь сама имперская структура построена по тому же иерархическому принципу, что и мироздание. Поэтому любая империя всегда символизирует Вселенную, даже если это не осознают те, кто стоит во главе. Если же функция сохранения Традиции не выполняется, такая структура не может называться империей, даже при наличии сходных признаков. Впрочем, как показала история, такие «империи» не могут долго существовать. Вообще, злоупотребление словом «империя» привело к значительному искажению его смысла. Наиболее характерным примером является термин «империализм», которым обозначили то, что является полной противоположностью империи<sup>6</sup>.

Особо стоит остановиться на символе древа империи. Поскольку священная империя является символом мироздания, то она также символизируется перевернутым деревом. Это означает, что корень этого древа есть метафизический источник духовных влияний, и как таковой, находится выше ветвей древа, которые, в свою очередь, символизируют этносы империи. Одновременно с этим, корень — это высшая имперская власть. Если же рассматривать не священную, а «кшатрий-

скую» империю, то здесь корень древа не является источником духовных влияний, а потому само древо находится не в перевернутом, а в нормальном положении<sup>7</sup>. Это ещё раз символически показывает, что именно восстание кшатриев и есть момент переворачивания, ставший отправной точкой для современных тенденций.

Эти тенденции, прогрессируя в течении многих веков, привели в конечном счёте к образованию наций. В отличие от этноса, нация — понятие сугубо современное. Наиболее существенное различие между ними состоит в том, что нация как социальная система ни в коей мере не является отражением мироздания, поэтому она не может являться его символом. С точки зрения традиционного сознания, одно это уже ставит под сомнение правомерность существования таких структур<sup>8</sup>. То, что не несёт в себе образ Вселенной, не может быть одухотворено, поскольку отсутствует символическая связь, которая должна являться проводником этого одухотворения. Как результат, место человека в таком обществе никак не связано с внутренней реализацией, и со стороны социума не приходится ждать действенной помощи в духовном смысле. Поэтому для людей Традиции такие общественные отношения не имеют ценности, являясь духовной анархией.

Само понятие иерархии в том значении, в котором оно применяется к традиционному обществу, нельзя применить к нациям. Аутентичность традиционных обществ всегда исходит из центра, которым является традиционная форма или правящая элита. В противовес этому, аутентичность нации имеет вид некоей внешней границы, которая отделяет эту нацию от остальных. В пространственном выражении эта граница может совпадать с определённой территорией, хотя это и не является обязательным. Нация соответствует концепции «мы — они», то есть имеет место противопоставление, тогда как традиционное общество — «центр — мы — они», где граница «мы — они» более условна, поскольку эта не граница даже, а направление движения от центра. Если говорить о священной империи, то она является открытой, то есть любой этнос при его готовности и желании может войти в состав империи. Это означает, что этот этнос становится способным воспринимать духовные влияния, идущие из центра. Эти влияния призваны оживить традиционную форму этноса, которая могла находиться до этого в виртуальном или латентном состоянии. Поэтому священная империя тяготеет к максимально

возможному расширению. Здесь особое значение приобретает идея просвещения в значении «просвещение варваров»<sup>9</sup>.

В отличие от империи, нация является закрытой системой. Императив «мы — они» оказывается здесь превалирующим, поэтому вопрос о значении центра для такой системы уже не имеет решающего значения. Сейчас понятие нации стало фактически синонимом государства. Если нация имеет централизованную государственную власть, это отнюдь не означает наличие центра в традиционном понимании, поскольку центр этот не есть центр нации, а лишь «центр границ». Поэтому в современных государствах различные социальные группы порой пользуются автономией, немислимой в традиционном обществе. Впрочем, эта «автономия» имеет причиной, в числе прочего, отсутствие истинного центра, а значит, и духовных влияний. Фактически это автономия от духовных влияний, и, как следствие, отсутствие внутренней структуризации, порой на грани анархии. Центр же государственной власти становится в таком случае инверсией духовного центра, происходит «выворачивание смысла».

Если говорить о структурах, являющихся отражением мироздания, то каждая такая структура обладает определённым сознанием. Обусловленность этого сознания зависит от уровня реальности данной структуры. Однако, в любом случае, сознание это является отражением Высшего Принципа на своём уровне, подобно тому, как человек является образом Бога. Что же касается структур, не являющихся образами Вселенной, то приходится констатировать, что сознание, которое им присуще, не является отражением Высшего Принципа. Невольно задумываешься, отражением чего оно в таком случае является. В связи с этим, невозможно не вспомнить визионерство Даниила Андреева. Впрочем, с точки зрения Духа, всё, что не отражает свет Высшего Принципа хотя бы в малой степени, не может обладать действительным существованием.

Одной из отличительных черт этноса является генетическая общность. Вообще, общность по крови является в жизни людей весьма значимым фактором. Если сейчас этому не придают большого значения, то в основном из-за элементарного невежества. Между тем, значение кровного родства известно даже на уровне низшей магии, которая, не имея никакого отношения к духовности, является уровнем, сопричастным низшим планам человеческого состояния, то есть нашего мира.

Для этноса с живой традиционной формой общность по крови является символом общности по Духу. Неслучайно эта символика присутствует во многих священных текстах. Именно эта символическая связь одухотворяет этнос как общность по крови, делает эту общность духовно значимой. Поэтому, если этнос не принимает в свою среду человека извне, то это обусловлено отнюдь не отсутствием кровного родства, а невозможностью человека принять данную традиционную форму в качестве своего духовного пути<sup>10</sup>. Как и должно быть в традиционном обществе, общность по Духу стоит выше общности по крови. Если же человек обладает метафизическим знанием, ставящем его выше данной традиционной формы, то препятствий ко вхождению в этнос не существует.<sup>11</sup> Инверсией такого вхождения в случае наций является ассимиляция.

Нация, как правило, в силу своей локализации, отчасти сохраняет в себе генетическую общность. Однако она рано или поздно обречена на её утрату, поскольку эта общность не связана символически с высшими состояниями. Утрата традиции и процессы ассимиляции способствуют этому размыванию. Если же в национальном государстве искусственно акцентируется аспект генетической общности, то это приводит к печальным последствиям. Элементы, принадлежащие традиционному порядку, будучи оторваны от своего источника, имеют тенденцию обращаться в свою противоположность. Эта инверсия открывает дорогу деструктивным влияниям нижних миров. С точки зрения Духа, это, разумеется, иллюзия, однако в нашем мире эта иллюзия имеет видимые последствия. В наш век, когда утрата традиционного знания происходит повсеместно, примеров тому масса.

Может возникнуть мнение, что приход к власти кшатриев является, по сути, узурпацией. На самом же деле, любая форма власти возникает в соответствии с условиями времени и места. Её высшей задачей является оптимально способствовать внутренней самореализации людей и сохранению традиции. Поэтому власть кшатриев санкционирована, что во внешнем выражении показывают такие ритуалы, как помазание на царство. Можно сказать, что монархическая форма правления в знакомом для нас виде является неким переходом между традиционным обществом и нацией. Говоря об узурпации, необходимо отметить, что если видимая власть перестаёт быть духовно истинной, то высший источник власти никуда не исчезает, а лишь становится всё более скрытым для большинства. Действительная узурпация име-

ет место лишь в том случае, если власть становится проводником тенденций, стремящихся отрезать наш мир от высших влияний.

Можно сказать, что этнос и нация — начало и конец одной тенденции. В самом деле, до появления этносов мир пребывал в единстве, где каждый человек «естественным» образом обладал уровнем самосознания, причём таким уровнем, который абсолютно непостижим большинству современных людей. Этноты же возникли тогда, когда чистое метафизическое знание Изначальной Традиции стало менее доступным, и появилась потребность адаптировать его в зависимости от условий времени и места. Но так же, как нация есть в какой-то степени инверсия этноса, так и современная тенденция «слияния» всех наций в одну сверхнацию есть пародия на изначальное единство. Отсутствие для государств-наций источника духовных влияний, и, как следствие, автономность различных социальных групп, приведут к тому, что группы эти в своей потребности к самоидентификации послужат деструктивным фактором, который окончательно разрушит старые нации. Но это всё — естественный ход событий, ведь дальнейшая эсхатологическая перспектива человечества означает не что иное, как завершение этого цикла и возврат к правильному порядку вещей.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Напомним, что нельзя сравнивать различные обусловленные состояния, если только они не принадлежат одной символической связи, то есть, если одно из состояний не является для другого принципом. Это разные миры, имеющие лишь единство в Высшем Принципе, и соизмерить их удалённость от Принципа невозможно.

<sup>2</sup> Впрочем, и вниз, если угодно, к любому из множества состояний, для которых исходное состояние является принципом. Тот, кто находится в некотором состоянии, всегда волен перейти в состояние более низкого уровня реальности, ограничив себя условиями существования этого состояния. Такие нисхождения крайне редки, поскольку не имеют практического смысла в плане личной духовной реализации. Поэтому они происходят лишь при наличии определённой «миссии» у нисходящих существ. Тогда для тех состояний, в которые они нисходят, сами эти существа становятся олицетворением высших влияний.

<sup>3</sup> Надо иметь в виду, что в данном случае направление причинно-следственных связей зависит от способа рассмотрения. В данном случае имеется в виду способ рассмотрения «снизу вверх». Если же смотреть «сверху вниз», то есть с метафизической точки зрения, которая является более истинной, но

менее человеческой, то происходит инверсия причинно-следственной связи. С этой точки зрения, существа со сходными признаками начинают рождаться в нашем мире, если появляются условия, при которых соответствующая традиционная форма получает возможность перейти из виртуального состояния в действенное.

<sup>4</sup> Аналогом этой ситуации в нашу эпоху можно считать страны, в которых некогда главенствующее положение занял протестантизм. Законы социального взаимодействия, оторванные от своего источника, то есть от Традиции, очень быстро перестают быть отражениями высших законов и вырождаются в светский морализм.

<sup>5</sup> Разрушение структур, в которых остались хотя бы фрагменты традиционного характера, всегда сопровождается восходящим и нисходящим потоками. При этом восходящий поток символизирует высшую реализацию и возвращение к источнику того остаточного духовного потенциала, который сохранился в традиционных фрагментах. В данном случае, если под восходящей тенденцией можно понимать подъем над уровнем этноса в рамках надэтнической традиционной формы, то нисходящая тенденция — это те, кто перестал себя ощущать членом этноса. Фактически, они отказались от своей принадлежности к этносу, что, впрочем, не отменило этнической обусловленности. В большинстве случаев такие люди лишены каких бы то ни было осознанных духовных стремлений. Это явление характерно для нашего времени.

<sup>6</sup> Подобные терминологические злоупотребления нередки в наше время. Тем, кто ими занимается, часто кажется, что если термин используется лишь исторической наукой, то почему бы его не принять на вооружение, обозначив им какую-то современную тенденцию, особенно если имеется внешняя схожесть. Не обладая ни в малейшей степени традиционными знаниями, они не понимают, что каждый такой термин несёт в себе символический смысл, и обозначает не столько исторический феномен, сколько символизирует высший надвременной аспект. Поэтому злоупотребление терминами приводит к инверсии их смысла, что является одним из проявлений разрушения символических связей, поддерживающих мир.

<sup>7</sup> В связи с этим интересно было бы рассмотреть символику отражения древа в верхних и нижних водах, символизирующих, соответственно, непроявленное и неоформленную проявленность.

<sup>8</sup> Здесь характерен пример современных иудейских ортодоксов, которые отрицают легитимность существования Израиля, считая его светским государством, лишённым традиционной основы.

<sup>9</sup> Деградация имперской идеи от священной империи к кшатрийской привело к тому, что сформировался устойчивый образ имперской экспансии, совершенно отличный от первоначального вида этой тенденции.

<sup>10</sup> Термин «принятие» имеет отношение к символике внешнего и внутреннего, которая, как известно, соответствует различным степеням удалённости

от Высшего Принципа. Принимающее в себя является более внешним по отношению к принимаемому. Социум как структура, принимающая человека, более удален от Принципа, поскольку он является отражением мироздания в той степени, в которой соответствует традиционному порядку, тогда как человек является отражением мироздания в любом случае. Что же касается человека, принимающего традиционную форму, то здесь речь идёт о «внешнем человеке», тогда как «внутренний человек» не только ничего не принимает, но и вообще не действует. Сущность этого «внутреннего человека» тождественна сущности Традиции, поэтому принятие традиционной формы «внешним человеком» является, прежде всего, актом самоосознания.

<sup>11</sup> Для духовной элиты такое положение дел является вполне нормальным. Если же существует надэтническая традиционная форма, то всё ещё больше упрощается. Для полноправного вхождения в этнос достаточно стоять выше тех элементов местного характера, которые адаптируют надэтническую традиционную форму к условиям этноса. Кажется весьма вероятным, что знание о праве элиты менять свою этническую принадлежность было некогда общедоступным. Поэтому те, кто считал себя элитой, так легко это делали, если в том возникала необходимость. Речь идёт о кшатриях-правителях, и происходило это, в частности, в результате браков, имевших в том числе и политические цели.

# ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Современный мир, ввиду сложившихся в нем специфических условий, единственным знанием, достойным этого названия, полагает знание научное. Естественно, речь не идёт о знании на бытовом уровне, поскольку даже в современном мире, с его утраченными понятиями об иерархии, научное знание ставится несравненно выше обыденного. На практике, однако, современное научное знание является знанием в рамках специфического типа мышления, который имеет в качестве своей опоры определённый фиксированный уровень реальности.

Все существующие на данный момент науки можно условно разделить на три категории. К первой относятся те, которые имеют своим источником духовную традицию и не разорвали с ней связь. Как правило, их методология не признаётся официальной наукой. Ко второй категории относятся те науки, которые, имея изначально связь с Традицией, ныне эту связь утратили. И третья категория объединяет все те направления современного научного знания, которые порождены исключительно духом современной эпохи.

Для Традиции научное знание — это отнюдь не единственный вид знания. Поскольку в Традиции иерархический принцип является одним из основополагающих, говорить о традиционном знании можно только как о знании иерархизированном. Высшее знание — это знание метафизическое, и оно является, по сути, одним из аспектов Высшего Тожества. Само по себе Высшее Тожество означает абсолютно необусловленное состояние. Если мы говорим о нем как о Высшем знании, то это уже определённая обусловленность, пусть и наименьшая из возможных. Рассматривая Высшее Тожество с этой точки зрения,

мы видим в нём начало того, что в традиции именуется Путём Знания<sup>1</sup>. Каждая традиционная наука как раз и представляет собой Путь Знания, вернее, ту его часть, где ещё можно говорить о различении наук.

Вся система традиционных знаний имеет иерархическую структуру. Различные частные области в ней хоть и отличаются друг от друга, но высшей точкой и одновременно источником полагают Единый Принцип. Поэтому можно сказать, что иерархия традиционных знаний является отражением иерархии состояний бытия.

Как говорилось выше, иерархия состояний бытия с необходимостью включает в себя Первопринцип в качестве своего источника, хотя он, строго говоря, бытием не является и по отношению к нему трансцендентен. Для Традиции подобное рассмотрение является единственным возможным. Одним из символов традиционной иерархии является гора, и любая традиционная деятельность символически отождествляется с путём к вершине. Научное познание — лишь один из видов такой деятельности. Причём, по мере продвижения к вершине, разные пути всё менее отличаются друг от друга. Например, идущим по пути Любви в какой-то момент даются определённые аспекты Высшего знания, а идущие путём Знания становятся сопричастны Божественной Любви.

Пользуясь той же символикой горы, уровень современного научного знания выглядит как её горизонтальный срез. Символика остаётся той же в своей основе, если мы берем в качестве символа не гору, а её проекцию на плоскость основания. Тогда Путь Традиции является центростремительным вектором-радиусом, а уровень современного научного знания — множеством точек одной из окружностей. Различные же уровни реальности символизируются множеством окружностей, описанных вокруг общего центра, который есть Принцип существования.

В ведической традиции Высшее знание обозначается термином «джняна», который соответствует знанию как аспекту Высшего Тожества. Кроме этого, существует ещё термин «видья» (буквально — видение), который может быть применим к самому процессу познания. Он является определённым аналогом второго корня в названиях современных наук (-логия, от греческого «логос»). Однако, аналогия здесь не полная, так как иерархия традиционного знания и метод самих традиционных наук в большой степени формируют их предметные области. Это разница заметна даже между традиционными науками Востока и Запада. В частности, как говорилось выше, понятие «брахма-видья» не соответствует точно понятию «богословие», поскольку

говорит о Непознаваемом. Тем самым, богословие, являясь наукой вполне традиционной, всё же более «современно», чем ведическое знание. Что уж говорить о различии между традиционными науками Востока и современным западным научным знанием. Если даже кажется, что некая современная наука исследует ту же предметную область, что и одна из традиционных, то это далеко не так. Все современные науки находятся на фиксированном уровне реальности, поэтому их предметные области также фиксированы. Они есть не что иное, как проекции предметных областей соответствующих традиционных наук на данный уровень реальности. Поэтому предметные области некоторых современных наук могут сохранять символическую связь с Традицией, даже если методологии этих наук не являются традиционными ни в малейшей степени. Если же какая-то из современных наук имеет предметную область, не затрагиваемую в традиционном научном знании, то это означает, что исследования в этой области бесполезны с точки зрения духовной реализации.

Метафизика как традиционная наука является высшей в традиционной иерархии научного знания. Её предметная область целиком находится за пределами нашего мира, в области принципов. Если какое-либо состояние не лежит в цепи порождающих принципов для нашего мира, оно не является областью исследования метафизики. Если даже гипотетически представить, что такое познание являлось бы возможным, оно было бы лишено практической ценности, поскольку не связывало бы с высшими состояниями.

Любое знание подразумевает определённое тождество объекта и субъекта. Если для современной науки это стало лишь умозрительным утверждением, то для Традиции, напротив, это основа и цель познания. Полное познание принципов означает, что познавший их отныне находится на уровне реальности этих принципов, выйдя за пределы человеческого состояния. Поэтому, говоря о метафизическом знании, нельзя его обуславливать никакими ограничениями, свойственными нашему миру. Невозможно передать словами метафизическое знание во всей его полноте, нельзя его систематизировать и упорядочить<sup>2</sup>. Вместе с тем, это точное и иерархически структурированное знание, не допускающее гетеродоксии, то есть, указывающее чёткое направление к Принципу Сущего. Рассматривая символические связи, метафизика всегда интерпретирует их как отражения Мировой Оси.

Другие традиционные науки, представляющие собой более частные приложения традиционного научного знания, иерархически подчинены метафизике. Их предметные области никогда не совпадают точно с предметными областями соответствующих современных наук ещё и потому, что традиционные науки, признавая свою иерархическую подчинённость метафизике, тем самым сопричастны высшей реальности.

Любая традиционная наука имеет, прежде всего, символическое значение. Вообще, в традиционной цивилизации любое частное приложение знания, будь то наука или что-то ещё, обладает ценностью ровно в той степени, в какой оно носит символический характер. Это относится, например, к тем законам, которые изучает та или иная наука. Любой частный закон, если рассматривать его горизонтальный аспект, есть отражение связей, составляющих гармонию на некоем уровне реальности. Но у каждого закона, если он истинен с традиционной точки зрения, есть и вертикальный аспект. Этот аспект утверждает единство там, где оно отсутствует в силу принятого на данном уровне способа рассмотрения. Он связывает данное состояние с состоянием более высоким, в котором существование этого единства есть непреложный факт. Поэтому вертикальный аспект любого истинного закона символизируется его горизонтальным аспектом. С этими горизонтальными аспектами законов в основном и имеет дело современная наука. Однако даже такое знание, в силу его символического значения, всё же продолжает хранить отблеск истины.

Если оценивать традиционные науки с точки зрения действия, то можно сказать, что они предназначены для второй и третьей каст дваждырождённых — для кшатриев и вайшьев. Естественно, это не касается самой метафизики, поскольку она не связана с действием и предназначена для брахманов. Традиционная наука как частное приложение кончается там, где кончается действие. Далее идёт метафизика.

Относительно же того, какая наука предназначена для какой из двух каст, не всегда возможно дать однозначный ответ. Есть большое искушение сопоставить все науки, имеющие «созидательное значение», касте вайшьев, обосновав это тем, что «созидание» соответствует их природе. Тогда специфически кшатрийскими остаются только науки, связанные только с деятельностью этой касты, то есть военное искусство<sup>3</sup> и науки об управлении обществом.

Это точка зрения вызвана, к сожалению, в значительной степени непониманием сути традиционных наук. Когда говорят, что та или

иная традиционная наука «созидательна», в действительности переносят на нее признак, который на самом деле характерен не для нее, а для той современной науки, которая является бледной проекцией науки традиционной на современное состояние общества. В действительности любая традиционная наука имеет целью духовную реализацию, а «созидательность» и «полезность» на чувственном плане могут быть, а могут и не быть, лишь вторичными следствиями продвижения по духовному пути. С этой точки зрения все традиционные науки равны. Однако они не равны в другом, а именно в том, что каждая из них оптимально соответствует тому типу людей, для которого предназначена. Отсюда следует, что классификация традиционных наук, если она и необходима, должна строиться на совсем иных принципах, чем современная классификация направлений научного знания. Здесь мы опять вернулись к вопросу о соответствии традиционных наук кастам.

Есть традиционные науки, которые и по духовному пути, и по внешним результатам действия, однозначно соответствуют определённой касте. Таково, например, военное искусство. В кастовом соответствии таких наук практически невозможно ошибиться. Однако, есть и такие, где ошибка возможна. Таков, например, случай алхимии. Относительно неё Рене Генон аргументировано утверждает, что она является «царским искусством». Что же касается возможных «вещественных» результатов этой науки, которые могут представлять интерес скорее для вайшьев, то здесь Генон справедливо замечает, что алхимия не имеет к современной химии никакого отношения. Однако наиболее сложным является случай, когда в рамках одной традиционной науки возможна на разных уровнях духовная реализация разных каст. С традиционной точки зрения, в этом нет ничего необычного. В качестве примера можно привести здесь строительное искусство.

Известно, что в западной традиции одним из основных символов строительного искусства во всей его полноте соответствовало строительство храма Соломона. Какую роль в этом строительстве играли цари, а какую ремесленники, известно. Хотелось бы отметить лишь два момента. Во-первых, факт санкционирования строительства духовными влияниями и непосредственное их присутствие на всем протяжении процесса. Влияния передавались через конкретных людей, и если эти люди и участвовали деятельно в строительстве, это ничуть не означает, что и каста брахманов также была вовлечена в активную деятельность. Эта каста по своему архетипу не действует, а лишь

передаёт духовные влияния, являясь отражением на человеческом плане аристотелевского «неподвижного двигателя».

Второй момент, о котором следует сказать, состоит в следующем. Известно, что для постройки Храма привлекались рабочие из других народов. Это понятно, так как в среде евреев, являвшихся на тот момент ещё кочевым народом, не могло быть никого, кто бы обладал познаниями в строительном деле. Однако таких проблем не существовало на уровне касты кшатриев, и скорее не потому, что цари осуществляли лишь общее руководство. Дело в том, что чем выше каста, тем меньшее значение имеет обусловленность, следствием которой является знание сугубо специальных частных приложений традиционных наук. Поэтому царь мог исполнять свою функцию при строительстве храма, так как его каста позволяла реализоваться духовным влияниям на данном уровне. Тем более, что специфика иудейской традиции на тот момент заключалась, среди прочего, в том, что цари отчасти выполняли функции брахманов.

Следует ещё отметить, что смещение точки зрения в сторону низшей реальности привело к тому, что традиционные науки, изначально предназначенные для двух каст «дваждырождённых», были зафиксированы исключительно на уровне касты вайшьев. Со строительной наукой именно так и произошло. «Царский» аспект оказался почти полностью утрачен, тогда как «ремесленный» активно использовался при строительстве храмов. В дальнейшем он лёг в основу создания масонских организаций, и его остатки ещё видны в тех немногих из них, которые сохранили частицу традиционного духа. Претензии же масонов на то, что они владеют «царским» аспектом строительной науки, безосновательны. Неслучайно масонство получило такой расцвет в эпоху буржуазных революций, которые с полным правом можно рассматривать как установление господства вайшьев. При этом тот факт, что масонами часто становились дворяне и даже представители царствующих династий, не говорит о том, что они искали «царского» искусства, а лишь констатирует, что деградация зашла так далеко, что кшатрии стали поддаваться веяниям времени и делать вещи, противные собственной природе. Впрочем, на тот момент в масонстве часть знания, непосредственно относящаяся к строительному делу, занимала более чем скромное положение. Что же касается метафизического знания, на обладание которым претендуют масоны, то сам способ рассмотрения метафизических истин в этих организациях совершенно исключил какой-либо уровень выше уровня касты вайшьев. Тем не менее,

масонство долгое время сохраняло понимание об истинном предназначении научного знания. Естественно, это понимание сохраняется и в христианстве, если иметь в виду тот специфический тип традиционного знания, которое представляет собой богословие. В какой-то момент это перестало вписываться в концепцию научного знания, возникшую под влиянием современного духа.

Современные науки возникли не сразу, и в процессе этого возникновения ещё сохранялось понимание иерархичности научного знания. Поэтому в западном мире место метафизики заняла философия, которая позиционировалась как «наука наук». На самом деле, философия и богословие являются двумя аспектами единого метафизического знания. Тот метафизический синтез этих наук, который осуществил Аквинский, знаменует собой расцвет западной духовности, её максимум. Однако затем философия и богословие вновь разделились, и каждое из этих направлений так и осталось наследием своей традиции — греческой и иудео-христианской соответственно. Неслучайно даже этимологически философия означает любовь к мудрости, но не саму мудрость.

Сейчас разделение наук часто является искусственным и порой представляет собой не столько деление по предметным областям, сколько по методологиям. Случается, впрочем, что различные методологии остаются в рамках одной науки, будучи представлены разными направлениями. В частности, история как наука сейчас представляет собой во многом фактографическую базу, на основе которой различные исторические школы строят свои теории. Признание истинности той или иной теории в значительной степени зависит от авторитета научной школы. В таких условиях невозможно говорить о безусловной истинности научного знания.

История в традиционном понимании, имея своей основой метафизику, исходит из общих законов, частным выражением которых в нашем мире являются исторические процессы. Среди них важнейшее значение имеют законы цикличности. Согласно им, любой исторический процесс имеет циклический характер, причём каждый малый цикл является на своём уровне отражением большого цикла. Поэтому каждый исторический процесс символизирует собой эпоху, в состав которой входит. Эпоха же, в свою очередь, является символом цикла существования всего мироздания. Каждый из периодов символически соответствует Бытию как таковому.

Отсюда видно, что история как традиционная наука рассматривает ту часть цепи символических соответствий, которая лежит в пределах

нашего мира, тогда как верхняя часть этой цепи находится в области метафизики<sup>4</sup>. Это справедливо не только для истории, но и для любой традиционной науки. Отличительной особенностью истории является то, что из всех обусловленностей человеческого существования она особое внимание уделяет времени. Из этого совершенно не следует, что история должна заниматься исключительно событиями прошлого. Законы хода исторических процессов, являясь частным случаем вселенских законов, могут быть применены к настоящему. Поэтому традиционная история органично включает в себя такие области, как, например, социология, неправомерно выделенные в дальнейшем в отдельные науки.

Тот факт, что история как традиционная наука изучает именно символические соответствия в своей области, в основном формирует её методологию. Именно понятие символического значения становится основным, а не «истина факта», которая одна только и ценится в позитивистской науке. Характерным примером является спор между историками и богословами о достоверности евангельских событий. На самом деле, подобные споры являются достаточно бессмысленным занятием, так как эти две точки зрения принадлежат разным уровням реальности. Для христиан, как для людей, принадлежащей данной традиционной форме, символическое значение соответствующих событий обладает высшей реальностью по сравнению с «истиной исторического факта». Что же касается представителей современной науки, то для них историческая достоверность стоит на первом месте, а символическое значение понимается как результат субъективного восприятия современников. В результате эта точка зрения игнорирует символику в плоскости собственно исторической науки. В лучшем случае, вопросы символики отводят на рассмотрение религиозоведческих дисциплин, которые с точки зрения многих историков имеют подчинённое значение. Это подчинённость есть результат того, как современная историческая наука строит причинно-следственную цепочку: исторический факт — субъективное восприятие современников — символическое описание.

Тем самым, вопреки «феноменологической» точки зрения, даже в современной науке налицо присутствие определённой иерархии научного знания. Понятно, что иерархия эта противоположна иерархии знания в традиционных науках, то есть является как бы её инверсией. Однако, само существование этой «контр-иерархии» заставляет думать, что, вопреки позитивизму и феноменологизму, иерархичность

есть естественное свойство любого научного знания. В действительности, для Традиции иерархично любое знание, а не только научное.

Неслучайно, что подобные историко-богословские споры практически не ведутся на Востоке. Там ещё сохранилось понимание иерархичности знания, и поэтому тот, кто отстаивает методологию позитивистской науки в ущерб традиционной, рискует прослыть профаном. У тех же, кто понимает истинную значимость символических соответствий, нет никакого желания участвовать в таких спорах.

Конечно, если возникает дискуссия между религией и современной наукой, то такая дискуссия ведётся всегда на территории науки. Соответственно, религия всегда может отойти на свою территорию, куда не проникают дискуссии, и где ничто не может затронуть сущности традиции. Однако не лучше ли не вести никаких подобных дискуссий, чтобы у людей, незнакомых с сущностью религии, не осталось ощущения её несостоятельности?

Знание о символических соответствиях является ключом к познанию и методом для любой традиционной науки. В этих науках не существует привычного понятия научной теории, так как здесь само понятие истинности имеет традиционный смысл. Любое знание истинно, если в качестве частного приложения и на своём уровне оно соответствует Высшему знанию. Традиционное научное знание по своей природе является ортодоксальным.

Характерным является случай математики. Среди современных наук она, строго говоря, наукой не является. Достаточно взглянуть на её предметную область, чтобы это признать. Она стала неким инструментом, востребованным по мере необходимости в различных научных направлениях<sup>5</sup>. Между тем, это подлинно традиционная наука. Она является наукой о числах, которая неотделима от науки о буквах. Известно, что во многих традиционных языках имеется соответствие между буквами и их числовыми значениями. Поскольку в традиционных языках истинное имя вещи символически соответствует самой её сущности, то знание числовых значений имён означает знание о мироздании. Поэтому наука о числах так детально разработана, в частности, в Каббале. Каббала особо акцентирует тот момент, что знающий числа может быть сопричастен к управлению Вселенной. Характерно, что след понимания математики как традиционной науки сохранился в арабском названии «алгебра», происходящем от «Аль Джебраил»<sup>6</sup>. В христианской традиции это архангел Гавриил, одна из функций которого состоит в том, что он является «стражем Рая». С этой точки

зрения Рай как истинное человеческое состояние как раз и соответствует знанию имён и чисел<sup>7</sup>.

Особо стоит остановиться на случае психологии. В традиционных науках нет точного аналога этому направлению. Традиционная антропология, являющаяся интегральной наукой, практически не рассматривает отдельно психологические аспекты. Чтобы понять причину этого, достаточно взглянуть на психологию с традиционной точки зрения. При этом будем рассматривать психологию как науку практическикую, каковыми являются все традиционные науки.

Психология, как и все современные науки, изучает феномены на жёстко фиксированном уровне реальности, не имея возможности подняться над этим уровнем, и даже не указывая пути к такому подъёму. Для традиционного сознания это неприемлемо, поэтому такие науки не являются знанием в традиционном смысле. Более того, в Традиции они понимаются как лженауки<sup>8</sup>. Но если технические дисциплины при этом всё же обладают некоторой полезностью, то подход современной психологии для Традиции абсолютно неприемлем.

Человек, являясь образом Вселенной, сопричастен множеству уровней реальности. Любая дуальность и любое противоречие, являясь таковыми на своём уровне реальности, разрешаются на более высоких уровнях, где предстают единством. Этот закон, применённый для человеческого существа, означает, что возникновение любого противоречия призвано способствовать духовной реализации. Если человек поднялся на ступень выше, то противоречия, казавшиеся неразрешимыми, исчезают. Сам факт появления и осознания таких противоречий означает, что человек готов сделать шаг вверх. Если же предлагать различные решения на том же уровне реальности, то это не приводит к разрешению, а создаёт ещё одну иллюзию.

Главная ошибка психологии состоит в том, что она абсолютизирует свой уровень реальности, имея объектом своего исследования человеческое существо, для которого этот уровень — один из многих, и отнюдь не высший. Фиксируя человека на уровне психосхемы, психология не в состоянии дать человеку никакого понятия о тех уровнях, где противоречия даже не разрешаются, а просто не существуют.

Понятно, почему именно в наш век психология выделилась в мощное научное направление и стала особенно востребованной. Сейчас жизнь большинства людей проходит на уровне психосхем, без каких-либо осознанных духовных стремлений. Но здесь не однонаправленная причинно-следственная связь. Культивирование подобных научных

направлений также усугубляет ситуацию, внося разрушительные изменения в структуру мира. Здесь можно снова задуматься о миссии «эсхатологического авангарда», о котором говорилось выше.

Коль скоро мы упомянули о традиционной антропологии, то стоит заметить, что для этой науки тождество объекта и субъекта задаёт сама предметная область, пусть даже это тождество на начальном этапе лишь декларируется. То есть, человек является одновременно и объектом, и субъектом познания. Поэтому методология этой науки основана на внутреннем самопознании. Современная позитивистская наука фактически отказывает этому виду знания в праве называться знанием научным. Основная претензия при этом именно методологического свойства и состоит в обвинении в субъективности восприятия. То есть, получение знания путём внутреннего самопознания объявляется методологически неприемлемым. В этом плане показательны труды индугов (Вивекананда, Рамаянда, и др.), которые, придерживаясь ведической традиции, отлично знают также и научную школу Запада. Они неоднократно демонстрируют, что, идя одним и тем же путём и используя одинаковую методику, мы получаем одно и то же знание. Не имеет значения, что речь идёт не о физических опытах, а о внутреннем созерцании. Более того, это же знание возможно получить, идя по другому пути. Тем самым, нет оснований ставить под сомнение объективность такого познания. Тот факт, что это всё же делается, заставляет думать, что современная наука стремится закрепить область внутреннего самопознания за психологией, которая рассматривает феномены через призму своих теорий, не ставящих вопроса об истинности.

Не так давно в ходу было понятие «естественные науки», которое сейчас редко используется ввиду появления большого количества синкретичных научных направлений<sup>9</sup>. В связи с этим можно отметить, что предметная область естественных наук лежит в сфере традиционного знания, так как каждая естественная наука изучает свой аспект мироздания, который может быть символически сопоставлен с Высшим Принципом. Поэтому каждая естественная наука в своей основе является традиционной. Другое дело, что Традиция не настаивает на такой степени детализации, какое мы видим в разделении естественнонаучных дисциплин. Например, физика ранее точно соответствовала своему этимологическому значению, то есть являлась наукой о природе<sup>10</sup>. То есть, она изучала явления этого мира, в противоположность метафизике, изучающей феномены за гранью этого мира. Тем самым, она

охватывала практически всю область современного научного знания. Кажется странным, что всё знание о мире ограничивалось рамками одной науки. На самом деле, в традиционном обществе значение физики было ещё меньшим, чем сейчас, когда рамки её предметной области так сузились. В частности, богословие, хоть и являлось частным приложением метафизики, всё же имело гораздо большее значение, чем физика. Это было обусловлено тем, что уровень реальности предметной области богословия был выше уровня реальности физических феноменов. Всё это в целом иерархизировало традиционное научное знание. Если же рассматривать общий вектор традиционного научного знания, то он был направлен за пределы этого мира<sup>11</sup>.

Кроме того, методом физики было и остаётся чувственное, а не умозрительное познание. К чувственной реальности относятся, в частности, объекты изучения физики микромира и астрономии. Понятно, что сами предметные области этих наук таковы, что они выходят за рамки чувственного восприятия. Но современная наука настаивает на том, что всё научное знание лежит на одном уровне реальности, поэтому объекты изучения этих наук принадлежат, безусловно, к чувственному познанию. То же самое относится и ко всей теоретической физике.

Современные естественные науки имеют сходные предметные области с традиционными науками, но на этом их общность заканчивается. Научная концепция есть то, что делает науку наукой, а не просто фактографическим материалом. В Традиции это концепция иерархии знания, в том числе и научного. В современной науке это место занимают научные теории, не обладающие ни в коей степени, за редчайшим исключением, традиционным характером<sup>12</sup>. Особое место и значение среди них занимает теория эволюции.

В современном сознании теория эволюции и идея прогресса тесно связаны между собой и давно уже распространились далеко за рамки сугубо научных знаний. Собственно, и под тем, и под другим подразумевается ход развития от более простых систем к более сложным. Прежде, чем говорить об истинности этих теорий, следует рассмотреть понятие системы.

Само это понятие является понятием сугубо современным. Оно подразумевает набор элементов и связей между ними. Наличие же отношений иерархической соподчинённости может являться неким дополнительным признаком, но не является признаком определяющим. Если такие отношения и имеют место, они никогда не рассматривают-

ся как символически соответствующие иерархии уровней реальности, поскольку отсутствует само понятие об этих уровнях. Поэтому подход, основанный на системном анализе, можно интерпретировать как рассмотрение «горизонтальных» связей. По крайней мере, таковым он является с традиционной точки зрения.

В противовес системному подходу, традиционные науки рассматривают иерархическую соподчинённость как всеобщий закон. Причём можно сказать, что для каждого уровня реальности высший по отношению к нему уровень является принципом, сообщающим ему собственно бытие. И так, начиная с Источника бытия, каждый уровень реальности сообщает бытие всем лежащим под ним уровням. Конечно, традиционные науки не отрицают «горизонтальных» связей, но отводят им роль вторичную и ни в коей мере не определяющую.

Характерными примерами разницы в подходах этих двух типов научного знания является знание о человеке и о мире. Традиционная антропология рассматривает человека как «образ и подобие Бога», тогда как в современной науке превалирует системный подход<sup>13</sup>. Аналогично обстоит дело и в области космологии. Особое значение в этих областях имеют законы цикличности, знание о которых присутствует во всех традиционных формах<sup>14</sup>. Применительно к микрокосму это означает переход человека в другое состояние, которое уже не будет являться человеческим. Что же касается макрокосма, то на этом стоит остановиться более подробно.

Согласно ведической традиции, выдох Браммы является разворачиванием универсальной проявленности, тогда как вдох Браммы — сворачивание проявленности и возврат к изначальному источнику. Обе эти фазы образуют Большой цикл (Кальпу), который ведическая традиция символически сопоставляет с определённым временным периодом<sup>15</sup>. При этом не только меньшие циклы, но и вообще все циклы символически соответствуют Большому циклу. Тем самым, возврат к своему источнику, восстановление утраченного единства, есть всеобщее стремление всего Сущего во всех состояниях проявленности. Речь идёт, разумеется, только о состояниях Сущего, поскольку в Высшем состоянии, к которому стремится всё Сущее, нет ни Сущего, ни Нечего, ни вообще какого бы то ни было разделения, а есть лишь один Атман, единый и неделимый, вечный и неизменный.

Нельзя, однако, думать, что Большой цикл — это некая временная последовательность событий. В данном случае циклическая времен-

ная символика олицетворяет иерархию состояний, так как в пределах этого мира понятие «ход цикла» соответствует временной последовательности. Закон цикличности является законом всеобщим, тогда как временная обусловленность есть лишь свойство этого мира. Поэтому можно сказать, что временная последовательность — это просто способ рассмотрения. Разворачивание универсальной проявленности порождает бесконечность миров, каждый из которых связан своими условиями существования. Время и пространство — условия существования нашего мира, поэтому говорить о времени вне данного мира некорректно, так как вне его пределов время как обуславливающий фактор не существует. Поэтому, с точки зрения нашего состояния, вся цепочка порождающих принципов, протянувшаяся от нашего мира к Атману, целиком лежит в Вечном Настоящем. Тем самым, мы тем более становимся на точку зрения одновременности, и менее — временной последовательности, чем сильнее наша точка зрения «одухотворена», так как Дух не связан никакими условиями существования, и, в частности, временем, свойственным нашему миру.

Вне пределов этого мира можно говорить лишь об иерархии состояний, но ни в коем случае ни о временной последовательности, ни даже о причинно-следственных связях<sup>16</sup>. В то же время, человеческое существо, в частности, может, если пожелает, быть связано абсолютно с любым состоянием, согласно закону символических соответствий. И связь эта, даже не реализованная в полной мере<sup>17</sup>, тем не менее играет свою позитивную роль, так как предоставляет возможность и помогает пройти всю цепочку восходящих состояний<sup>18</sup> вплоть до того, с которым установлена символическая связь. На этом основано большинство духовных практик разных традиций.

Если же мы рассматриваем Большой цикл лишь с точки зрения нашего мира, то здесь говорить о временной последовательности вполне корректно. При этом все малые циклы, входящие в состав кальпы, представляют собой разворачивание отдельных модальностей состояния, каковым является наш мир. Поскольку это разные модальности, то напрашивается вывод, что соответствующие им малые циклы между собой никак не должны быть связаны.

Если мы классифицируем малые циклы по типу, то их можно разделить на человеческие и нечеловеческие. Поскольку мы говорим о специфических модальностях нашего мира, то в данном узком смысле понятие «нечеловеческий» будем полагать тождественным понятию «природный». Отчётливо видно, что человеческими циклами

являются манавантара (существование человеческой цивилизации), историческая эпоха, а также жизнь отдельно взятого человека. В свою очередь, природными циклами являются годовой, суточный, и т.д.

Мы ранее говорили, что два состояния, ни одно из которых не является принципом для другого, не имеют между собой никакой общей меры, поэтому они несопоставимы. Но это так лишь с точки зрения самих этих состояний. Если же подняться на уровень реальности, который является для этих состояний принципом, то там общая мера, безусловно, существует, и ею является то, что в каждом из миров символически отражается принцип. Аналогично дело обстоит и в случае, если мы рассматриваем различные модальности одного состояния. Принципом всех модальностей, их интегральной совокупностью, является центр мира, то есть прямая проекция Высшего Принципа на данное состояние. Так же и сам центр мира проецируется на каждую модальность. Поэтому, согласно закону соответствия, мы можем говорить о центрах модальностей, точно так же, как мы говорим о центре мира.

Практическим значением центров модальностей является то, что только в них знание о связи модальностей между собою становится принципиально доступным. Конечно, это не полное знание о единстве мира, а лишь его отголоски, в той же степени, в какой центр модальности есть отражение центра мира. Тем не менее, находясь на данной точке зрения и рассматривая наш мир, мы уже не можем сказать, что его модальности несопоставимы. Напротив, каждая модальность есть на своём уровне отражение принципа, а все вместе они создают мировую гармонию. Можно сказать, что мировая гармония есть аспект принципа существования мира, символически выраженный через горизонтальные связи.

Тем самым, возвращаясь к циклам, можно сказать, что мировая гармония — это знание о связи циклов между собою, общая мера для всех модальностей мира. С этой точки зрения можно понять, например, почему окончание цикла какой-либо цивилизации сопровождается природными катаклизмами. С другой стороны, окончания исторических эпох часто несут в себе образ того, что принято называть концом света. В свою очередь, зарождение новой эпохи и реставрация Традиции соответствует генезису.

Следует ещё отметить, что на самом деле деление циклов на человеческие и природные является условным. Если мы, как говорили выше, рассматриваем человека в высшем смысле, то, согласно тради-

ционной антропологии, все циклы и все модальности нашего мира являются человеческими. Разница заключается лишь в осознании. Можно сказать, что «человеческим» является такой цикл, который осознан на микрокосмическом плане. Соответственно, природный цикл осознаётся на плане макрокосмическом. Если же подняться выше этой обусловленности, то деление становится иллюзорным.

При рассмотрении хода цикла с точки зрения нашего состояния мы видим его как временную последовательность. Если же смотреть с точки зрения более общей, а, стало быть, и более высокой, то каждый момент хода цикла существует «здесь и сейчас», поскольку мы выходим за рамки временной обусловленности. При этом каждая точка зрения однозначно соответствует состоянию существования. С самой высшей точки зрения существует лишь Атман, а всё остальное иллюзорно, даже универсальная проявленность. Она обретает действительное существование только при переходе на более низкую точку зрения. Каждый шаг в её разворачивании есть переход на более низкий уровень, в направлении удаления от Высшей Реальности<sup>19</sup>. Это же нисходящее направление соответствует движению от единства к множественности<sup>20</sup>.

Поскольку Большой цикл символически отражается во всех малых циклах, то этот процесс постепенного удаления от Принципа можно проследить во всём, и в частности, в ходе развития цивилизации. Применительно к научному познанию это выглядит как дрейф точки зрения в направлении низших уровней реальности<sup>21</sup>. То есть, для субъекта, изменяющего таким образом точку зрения, знание о предыдущем состоянии утрачивается и замещается другим знанием более низкого уровня. Само же предыдущее состояние никуда не исчезает, хотя бы в силу того, что оно продолжает являться принципом существования для того состояния, в котором отныне субъект пребывает. Оно лишь становится скрытым<sup>22</sup>. Субъектом в данном случае является общество в целом, а научное познание лишь отражает состояние этого общества.

Теперь, дабы не осталось терминологических несоответствий, следует рассмотреть понятие развития. В традиционных науках под развитием понимается развёртывание изначально заложенных возможностей<sup>23</sup>. Это означает, что любая возможность реализации в рамках данного состояния существует на более высоком уровне реальности, который является для данного состояния принципом. Но это не значит, что эта возможность, будучи пока не реализованной, отделена от

данного состояния, то есть абсолютно трансцендентна по отношению к нему. Напротив, она как бы растворена на этом уровне реальности, существуя виртуально. Это возможно, поскольку все элементы, необходимые для данной реализации, присутствуют на этом уровне. Здесь они разделены, тогда как на более высоком уровне они составляют единство. Поэтому результат любого развития не есть появление чего-то нового, это лишь реализация тех возможностей, которые существовали всегда в реальности более высокого уровня. Можно сказать, что все реализации, осуществлённые на определённом уровне, в конечном счёте и конституируют этот уровень как данность<sup>24</sup>. Если же знание о принципах отсутствует, то говорить о виртуальном существовании возможностей реализации нет никакого смысла, так как с этой точки зрения им просто негде существовать.

Именно так это и выглядит в современной науке. Приходится констатировать, что здесь имеет место тот дрейф точки зрения, о котором говорилось выше. Ошибочно было бы думать, что позиция современной науки раз и навсегда зафиксирована в соответствии с определённым уровнем реальности. Так же, как осознать изменение скорости хода времени невозможно, находясь в его потоке<sup>25</sup>, так и невозможно отследить изменение точки зрения, имеющее причиной действие циклических законов в нашем мире. Беда в том, что эта точка зрения абсолютизируется, признаётся единственно существующей. В сочетании с устойчивым дрейфом в сторону области нижних состояний, дальнейшие перспективы как научного знания, так и всей современной цивилизации, выглядят особенно удручающими<sup>26</sup>.

Когда мы спускаемся на более низкий уровень реальности, то там то, что было ранее единым целым, предстаёт множественностью. Причём, поскольку ещё есть отголоски знания об изначальном единстве, это не просто множественность, а множественность взаимосвязанных элементов. Возникает видение системы, и система эта тем сложнее, чем ниже уровень рассмотрения. Это в точности соответствует определению развития как перехода от более простых систем к более сложным<sup>27</sup>.

Поскольку дрейф точки зрения не осознаётся, а сама точка зрения абсолютизируется, то такое усложнение систем воспринимается как естественный ход событий. Абсолютизация точки зрения<sup>28</sup> означает забвение знания о принципах, то есть, отсутствие иерархизированности знания. Поэтому возникновение сложных систем мыслится

как появление нового, ранее не существовавшего, а не как раскрытие того, что всегда существовало в высшей реальности.

Эта позиция стала основой современных научных знаний и имеет гносеологическое и онтологическое выражение. Гносеологическое выражение, то есть рассмотрение с точки зрения теории познания, заключается в том, что усложнению системы соответствует увеличение суммы накопленных знаний. В этом заключается идея прогресса, давно уже вышедшая за рамки сугубо научных представлений. Результаты такого накопления обладают некоторой полезностью, которая, впрочем, не всегда неоспорима с духовной точки зрения. Если же говорить о чистом научном знании, то здесь налицо методологический парадокс. Если исследовать объект как систему, увеличивая степень детализации, то каждый элемент системы распадается на более мелкие элементы. Увеличивается количество элементов и связей, сама система становится сложнее. В результате применения этой методологии в поле зрения попадают отдельные мелкие элементы системы, но при этом практически невозможно изучать общие законы, ради постижения которых и были предприняты исследования. Точка зрения смещается на более низкий уровень реальности, и системная методология становится ловушкой, из которой уже не выбраться. В такое положение попали многие современные науки. Впрочем, при отсутствии иерархизированности знания избежать этого было практически невозможно<sup>29</sup>.

Та же самая позиция, но в своём онтологическом выражении, то есть с точки зрения строения мироздания, легла в основу эволюционистских теорий. Здесь также возник определённый парадокс. Если отсутствует знание о принципах, то вопрос о движущих силах эволюции становится неразрешимым. В том, что является принципом существования мира, заложены не только все возможные реализации для этого мира, но и направление хода развития. Это направление задано разворачиванием универсальной проявленности в рамках условий существования мира<sup>30</sup>. Поэтому эволюционистские теории, пользующиеся современной методологией, в лучшем случае могут исследовать лишь проекцию этого направления на наш уровень реальности. Но для того, чтобы эти исследования хотя бы отчасти соответствовали истине, нужно быть хоть в некоторой степени метафизически компетентными.

Практика показывает, что даже этого не происходит. Идея непрерывного развития настолько укоренилась в умах, что даже не задум-

мываются, почему последовательность появления чего-то нового, более сложного<sup>31</sup> не может ни прерваться, ни свернуть с определённого направления. Нет и не может быть понимания, что и направление, и любое «новое» всегда существуют в Вечном Настоящем.

Есть три области, где можно говорить о развитии: космос, биосфера и социум. Современная наука просто вынуждена рассматривать их отдельно друг от друга, поскольку наиболее общие законы, описывающие любое развитие, лежат вне её плоскости<sup>32</sup>.

Если говорить о космологии, то понятие космоса в значительной мере подверглось инверсии. В традиции космос противопоставляется хаосу и понимается как всеобщий порядок мироздания. Именно эта упорядоченность позволяет говорить о соответствии макрокосма и микрокосма<sup>33</sup>.

Современная наука, упразднив понятие хаоса, внесла элемент хаотичности в понятие космоса, понимая его теперь как некий случайным образом существующий и развивающийся конгломерат «физической материи»<sup>34</sup>. При таком понимании факт, что наш мир подчинён физическим законам, лишь задаёт рамки, внутри которых генезис и динамика происходят случайным образом. Естественно, в этом случае разговор о соответствии микрокосма макрокосму лишён всякого смысла. Однако, даже в рамках современной науки существуют концепции и утверждения, на основании которых можно усомниться в «случайности» возникновения и развития Вселенной. Таковым является, например, антропный принцип<sup>35</sup>.

Характерно, что современная наука не так часто говорит об эволюции вселенной, стараясь применять к ней термин «развитие». Дело в том, что сейчас принято понимать эволюцию как возникновение признаков, ранее не существовавших, в результате чего возникает что-то принципиально новое. Развитие же понимается как реализация изначально заданных возможностей, и уже из-за одного этого такая реализация не может претендовать на абсолютную новизну и уникальность. Но, как было сказано выше, любая реализация виртуально существует на уровне принципов. Следовательно, для традиционной науки понятия «эволюция» и «развитие» должны быть тождественны. И действительно, латинское слово «*evolutio*» этимологически означает «разворачивание», «развертывание». Причём для обозначения противоположной тенденции используется термин «*involutio*» («инволюция»). Эти две тенденции, находясь в совершенном равновесии, соответствуют выдоху и вдоху Браммы. Налицо нарушение этого равно-

весия в современной науке, где термин «инволюция» имеет узкоспециализированное значение, тогда как об эволюции говорят повсеместно<sup>36</sup>.

Понятно, что если придерживаться современного понимания эволюции, то надо обладать большой смелостью, чтобы в рамках современной науки говорить об эволюции Вселенной. В таком пространственно-временном масштабе сложно говорить о появлении чего-то принципиально нового, ввиду невозможности получения фактографического материала. Однако эта трудность как бы исчезает, когда ограничиваются рассмотрением биосферы. Известно, что теория эволюции возникла именно здесь, распространившись впоследствии на другие области.

Имевшиеся предпосылки возникновения теории эволюции применительно к биосфере достаточно очевидны. Прежде всего, это, разумеется, отказ от традиционного понимания и отсутствие знания о принципах. Неизбежно возникла концепция, что эволюция движется сама собой, то есть существует некий всеобщий закон эволюции. При этом существующее многообразие видов животных и растений было интерпретировано как иллюстрирующее эволюционную цепь.

Понятно, почему такая интерпретация некорректна. Если человек эволюционировал на протяжении всей своей истории, то это также относится и ко всем остальным живым организмам. Поэтому существующее многообразие видов никак не может точно соответствовать эволюционной цепи. Чтобы как-то разрешить это противоречие, возникла теория эволюционных скачков, отчасти подкреплённая открытиями в области археологии и палеонтологии<sup>37</sup>.

Сейчас из всего множества критиков теории эволюции вряд ли найдутся такие, кто бы не упомянул, что эволюционизм противоречит одному из фундаментальных законов современной физики — второму закону термодинамики<sup>38</sup>. Он, казалось бы, отрицает закон перехода количества в качество, который является основанием теории эволюционных скачков. На самом же деле налицо неправомерное применение этих законов. Второй закон термодинамики является «горизонтальным» законом, то есть лежит в плоскости одного уровня реальности. Действительно, в этой плоскости невозможен переход от множественности к единству, или, говоря языком современной науки, невозможно появление самоорганизующихся систем. Что же касается перехода количества в качество, то в рамках одного уровня реаль-

ности этот переход не может быть осуществлён. Количество ни при каких условиях не переходит в качество иначе, как при переходе от множественности к единству, то есть при переходе на другой уровень реальности. Поэтому закон перехода количества в качество является законом строго вертикальным.

Таким образом, говорить об эволюции в рамках фиксированного уровня реальности означает подвергаться серьёзному заблуждению. Или же мы говорим о духовной эволюции, которая соответствует духовному восхождению. К сожалению, термин «духовная эволюция» сейчас сильно дискредитирован. Многие неоззотерические течения смешивают элементы традиционного знания с эволюционизмом, чтобы придать своим концепциям «научность» и «серьёзность». В результате возникает совершенно ошибочное представление о непрерывном духовном прогрессе человечества, хотя на самом деле существование человеческой цивилизации описывается циклическими законами.

Вряд ли найдется сфера, в которую эволюционизм привнес бы больше заблуждений, чем в область знания о законах развития общества. Здесь принято использовать понятие «прогресс», которое в современной социологии стало тождественным понятию «эволюция». Первоначально термин «прогресс» (лат. «Progressus») обозначал успешное движение вперёд. Очевидно, что в этом значении он неприменим для всей истории человеческой цивилизации, поскольку такое значение подразумевает наличие и неизменность объективной цели. Сейчас принято считать, что такой целью являются идеалы гуманизма. Но не надо забывать, что всего несколько веков назад ни об идеалах гуманизма, ни о самом гуманизме не имелось никакого понятия. Традиционные ценности, напротив, всегда были основой общества. Исключение составила лишь современная эпоха, для которой философия гуманизма стала официальной идеологией, а для традиционных ценностей не осталось места. Полагать же, что идеалы гуманизма всегда были неосознанной целью человечества, и были осознаны лишь в последние века (ничтожный период по сравнению со всей человеческой историей) означает впасть в достаточно наивный хроноцентризм.

Те самым будем понимать прогресс как усложнение социальной структуры общества и увеличение культурного многообразия за счёт развития перспективных с точки зрения современного сознания тенденций. Здесь тот же уход от единства к множественности имеет свою специфику. В определённый момент человеческой истории возникла устойчивая иллюзия, будто бы прогресс является компенсирующей

тенденцией при разрыве «вертикальных» связей, которые на тот момент ещё осознавались. В результате сместился общий вектор приложения умственных усилий. Можно сказать, что место мыслей о вечном заняли мысли о временном и преходящем. Общество, которое подверглось этой интеллектуальной деформации, неминуемо перестаёт быть единством как отражением Вселенной и становится собранием индивидов. Понятно, что для такого общества естественны и усложнение структуры, и культурное многообразие. Однако, и то, и другое лишено какой-либо духовной ценности, поскольку соответствует переходу к более низким уровням реальности. Причём, чем ниже уровень, тем менее осознаётся факт нисхождения.

В завершении темы об эволюции и прогрессе хотелось бы отметить, что в утверждении этих концепций сыграл свою роль «кшатрийский» характер, присущий западной цивилизации по мнению многих индийских мыслителей. Если весь смысл существования видится в действии и движении, невозможно подняться на уровень принципов, где царит вечность и неподвижность.

Ведическое учение о четырёх веках рассматривает Вселенную с духовной точки зрения, то есть Кали-юга, период нынешнего существования человечества, определяется как период наибольшей удалённости от своего источника, и, соответственно, наименьших духовных влияний. Можно сказать, что в этот период рвутся «вертикальные» связи. А поскольку именно эти связи сообщают всем уровням реальности действенное бытие, то уровень человеческого существования становится всё более иллюзорным. В то же время развитие «горизонтальных» связей создаёт иллюзию постоянной позитивной тенденции, и большинство людей даже не представляют, что именно утрачивается.

В начале двадцатого века достаточно популярна была идея о соединении научного знания той эпохи со знанием традиционным, причём на Западе под традицией понималась исключительно религия. Тогда ещё наука не так далеко отошла от своих традиционных основ. Кроме того, было достаточно много людей, не разорвавших связь с Традицией и при этом занимавшихся научной деятельностью. Сейчас, по прошествии ста лет, мы видим, насколько иллюзорны были эти надежды. Разрыв между наукой и Традицией увеличился настолько, что практически исключены какие-либо точки соприкосновения. Более того, современной наукой создана масса инструментов, явившихся оружием против Традиции. Чего стоит один только религиозоведческий подход, в рамках

которого пытаются изучать духовные феномены без всякого понятия о Духе. С точки же зрения истинного Духа всё это является чистой иллюзией. Но сейчас уровень реальности, на котором находится человечество, таков, что эта иллюзия получила право на некоторое действительное существование. Однако, согласно законам цикличности, всё рано или поздно возвратится к своему источнику. И человечество уже не будет смотреть через тусклое стекло иллюзий, а столкнётся лицом к лицу с истиной.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Не только начало, но и конец, поскольку любой принцип является для того, что он порождает, одновременно источником и завершением, «альфой и омегой».

<sup>2</sup> Такой подход разительно контрастирует с тем, что принято в современной науке, где «систематизированность» давно стала одним из условий научности.

<sup>3</sup> Чтобы понять, чем в действительности является военное искусство как традиционная наука, достаточно вспомнить Бхагават-Гиту.

<sup>4</sup> Эта верхняя часть цепи выглядит так: оформленная проявленность символизирует собой неоформленную, которая в свою очередь является символом чистого Бытия (См. Рене Генон, «Человек и его осуществление согласно Веданте», гл.2).

<sup>5</sup> Одним из примеров является булева алгебра. Возникнув в середине 19 века, она математически интерпретировала законы логики. Это направление вряд ли получило бы серьёзное развитие, оставшись чистой теорией, если бы веком позже не появились компьютеры, для которых этот математический аппарат идеально подходил.

<sup>6</sup> В традиционной цивилизации имена отражают саму сущность, поэтому названия традиционных наук не случайны, а несут в себе идею иерархичности знания. При этом первая часть названия обозначает Высший Принцип, являющийся источником всякого знания. Так обстоит дело с названиями «алгебра» и «алхимия», в которых приставка «ал» («аль») указывает на их арабское происхождение. То же относится и к названию «метафизика». На этом же основании историю, понимаемую как традиционную науку, называют иногда метаисторией.

<sup>7</sup> Поэтому Адам мог давать всем имена (Бытие, 2, 20).

<sup>8</sup> Это понятие — одно из многих, подвергшихся инверсии. Поэтому сейчас под лженауками понимаются науки, сохранившие остатки традиционных знаний. Таков же случай понятий «просвещение» и «мракобесие». В христианской традиции слово «просвещение» понимается как «просвещение духом Христовым».

<sup>9</sup> Появление синкретичных наук обусловлено тем, что современным наукам приходится иметь дело с феноменами, выходящими за рамки их предметных областей. В традиционных науках это решается просто — достаточно рассмотреть феномен на более высоком уровне реальности, применив соответствующую методологию. Для современного научного знания этот путь закрыт. Поэтому идёт расширение «по горизонтали», и возникают синкретичные науки, поглощающие «пограничные» области знания, а иногда и смежные научные направления. Такой синкретичной наукой является, в частности, культурология.

<sup>10</sup> Характерным примером является книга «Физиолог», греческий оригинал которой датируется интервалом II-IV вв. В ней описываются свойства различных животных и минералов, и затем эти свойства символически ставятся в соответствие с божественными атрибутами и ступенями духовной реализации. Очевидно, насколько далеко такое понимание физиологии и физики отстоит от современного.

<sup>11</sup> Нам приходится говорить здесь в прошедшем времени, поскольку речь идёт о науках, утративших традиционный характер. Вообще же, всё, что сопричастно Традиции, не принадлежит только прошлому или настоящему, но является надвременным.

<sup>12</sup> Мы здесь не имеем в виду такие науки, как богословие, которые являются, безусловно, традиционными. Однако они, очевидно, выпадают из современной системы научного знания. Большинство учёных не считают их науками, хотя они имеют больше оснований так называться, чем современные науки.

<sup>13</sup> Не следует думать, что если, оставаясь в сфере анатомии, объявить пень подчинённой мозгу, то мы введем тем самым иерархичность. Современная наука этого не делает, что совершенно правомерно. В пределах одного уровня реальности нет безусловной иерархии. Однако, может существовать иерархия условная, так как всеобщий закон иерархии может иметь на любом уровне реальности своё символическое отражение.

<sup>14</sup> Знание циклических законов, равно как и другие аспекты традиционного знания, для каждой традиционной формы имеет свой вид. Это вызвано адаптацией этой формы к конкретным этноисторическим условиям. Даже если знание о больших и малых циклах в явном виде отсутствует, то само понятие о циклической обусловленности мироздания имеется обязательно.

<sup>15</sup> По некоторым подсчётам, каждый такой цикл длится около 144 млрд лет.

<sup>16</sup> Кроме, разумеется, тех связей иерархического порядка, когда некое состояние является принципом существования спектра состояний более низкого уровня реальности.

<sup>17</sup> Если связь реализуется в полной мере, то это есть абсолютное тождество, уже не требующее символики в качестве связующего инструмента.

<sup>18</sup> Конечно, никакое состояние никогда не может являться целью, а лишь средством для достижения Высшего Тождества.

<sup>19</sup> Необходимо отметить, что это лишь один из аспектов хода цикла. Более общая концепция говорит о том, что в ходе любого цикла существуют восходя-

щая и нисходящая тенденции, которые находятся между собой в совершенном равновесии.

<sup>20</sup> См. работу Р. Генона «Царство количества и знамения времени».

<sup>21</sup> Здесь и далее в этой главе речь идёт не о состояниях как о различных мирах, а лишь о различных модальностях одного состояния, то есть об уровнях реальности внутри нашего мира. Как любой мир является отражением всей бесконечности миров, так и каждая модальность, принадлежащая нашему миру, является отражением самого мира.

<sup>22</sup> Применительно к знанию, это означает то, что в разной форме упоминается во многих традициях. Нет «духовных тайн», есть лишь непонимание или невозможность понимания. Сейчас всё меньше становится людей, которые способны понять метафизические истины в их чистом виде, и вынуждены в лучшем случае довольствоваться их частными приложениями.

<sup>23</sup> Собственно, реализация возможностей в глобальном смысле есть не что иное, как разворачивание универсальной проявленности.

<sup>24</sup> В 90-х годах прошлого века появилась книга Б. Моносова «Бешеная скачка на бледном коне». Ни в коей степени не являясь серьёзной работой, она, тем не менее, демонстрирует определённое метафизическое понимание. В частности, сказано, что маги в разные века называли дьявола «Отец Реализатор». Это перекликается с произведениями Д. Андреева, который пишет, что одной из «ипостасей» дьявола является Великий Осуществитель, именуемый также Принципом Формы. Если иметь в виду не само разворачивание универсальной проявленности, а смещение точки зрения в сторону низших уровней реальности, то такое смещение является, безусловно, «демонической» тенденцией. Можно сказать, что именно это смещение обеспечивает существование низших уровней.

<sup>25</sup> Известно, что скорость течения времени увеличивается по мере хода цикла. Именно поэтому ведическая традиция говорит, что длительность юг, входящих в одну манавантару, соотносится между собой как 4:3:2:1.

<sup>26</sup> В некоторой степени этот дрейф имеет место и в традиционных науках. Отличие состоит в том, что в традиционной науке никогда не абсолютизируется та или иная точка зрения, так как высшим знанием признаётся Высшее Тожество. Сама иерархическая структурированность знания позволяет успешно противостоять деструктивным тенденциям.

<sup>27</sup> Невозможно удержаться от того, чтобы не упомянуть здесь об этимологии данного термина. В русском языке «развитие» означает «раскручивание того, что свито». Это вызывает образ витой нити, являющейся одним из символов Мировой Оси. «Развитие того, что свито», то есть, разделение первоначального единства на множественность, есть разворачивание универсальной проявленности и конституирование уровней реальности.

<sup>28</sup> Подобная абсолютизация точки зрения применительно к духовному восхождению является фиксацией на определённом уровне реальности. В таких условиях восхождение становится невозможным.

<sup>29</sup> Ранее этот процесс затрагивал лишь естественнонаучную область, поскольку естественные науки, будучи по своей природе традиционными, могут иметь дело с разными уровнями реальности. Сейчас же дошло до того, что этот процесс отчасти затронул технические области. То есть, то, что было ранее искусственно создано, было сопричастно более высокому уровню реальности, чем понимается и используется сейчас.

<sup>30</sup> Строго говоря, проявленность только тогда может называться универсальной, когда мы говорим о ней вне рамок конкретного состояния, то есть, она универсальна для всей бесконечности миров.

<sup>31</sup> Здесь налицо ещё одна инверсия понятий, когда «более сложное» полагают синонимом «более совершенному». В действительности же, усложнение всегда есть нисхождение по уровням реальности. В этом смысле Фома Аквинский говорит о Боге, что он «всецело прост».

<sup>32</sup> Мы не имеем в виду теории типа социал-дарвинизма.

<sup>33</sup> Хотелось бы предостеречь от возникновения точки зрения, согласно которой макрокосм является реальностью более высокого порядка, чем микрокосм. В действительности же, макрокосм и микрокосм лежат на одном и том же уровне реальности. Если бы было иначе, тогда то, что является множественностью на микрокосмическом плане, было бы единством для макрокосма.

<sup>34</sup> О традиционном и современном понятии материи мы говорили в предыдущих главах.

<sup>35</sup> Антропный принцип, выдвинутый в 1973 году физиком Брандоном Картером, констатирует, что наш мир устроен так, что даже небольшое изменение физических параметров Вселенной, в частности, физических констант, сделало бы существование жизни невозможной.

<sup>36</sup> Одна из причин бурного развития эволюционистских теорий на Западе была в том, что в определённый момент эти теории явились оружием, направленным против христианского креационизма. Сейчас же теория эволюции с одной стороны, имеет огромную известность, а с другой, несёт в себе анти-традиционно-деструктивный отпечаток. Это характерно для любой тенденции, бывшей когда-либо в «эсхатологическом авангарде».

<sup>37</sup> В последнее время известность получила так называемая альтернативная археология, которая занимается сбором фактов, одним своим существованием способных зачеркнуть многие современные теории. Например, находки металлических изделий в каменноугольных пластах. Ранее вера в истинность научных теорий была так сильна, что такие факты отвергались, даже будучи очевидными.

<sup>38</sup> В традиционных науках второму закону термодинамики соответствует в какой-то степени знание об эсхатологической перспективе.

# ТРАДИЦИЯ И ИСКУССТВО

Если подойти к множеству уровней реальности с точки зрения Традиции, то символика есть одновременно и основа, и метод такого подхода. Она всегда рассматривает как каждую модальность отдельно взятого уровня, так и каждый уровень в совокупности, как символы высших состояний. Такая точка зрения и является, собственно, основой традиционного взгляда. Она интегральна, так как вся совокупность миров и модальностей этих миров рассматривается как единое целое. Такое рассмотрение является поистине универсальным, так как не устанавливает никаких границ, имея в виду всё Сущее.

Если мы, говоря о символике, отходим от традиционной точки зрения, то, прежде всего, утрачивается знание о высших состояниях. Как следствие, происходит утрата знания об иерархической соподчинённости уровней реальности, и в дальнейшем, о самом существовании других уровней. Вне традиционного подхода невозможно говорить о множественности миров, так как знание о вертикальных связях становится принципиально недоступным. В этом случае от всего многообразия символических связей остаются видимыми лишь проявления этих связей в виде символов в специфических условиях нашего мира. Понятно, что полное забвение традиционного знания означает забвение знания о символических связях, и тогда символы рассматриваются просто как феномены этого мира. Но не надо забывать, что с высшей точки зрения любой феномен является символом, поэтому, до тех пор, пока существо является субъектом, то есть обладает способностью к восприятию феноменов, для него остаётся возможным осознание символических связей. То есть, отталкиваясь от любого восприятия, всегда можно вернуться на традиционную точку зрения, которая открывает путь к высшим состояниям<sup>1</sup>.

Следует отметить, что поскольку символика в своём истинном виде означает вертикальные связи, то всякий, кто сопричастен символическому, или же даже лишь полагает, что сопричастен ей, может получить в некоторой степени знание о высших состояниях. Это наиболее явственно проявилось в направлении искусства и литературы, которое принято называть символизмом. Хотя его представители были лишены, за редким исключением, традиционных знаний, они всё же получили отголосок знания о множественности миров. Мы здесь не имеем в виду инверсию этого направления, в результате которой символизм свелся к образному воздействию на подсознание с целью достижения определённых эмоциональных состояний. Инверсия заключается в том, что истинный символизм связывает человека с высшими состояниями, тогда как подсознание и этимологически и сущностно обозначает низшие состояния. Поэтому истинный символизм раскрывает значение символов чётко и определённо, тогда как в «подсознательном» символизме всё субъективно<sup>2</sup>.

Символы, проявленные в условиях нашего мира, соответствуют уровню телесных объектов. Если эти символы принадлежат традиционной форме, то они образуют лишь видимую её часть, и для того, кто незнаком с Традицией, этим традиционная форма и исчерпывается. Для того же, кто принадлежит Традиции, видимые символы — лишь нижняя часть символических связей, пронизывающих миры. На более высоком уровне реальности традиционные символы уже не имеют видимого выражения, оставаясь при этом теми же самими<sup>3</sup>.

С традиционной точки зрения сам способ проявления символа на телесном уровне решающего значения не имеет. Любая символическая связь есть нисхождение Духа, и его проявление на любом уровне соответствует случайным условиям существования этого уровня. Можно сказать, что из всего случайного, что есть на таком уровне, проявление Духа наименее случайно. Но так обстоит дело с высшей точки зрения. Если же смотреть с точки зрения, соответствующей самому уровню символического проявления, то порой может показаться, что проявление того или иного символа нарушает законы этого мира. Однако это так лишь в том случае, если эти законы мыслятся автономно, а не как отражение высших законов<sup>4</sup>. В данном случае мы говорим о том, что принято называть чудесами, ограничивая это понятие исключительно тем, что оно означает в духовных традициях. Достаточно привести один из самых ярких примеров, свойственных Православной традиции — явление нерукотворных икон.

Этот пример характерен ещё и тем, что икона выполняет определённую функцию в христианской традиции независимо от факта её «рукотворности». Конечно, нерукотворные иконы более почитаемы, однако их назначение остаётся при этом тем же. Если символ проявлен нерукотворным способом, то есть прямым нисхождением Духа, то о процессе такого проявления мало что можно сказать словами. Отметим лишь, что эти проявления всегда происходят в строгом соответствии с канонами той традиционной формы, где случается такое событие. Это ещё раз показывает, что воистину «Дух дышит где хочет», то есть адаптируется для любой традиционной формы<sup>5</sup>, и адаптация эта может происходить как через людей, так и без их участия. То есть, это не люди адаптируют духовные влияния, а сам Дух использует или не использует их для своего нисхождения в бесконечном многообразии форм.

Однако нас в данном случае интересует главным образом то, как символы проявляются именно через людей. Очевидно, что такие люди должны не только принадлежать Традиции, но и обладать определёнными качествами. Но случается, что требуемые качества и даже принадлежность к традиционной форме возникают уже в процессе нисхождения Духа через человека. Это происходит потому, что именно Дух является первопричиной всего. Это не всегда явно, если оставаться в рамках фиксированного уровня реальности.

Символы, проявленные видимым образом — лишь часть многообразной символики традиционного общества. Остальное — это символы, которые стали невидимы для современных людей, а для людей Традиции остаются вполне явными. Эти невидимые символы проявлены на более высоком уровне реальности. Точнее, все символы присутствуют на разных уровнях, так как они есть результат действия символических связей, каждая из которых, пронизывая состояния, отражается в виде символа в каждом из этих состояний.

Проявление видимых символов в традиционном обществе принято связывать с деятельностью касты вайшьев<sup>6</sup>. Это в значительной степени оправдано, так как представители именно этой касты создают всё, что доступно органам восприятия. Однако они не могли бы это делать должным образом, если бы были лишены влияния брахманов. Например, предметы культа и оружие для кшатриев изготавливаются вайшьями, после чего брахманы проводят ритуал их освящения. Это однозначно указывает, через кого приходят духовные влияния. Функция самих брахманов также глубоко символична, так как передача

духовных влияний в социуме есть символ нисхождения Духа. Что же касается кшатриев, то вся их деятельность также носит глубоко символический характер, о чем говорилось ранее.

Если говорить о том, какой высший аспект более всего соответствует каждой касте, то для брахманов это может быть выражено словами «Бог есть Сущий», а для кшатриев «Бог есть любовь». Что же касается вайшьев, то для них прежде всего «Бог есть Творец»<sup>7</sup>. «Преобразующая» деятельность вайшьев символически отражает взаимоотношение Пुरुши и Праkritи.

Каждая каста по-своему является символическим отражением соответствующих ей божественных аспектов. Брахманы олицетворяют нисхождение Духа, а кшатрии — управление Вселенной. Также и вайшьи отражают своей деятельностью процесс божественного творения, который для всего Сущего есть не что иное, как разворачивание универсальной проявленности.

Это отражение есть то, что можно назвать искусством в традиционном понимании. Искусство для Традиции — это актуальная способность человека быть проводником символической связи. Отсюда и термины «царское искусство» и «священническое искусство», известные в средневековом традиционном обществе. В дальнейшем оба этих вида искусств были практически утрачены, а искусство касты вайшьев трансформировалось в то, что сейчас и принято называть искусством.

Здесь нам опять хотелось бы вернуться к рассмотрению такой традиционной деятельности, как строительство храма. С точки зрения традиционной архитектуры, любое здание является символом мироздания (об этом говорит сама этимология слова «мироздание»), то есть человеческому состоянию в своей целостности. Однако храм — это нечто большее, так как центр храма (место или артефакт) есть то, что символически соответствует Принципу существования Вселенной<sup>8</sup>. Через этот центр проходит Мировая Ось, двигаясь по которой, можно достигнуть любого из существующих состояний. Поэтому уподобление храма человеку для Традиции вполне правомерно, так как центр и храма, и человеческого существа есть то, что является принципом их существования.

«Священническое искусство» при строительстве храма, как и всякое традиционное искусство, есть передача духовных влияний из центра к периферии, то есть к низшим уровням проявленности<sup>9</sup>. При этом центр храма является тождественным Принципу существования

Вселенной, что мы уже объясняли применительно к человеку<sup>10</sup>. Задача священников-брахманов — адаптировать эти влияния так, чтобы определённым образом структурировать пространство в соответствии с канонами традиционной формы<sup>11</sup>. Задача же вайшьев — воспринять эти влияния, что требует «открытости», и придать им вещественное выражение. Собственно, «открытость» духовным влияниям должна быть присуща представителям всех трёх каст, так как это необходимое условие принадлежности к Традиции. Но лишь брахманы воспринимаят духовные влияния непосредственно.

Поскольку для брахманов характерна «не-деятельность», то внешне может показаться, что храм строится без их участия. Однако сама принадлежность строителей к Традиции означает присутствие брахманов, и только благодаря этому присутствию создаётся храм<sup>12</sup>. Это, кстати, объясняет кажущееся противоречие, ввергающее многих историков в недоумение, когда они изучают нравы и быт Средневековья, и пытаются сопоставить их с построенными в то время храмами. Они искренне не понимают, из какого источника почерпнуто всё это строителями.

То, что строительство храма носит «священный» характер, не подлежит сомнению. Однако на самом деле этот характер присущ любой деятельности в традиционном обществе. Поэтому для Традиции любая деятельность есть искусство. Более того, искусство даже не деятельность, а скорее состояние, присущее тому, кто идёт по пути самореализации сообразно своей природе. Это состояние характерно тем, что в нём присутствует аспект социальной направленности. Мастер, духовно возрастая сам, своим искусством помогает и окружающим делать то же. Тем самым, в традиционном обществе искусство играет связующую роль, создавая связи «горизонтального» плана<sup>13</sup>.

Надо также сказать, что поскольку традиционное сознание и традиционная деятельность охватывают множество уровней реальности, само собой разумеется, что на различных уровнях существуют разные традиционные искусства. Но не все из этих искусств имеют своё выражение на видимом плане. Или же видимое проявление таково, что может быть понято лишь с точки зрения более высокого уровня реальности, а в телесной модальности выглядит неким феноменом, непостижимым на этом уровне осознания<sup>14</sup>.

Поэтому моментом возникновения современного искусства можно считать абсолютизацию, фиксацию «видимого» уровня реальности. Как следствие, происходит забвение функции брахманов, ведь функция эта осуществляется на другом уровне. По аналогии с Восстанием

кшатриев этот процесс можно назвать «Восстанием вайшьев». Однако любая традиционная деятельность не может быть сразу обращена в свою противоположность, так как продолжает содержать крупинцы Духа. Поскольку искусство вайшьев символизирует генезис, то современное искусство было изначально связано с идеей мирового равновесия, которая отразилась в нём в виде всеобщей гармонии.

Основа традиционной символики — связь с Высшим Принципом, а аспект гармонии является лишь горизонтальным отражением этой связи, поэтому в Традиции особо не подчёркивается. Акцентирование этого аспекта возникает, когда перестаёт осознаваться сама связь с Принципом. Такое осознание соответствует более высокому уровню реальности, чем «чувство гармонии». Согласно циклическим законам, если некий аспект присущ уровню реальности, ставшему для осознания недоступным, то отражение этого аспекта на более низких уровнях служит своего рода замещением утрате. Понятно, что при этом уже нет прежней полноты, однако есть возможность к ней вернуться, так как отражение любого аспекта есть его символ, и символическая связь остаётся живой и действенной. Поэтому идея гармонии — это символ Всеобщего единства в Принципе, отражение целостности в многообразии. Именно с этих позиций следует рассматривать появление современного искусства с превалирующей идеей гармонии, свершившееся в эпоху Возрождения.

Для общества утрата осознания связи с Принципом означает, что люди начинают утрачивать внутреннюю гармонию, которая является естественной для представителей традиционного общества. Поэтому акцент на гармонии в искусстве призван был в какой-то степени это компенсировать. Однако это положило начало тенденции, в результате которой возникли современное искусство и литература — две области, оторванные от духовной Традиции.

Говоря о Возрождении, мы имеем в виду, естественно, влияние античности. Подобная цивилизационная преемственность — не единственный случай в истории, и она характерна тем, что преемственность проявляется в основном по отношению к внешним формам. Происходит это, как минимум, по двум причинам. Во-первых, закат любой цивилизации характерен тем, что акцент переносится на внешние формы. Поскольку для последующих цивилизаций это период хронологически ближе, да и сами внешние формы доступнее для восприятия, то преемственность проявляется именно по отношению к этому периоду, часто ошибочно принимаемому за расцвет. И во-вторых, дух

Традиции может быть передан лишь через живую преемственность. Если же заниматься всякого рода реставрациями, то этот дух неминуемо ускользает, оставляя «реставраторам» лишь внешние формы, которые он некогда наполнял.

Однако, если бы Возрождение было исключительно внешней преемственностью, то европейцы той эпохи соотносились бы с представителями Греко-римской цивилизации примерно так же, как соотносятся современные египтяне и древние. Доктринально эпоха Возрождения была подготовлена гораздо раньше, главным образом через труды греческих философов, которые стали доступны европейцам изначально через арабские переводы. Естественно, это сказалось на концепции творчества. Особую роль здесь играет понятие «Демиург», возникшее в греческой традиции. Его нельзя сопоставлять с Богом-Творцом, так как Бог-Творец — понятие, специфически авраамического происхождения. Этимологически Демиург соответствует мастеру, или ремесленнику, и в этом качестве может быть сопоставлен касте вайшьев, то есть, проекции соответствующего божественного аспекта на кастовую иерархию. С другой стороны, Фома Аквинский подчёркивает, что процесс божественного творения имеет принципиально иную природу, чем «изготовление» в человеческом понимании. То есть, деятельность демиурга можно приравнять к деятельности человека-ремесленника, и разница будет состоять только в том, что Демиург действует на уровне макрокосмическом. Эта деятельность, таким образом, несопоставима с эманацией Принципа, так как Демиург действует лишь на уровне проявленности, или даже ещё уже — в мире форм. Здесь напрашивается определённое соответствие между Демиургом и Отцом Реализатором, который суть Великий Овеществитель или Принцип Формы. Ранее говорилось, что эти имена есть не что иное, как имена дьявола, вернее, того его аспекта, который связан непосредственно с формальным проявлением. То есть, сам переход от неформального проявления к оформленности является нисходящей тенденцией, имеющей в силу этого демонический характер. Что касается христианских гностиков, то они, признавая демонический аспект Демиурга, поняли его несколько иначе. Для них он стал творческим началом, производящим отягощённую злом материю. Очевидно, что здесь имеется в виду *materia prima*, то есть изначальная недифференцированная субстанция, являющаяся основой любой реализации в нашем мире. При этом «отягощённость злом» означает противопоставление субстанциального полюса «*materia prima*» сущностному полюсу, то есть Высшему Прин-

ципу. Поэтому для гностиков Демиург в определённом смысле противоположен Богу-Творцу, так как Демиург обеспечивает основу любой реализации, тогда как Бог-Творец осуществляет эту реализацию. Это ещё один повод задуматься над тем, насколько общий вектор эпохи Возрождения, заданный во многом античной доктриной, стал отличен от ортодоксального христианства<sup>15</sup>.

В любом случае можно констатировать, что влияние античности в сочетании с идеей гармонии, заместившей связь с Принципом, обусловило более «внешний» характер эпохи Возрождения по сравнению со Средневековьем. Идея гармонии в отрыве от Высшего Принципа всегда предполагает некую дуальность, то есть существование полюсов гармонии — дисгармония (порядок — хаос)<sup>16</sup>. В средневековом же искусстве, сохранившим традиционный дух, аспект гармонии остался более «внутренним», а потому менее явным с точки зрения обыденного сознания. С традиционной точки зрения, отсутствие гармонии где бы то ни было является всегда частным взглядом. Более общая точка зрения состоит в том, что любой беспорядок всегда входит в качестве составного элемента в общий порядок, который ничто не может нарушить.

Таким образом, идея гармонии в искусстве имеет своим источником утраченную ныне связь искусства с Традицией. Надо об этом помнить, если мы говорим об эстетических критериях в искусстве. Изначально эстетика является традиционной наукой, которая рассматривает отражение в человеческом существе различных аспектов высших состояний и законов. Неизменность эстетических критериев свойственна человеку, так как он представляет собой микрокосм, который соответствует макрокосму. А для макрокосма эстетика на человеческом уровне соответствует гармонии на уровне вселенском, которая символически соответствует преодолению разделённости. Поэтому человеку внутренне свойственно то, что принято называть «инстинктивным стремлением к красоте», с тем лишь уточнением, что «инстинкт» означает подсознательное, подчеловеческое, тогда как в данном случае речь идёт о вещах и связях «надчеловеческого» порядка. Похожим образом дело обстоит и с нравственностью, причём мораль отнюдь не всегда является производной от нравственности, но часто навязывается социумом.

Это понимание эстетики далеко отстоит от современного «эстетства», которое сейчас стало стремлением к оригинальности, часто с ярко выраженными инфернальными наклонностями. Поэтому для

«эстетства» мысль о неизменности эстетических критериев неприемлема.

Есть ещё один аспект, который хотелось бы пояснить. Поскольку — и ещё раз хочется это отметить — для западной цивилизации переход от Средневековья к Возрождению означал для всего общества переход сознания на более низкий уровень реальности, это соответственно повлияло на символику. В традиционном обществе, как для текстов, так и для других произведений, характерна простота и цельность каждого отдельно взятого символа, так как символы могут быть поняты традиционным сознанием в цельности и полноте. В период же «цветущей сложности» (по выражению К. Леонтьева) каждый символ как бы распадается на множество других. В результате возникает сложнейшая система символики, адаптированная для конкретных условий с пониженной способностью людей видеть высшие аспекты. Этот процесс многие принимают за развитие, что является влиянием идеи прогресса, хотя на самом деле переход от простоты и цельности традиционной символики к «цветущей сложности» является духовным регрессом. Именно отсюда идёт всё многообразие эпохи Возрождения, которая зафиксировала в видимых символах то, что ранее не требовало фиксации.

Хочется также отметить, что для Традиции нет чёткой границы между науками и искусствами. Такое разграничение стало характерным исключительно для современного общества, поскольку науки сместились в сторону материалистического познания, в то время как в искусствах стала преобладать эмоциональность, смещённая в подсознательную область, что дало такой толчок для «индивидуализации» искусства. Неслучайно именно в современном искусстве автор непременно подписывает свои произведения. В Традиции это отсутствует, так как автор считает себя лишь проводником божественного влияния. Можно сказать, что подписывание автором своих произведений есть признак светскости.

Мы здесь лишь отчасти наметили то, чем явилось зарождение современного искусства с символической точки зрения. С Возрождения и до нашего времени многое изменилось, и здесь хотелось бы воздержаться от критики современных направлений искусства. Скажем лишь, что появление акцента на самовыражение, свойственного современному искусству, весьма закономерно. Любое произведение искусства есть отражение уровня реальности, на котором себя осознаёт его творец. И появление акцента на самовыражение возможно лишь

в том случае, если этот уровень реальности становится таким, что на нем возможно забвение Высшего Принципа.

*Примечания:*

<sup>1</sup> Связь объект-субъект также можно рассматривать как символ Высшего Тождества.

<sup>2</sup> Люди, представляющие эти тенденции, часто говорят о тайном языке символов и о тайном знании. Если иметь в виду подсознательную область, то в рамках этого уровня царства эмоций говорить о знании не приходится, там всё смутно и расплывчато. Конечно, нисхождение Духа на любой уровень может привести туда истинное знание, но это будет знание, источником которого всё равно являются высшие состояния. Что же касается тайн, то не существует закрытого знания, есть лишь знание, которое не всеми может быть понято.

<sup>3</sup> Вот почему те, кто достиг достаточно высокого уровня осознания, гораздо меньше нуждаются в символах, имеющих внешнее выражение.

<sup>4</sup> Тот факт, что само слово «закон» до сих пор применяется как к природному, так и к социальному порядку, есть отголосок традиционного знания. Для Традиции социальные законы не являются человеческой выдумкой, а мыслятся как символы высших законов, то есть как установленные Богом. То же самое касается и так называемых нравственных законов. Это до сих пор наличествует в обществах, которые отчасти сохранили традиционный характер. В русском языке однокоренные слова «справедливость» и «праведность» некогда являлись синонимами, и во многих других языках эти понятия по-прежнему обозначаются одним словом.

<sup>5</sup> «Дух дышит, где хочет», но не «как хочет», поэтому следование канонам традиционной формы строго сохраняется. Синкретизм, смешивающий элементы различных традиционных форм, не имеет никакого отношения к истинным духовным влияниям.

<sup>6</sup> Хотелось бы ещё раз обратить внимание на то, что, говоря о кастах, мы в данном случае имеем в виду не социальные группы, а функции в традиционной иерархии, которые являются одними и теми же для каждой традиционной формы. Поэтому неправильно говорить, что терминология ведической традиции неприменима для других традиционных форм. Тем, кому сложно это принять, достаточно назвать, например, брахманов священниками, и всё встанет на свои места.

<sup>7</sup> Определённость, и следовательно, ограниченность, присущая каждому из этих аспектов, имеет причиной само кастовое разделение. Нет определённости лишь для надкастового состояния Хамса, для которого «Бог есть Не-Сущее». Хотя это, разумеется, не совсем корректно, так как о Не-Сущем нельзя сказать «есть». Поэтому высший аспект для Хамса — это Великое Молчание, знание о котором доступно в некоторой степени всем кастам, и в первую очередь, конечно, брахманам.

<sup>8</sup> В частности, центром христианского храма являются Пресвятые Дары, то есть сам Христос, который, согласно христианской доктрине, является

Принципом существования Вселенной — в Символе Веры сказано «через Которого всё сотворено», в старославянском варианте «Им же вся быша», в латинском — «per Quem omnia facta sunt».

<sup>9</sup> Здесь мы снова сталкиваемся с тем, что символика «внутреннего-внешнего» эквивалентна символике «верхнего-нижнего».

<sup>10</sup> В разных традиционных формах центр культового сооружения может выглядеть по-разному, и это является подчас причиной непонимания. Например, некоторым кажется, что пирамиды Мексики кардинально отличаются от египетских своей усечённостью, и на основании этого делается вывод о некоей инверсии традиционной формы и даже о некоем «демоническом» характере древних цивилизаций Америки. На самом деле, «усечённость» означает, что вершина пирамиды поистине незрима, так как соответствует высшему Принципу. На вершине усечённой пирамиды может располагаться алтарь, жертвенник, или иной священный предмет, символизирующий Высший Принцип. Причём, его кардинальное отличие от остального архитектурного сооружения подчёркивает трансцендентность Принципа по отношению ко всему ансамблю универсального проявления.

<sup>11</sup> Для многих инициатических организаций, традиция которых является по происхождению авраамической, Иерусалимский Храм явился олицетворением духовных влияний такого рода, и наиболее ярким примером здесь является, конечно же, орден Тамплиеров (Храмовников).

<sup>12</sup> Ошибочное мнение строителей, что они могут обойтись без влияния брахманов, привело, в частности, к деградации масонства. В его лице каста вайшьев фактически узурпировала ту часть функций, которая должна была находиться исключительно в ведении брахманов.

<sup>13</sup> Может быть, этот термин здесь не вполне корректен, так как любая связь, где есть духовные влияния, имеет вертикальную составляющую. Кроме того, связь типа «мастер-ученик» иерархична. Мы здесь пользуемся этим термином, чтобы провести различие между связями социального порядка и прямым нисхождением Духа.

<sup>14</sup> С этим постоянно сталкиваются археологи.

<sup>15</sup> Особо стоит отметить пифагорейское понимание Демиурга. Для них он принцип, сохраняющий сущность вещей, то есть, он символически тождествен Вишну.

<sup>16</sup> Абсолютизация уровня реальности, на котором присутствует любая дуальность, делает эту дуальность неразрешимой. Это хорошо видно на примере манихейства.

## СВЯЩЕННЫЕ ТЕКСТЫ И ЛИТЕРАТУРА

Вопрос о возникновении литературы не является таким отвлечённым, как это может показаться на первый взгляд. От правильности его постановки и решения зависит правомерность применения современной литературоведческой методологии к древним письменным источникам и, прежде всего, к тому, что принято называть священными текстами. Но главное даже не это. Необходимо понять, может ли дать эта методология что-нибудь для исследования этих текстов с традиционной точки зрения. Или же современный подход должен быть полностью отброшен, если мы хотим рассматривать эти тексты правильным образом.

Многие современные исследователи утверждают, что моментом возникновения литературы нужно считать появление письменности. Однако в истории письменности есть некий переломный момент, когда, наряду со священными текстами, являвшимися до этого момента единственными письменными документами, стали появляться и тексты светского характера, которые, в конце концов, заняли полностью доминирующее в количественном отношении положение и образовали собственно литературу в современном понимании этого слова.

Священные тексты принципиально отличаются от светской литературы, и это отличие состоит в сопричастности соответствующим уровням реальности. Точнее, священный текст сопричастен одновременно целому диапазону уровней, высший из которых имеет прямую связь с Принципом. Светский же текст всегда фиксирован на одном уровне реальности. Защитники Традиции обычно стараются оспорить мнение литературоведов, что любой текст, в том числе и священный, есть чисто человеческое построение. Однако в этом нет необходимости<sup>1</sup>, если рассматривать человека с точки зрения традиционной антропологии. С её позиций человек неразрывно связан с Высшим Принципом, ко-

торый является основой<sup>2</sup> человеческой личности, а различные модальности человеческого существа есть не что иное, как проявление Принципа на различных уровнях реальности. Тем самым, точка зрения «человеческого» происхождения священных текстов обоснована, если понятие «человеческое» скорректировано, а точнее, восстановлено в своём высшем значении.

Может показаться, что в таком случае священные тексты и светская литература, хотя и отличаются между собой сопричастностью различным уровням реальности, всё же не имеют принципиального качественного различия. На самом же деле вещи, сопричастные разным уровням, всегда отличаются именно качественно<sup>3</sup>. Даже оставаясь в рамках современной литературы, видно, что произведения, несущие в себе нравственные идеалы, качественно отличны от «развлекательных» книг, хотя эта нравственность, как правило, есть лишь слабый отблеск духовного света.

Священные тексты обладают особым качеством. Высшие уровни реальности, которым они сопричастны, соответствуют знанию, невыразимому человеческим языком<sup>4</sup>. Каждый последующий уровень, на котором проявлен текст, является его «скрытым смыслом». Естественно, «скрытость» смысла является таковой с точки зрения самого низкого уровня, где текст проявлен вещественным образом, и где он часто имеет вид исторического повествования. Тот же, чьё сознание выше этого уровня, видит один из «скрытых» смыслов как наиболее явный, и историческое повествование для него — лишь способ выражения метафизических истин.

Уровень вещественного проявления священного текста является символом его скрытого смысла следующего уровня, который также является в свою очередь символом знания более высокого порядка. И так, восходя по иерархии смыслов, соответствующих уровням реальности, можно достичь высших состояний. Тем самым, любой священный текст является формой символической связи. Поэтому читать его можно по-разному. Если читающий сопричастен уровню вещественного проявления текста, он видит в нём лишь внешний смысл. Если же уровень читающего выше, то текст для него становится точками сопричастности определённым аспектам высших состояний. Причём, это именно отдельные точки, каждая из которых связывает с конкретным высшим аспектом. Таким образом, в процессе прочтения текста можно видеть поочерёдно разные грани Высшей реальности<sup>5</sup>. Увидеть же Высшую реальность в её цельности или хотя бы отблеск этой цель-

ности мы не можем, по крайней мере, в том состоянии, в каком читается текст. Мы, конечно, здесь не имеем в виду людей исключительно высокого духовного уровня, которые способны созерцать Высшую реальность постоянно, независимо от внешних условий.

Священный текст является таковым ещё и потому, что написан на языке, который также можно назвать священным. Человек традиционного общества сопричастен Высшей Реальности через всё, что его окружает. Поэтому естественно, что язык, который отражает его мышление, также носит священный характер. В традиционном языке всё символично, поэтому буква (символ) почти всегда имеет самостоятельное значение, соответствующее определённому понятию. Ей же, как правило, соответствует и числовое значение. Поэтому многозначность священных текстов является их естественным свойством, и каждый их аспект сопрягается с другой традиционной дисциплиной. В частности, числовое значение букв соответствует традиционной науке о числах, которую можно назвать традиционной математикой. Традиционные тексты также очень тесно связаны с музыкой, поэтому их пение присутствует во всех традиционных формах<sup>6</sup>. Тем самым, традиционные тексты представляют собой даже не область, а скорее аспект огромного поля традиционного знания, в котором для человека Традиции никогда не было чётких границ между дисциплинами.

Особо стоит остановиться на вопросе истинности текстов. Понятно, что для современных исследователей и представителей Традиции вопрос истины стоит по-разному. Каждый из этих подходов осуществляется на своём уровне, и для каждого из них может быть поднят вопрос об истинности. Но истинность на низшем уровне не означает автоматически истинности на уровне высшем. С другой стороны, то, что истинно на высшем уровне, может иметь своё выражение на уровне низшем, а может и не иметь. С точки зрения Традиции реальность является синонимом истинности.

На низшем уровне событие, описанное в священном тексте, может быть истиной исторического факта, что соответствует подходу позитивистской науки. Для более высокого уровня реальности это же событие является символом, то есть отражением определённого духовного аспекта, «опорой» для достижения соответствующего состояния. Именно это является здесь критерием истинности. Истинность же всего священного текста с традиционной точки зрения можно определить как его ортодоксальность, то есть текст должен являться отражением метафизических истин.

Тем самым, в силу иерархической соподчинённости, истина исторического факта гораздо менее значима (менее реальна), чем символическое значение, поскольку просто истина факта не может быть опорой ни для какого восхождения. Это является причиной постоянного непонимания сути священных текстов представителями современной науки, для которых «истина факта» есть единственная истина.

Сравнивая священные книги и современную литературу, необходимо определиться с понятием мифологии. Если в традиционных исследованиях мы используем знания современной науки, то одна из трудностей, с которыми приходится сталкиваться — это терминологическая неоднозначность. Одни и те же термины могут иметь разные значения. В этом случае ключом к терминологическим уточнениям является то, что термин должен отражать местоположение на духовной вертикали, степень одухотворённости в сравнении с другими объектами предметной области. Если говорить о мифологии, то под ней можно понимать способ изложения чего-либо, в частности, метафизической доктрины. Хотя этот способ имеет массу преимуществ, он в духовном смысле не более высок, чем любой другой. Мы же, говоря о мифологии, будем иметь в виду не способ изложения, а промежуточный тип между священными текстами и светскими.

Можно сказать, что мифология предшествовала современной литературе. Это, с одной стороны, вырожденное традиционное знание, а с другой — светская литература с сохранившимися элементами этого знания. Мифология может являться письменным и искажённым переложением устной традиционной доктрины. Кроме того, мифология может быть заимствована из культуры другого этноса, в результате чего часто теряются последние остатки традиционных знаний, особенно, если источником заимствования явилась уже вырождающаяся в духовном плане мифология.

Данная терминологическая корректировка лишает нас возможности использовать понятие мифологии применительно к живым традиционным формам. Если говорить о Востоке, и в частности о ведической традиции, то персонификация различных аспектов Высшего Принципа отнюдь не означает существования мифологии. Пожалуй, этот термин наиболее корректно применять лишь к античности, а также к тем культурам, от которых остались в видимом проявлении лишь археологические памятники.

Сам факт появления мифологии связан с Восстанием кшатриев<sup>7</sup>. Об этом говорят в самих мифологиях образы героев наряду с образами

богов. Причём образы эти подчас равнозначны, а порой богов наделяют «героическими» атрибутами. Всё это говорит об определённом смешении акцентов. Можно сказать, что мифология — предтеча светской литературы.

В начале книги мы говорили о современных мифологиях. Вероятно, читатель уже привык к тому, что слово «современный» нами используется для обозначения отсутствия у чего-либо духовного содержания. Традиционная мифология хоть и сохранила частицы духовности, но отделилась от человека, а именно от его духовной сущности. Поэтому мифологическое описание воспринимается сейчас в основном внешним образом. Восприятие современных мифологий такое же, и поэтому не все могут увидеть, что здесь полностью отсутствует духовная составляющая. Тот, кто далёк от Традиции, не в состоянии заметить разницу, так как форма схожа. Форма эта такова, что любое мифологическое повествование всегда выглядит как символически значимое. Вся разница в том, действительно ли эти символы имеют духовное значение. Или это лишь псевдо-символика, некое эстетство, лишь принимающее вид символической связи. Традиционная мифология хоть и не является традиционным учением в чистом виде, всё же позволяет достичь некоторой сопричастности высшим состояниям. Поскольку современные мифологии лишены духовного аспекта, они не в состоянии способствовать восхождению ни в малейшей степени. Может быть достигнута лишь сопричастность другим модальностям того же уровня реальности, или, что намного хуже, сопричастность «инфернальным» планам.

Любое произведение есть отражение состояния того, кто его создал. Здесь можно говорить о «вертикальном» аспекте свободы творчества. Тот, кто создаёт произведение, волен выбрать для него в качестве базового любой уровень, какой он только в состоянии достигнуть. Более того, он может придать своему творению вертикальное направление, так что в нём отразится стремление к достижению высших состояний. В каком-то смысле такое творение становится выше своего творца. Но надо помнить, что уровни осознания — это оболочки человеческого существа, самая внутренняя из которых тождественна Атману, поэтому выше неё нет ничего. Творческая устремлённость вверх, к свету, есть прежде всего устремлённость внутрь себя. Такая «приподнятость» литературного или художественного произведения над уровнем обыденного осознания своего творца позволяет последнему двигаться вперед и способствовать тому же в отношении окру-

жающих. Если же в творчестве этого нет, то такое творчество с точки зрения Традиции не имеет смысла.

Творение, созданное человеком, может быть сопричастно высшим состояниям только через символику. В этой книге мы постарались максимально расширить понятие символики, но в данном случае мы сталкиваемся с узким значением этого понятия, которое сейчас является общеупотребительным. Задача творца — не просто пользоваться символами высших состояний, но выбрать такую точку зрения, с которой через символ видна восходящая символическая связь. Если даже проглядывает незначительный отрезок этой связи, можно считать, что задача выполнена.

Для современной эпохи характерно, что священным текстам уделяется крайне мало внимания, тогда как светская литература распространена повсеместно. Большинству людей священные тексты неведомы вообще. Выше мы говорили о светской литературе как о явлении, откуда ушла всякая духовность. Это предельный случай, и именно таково большинство произведений современной литературы. Однако до этого дошло не сразу, поэтому существует масса произведений, светских по характеру, но которые, однако, несут в себе частицы Духа. Ещё в девятнадцатом веке назначение литературы мыслилось как передача знания, а отнюдь не как развлечение. Под знанием понимались, в том числе, и нравственные идеалы. При этом «развлекательная» функция литературы считалась низшей.

Из всего, что несёт духовный свет, именно нравственный аспект был в светской литературе тех лет наиболее явным. Это вполне объяснимо, поскольку воспитание нравственности в те годы являлась основой общественной морали. Однако существует масса других духовных аспектов, выраженных через светскую литературу, и их в произведении тем больше, чем ближе само произведение к традиционному сознанию. Первые тексты, которые можно назвать светскими, возникли на основе традиционного общественного уклада. Поэтому в них столь большое количество традиционной символики. Со временем её становилось всё меньше, и сейчас её отсутствие уже стало для литературы нормой<sup>8</sup>.

Отсюда следует очень важный вывод. Если текст, пусть даже светский, содержит истинную символику, правомерно к этой символике подходить так же, как мы это делаем в случае священных текстов. Любой такой текст отчасти священный, так как выполняет ту же функцию — связывает с высшими состояниями. И не надо бояться

ошибок. Если мы пользуемся правильным методом, то всё, что не относится к духовному порядку, будет отброшено. Правильность метода заключается в ортодоксальности, то есть, рассматривая символ, мы должны всегда стремиться к его более высокому проявлению. Тогда Дух, действующий через символическую связь, позволит нам стать сопричастными более высокой реальности.

Наиболее показательны в этом смысле тексты индусов, написанные для европейцев. Начиная с колонизации Индии, всё время предпринимались попытки адаптировать ведическое знание для менталитета европейцев. К сожалению, даже в таком адаптированном виде понять это знание смогли лишь единицы<sup>9</sup>. Тем не менее, произведения Вивекананды, Рамаянды и других для многих открыли путь к ведической традиции. На Западе их часто называют индийскими философами, хотя они так же далеки от европейской философии, как и любое знание чисто практического характера. Те, кто зафиксирован на своём уровне реальности, любое более высокое знание склонны воспринимать как отвлечённое теоретизирование, хотя на самом деле это знание является вполне практическим.

Любая такая книга — это всегда плод глубокой медитации, в процессе которой автор сопричастен высшему знанию. Текст становится выражением этого состояния, и слова здесь — отражения невыразимого, символы высшей реальности. Если написание такой книги можно назвать нисхождением Духа, то правильное её прочтение — обратный процесс, процесс восхождения от выраженного к невыразимому, от проявленных символов к Принципу.

Говоря о современной литературе, нельзя не подчеркнуть эмоциональный аспект. Эмоции — это одна из сфер, которая конституирует человеческое существо как данность. Неслучайно в литературе, претендующей на духовную значимость, термин «эмоциональный» часто замещается термином «витальный», то есть «жизненный». Однако, если говорить о структуре человеческого существа, то эмоциональная сфера принадлежит достаточно низкому порядку существования. Поэтому на этой сфере не акцентировалось много внимания в те времена, когда человек был воистину властелином своих эмоций. Этот вопрос стал актуален только теперь, когда уровень реальности большинства людей сместился до уровня эмоциональной сферы. Большинство духовных практик, существующих в наши дни, предписывает относиться к этой сфере с большой осторожностью. Однако, как и любая другая сфера человеческого существа, этот уровень может также стать

отправной точкой духовной реализации. Это было ярко показано на примере некоторых христианских мистиков. Для них высшая часть их эмоционального спектра стала фактически символом высших состояний. Естественно, это был лишь первый этап, на котором эмоциональная сфера ещё имела значение. Однако именно этот этап сделал возможным сопричастность высшим состояниям и, в дальнейшем, переход к ним. Разумеется, здесь есть определённая опасность, которая заключается в возможном принятии промежуточного состояния за окончательную цель, что практически исключает дальнейшее осознание и продвижение. Но то, что пример такого, если можно так выразиться, «эмоционального символизма» был показан, стало особенно ценно именно на Западе и именно сейчас, когда большинство людей стали рабами своих эмоций.

Тем самым, даже нынешний язык, являющийся отражением современного сознания, оставляет нам возможность быть сопричастными Духу, несмотря на то, что он почти лишился традиционного характера. Всё здесь зависит от людей, передающих духовные влияния. Они могут использовать для этого различные способы и инструменты, которые не имели бы действительного существования, если бы не несли в себе частицы традиционного духа. Только то, что ни в какой степени не является символом высших состояний, становится окончательной иллюзией, перестаёт быть хоть сколько-нибудь реальным.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Это всё из того же разряда тенденций, что и попытки втянуть религию в лице её представителей в околonaучные дискуссии. В таких дискуссиях обычно забывается (если не сказать игнорируется), тот факт, что истинная основа любой традиционной формы лежит вне плоскости современной науки. Те же аспекты, которые хоть как-то коррелируются с современным научным знанием, есть лишь частные и случайные приложения традиционной доктрины.

<sup>2</sup> Следует отметить, дабы избежать недоразумений, что слово «основа» в данном случае подразумевает принцип существования, то есть то, что иерархически находится «над» всеми состояниями, и никоим образом не означает «базиса», являющегося опорой для всякой реализации, который находится «под» всем сущим.

<sup>3</sup> Количественные различия всегда «горизонтальны», то есть всё, что различается лишь количественно, принадлежит одному уровню реальности. Качественные же различия «вертикальны». О том, что различается качественно, нельзя говорить, что оно различается ещё и количественно, так как

принадлежащее разным уровням реальности не может иметь общей количественной меры.

<sup>4</sup> В разных традиционных формах об этом знании говорится как о книге, которая является прообразом всех священных книг. В частности, речь идёт о «Книге Жизни» или «Книге Судеб». Кроме того, здесь есть прямая связь со Святым Граалем — см. Рене Генон, «Святой Грааль».

<sup>5</sup> Если значимость текста заключается именно в этих точках сопричастности высшим аспектам, то отпадает необходимость в обязательной системности изложения. Ранее мы говорили о понятии системности. Сейчас лишь отметим, что точки сопричастности являются для человека толчками в нужном направлении. Системность — лишь иллюзия единства, а истинное единство достигается всегда только внутри себя.

<sup>6</sup> См., в частности, Хазрат Инайят-Хан, «Мистицизм звука».

<sup>7</sup> Относительно Восстания кшатриев см. гл. «Общество традиционное и современное».

<sup>8</sup> Поскольку, как мы говорили ранее, символическое восприятие свойственно человеку, неудивительно, что в литературе, как и в других областях, идёт процесс инверсии. Символы высших состояний понемногу уходят, и их место занимает «псевдо-символика», имеющая связь с низшими мирами. Для микрокосма этим мирам соответствует подсознание.

<sup>9</sup> Безусловно, понимание было бы доступнее, если бы Европа не отошла так далеко от христианской традиции, которая и создала европейскую цивилизацию. Сейчас даже христианство малопонятно для большинства, что уж говорить о других традиционных формах.

# ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И РЕСТАВРАЦИЯ ТРАДИЦИИ

Нынешняя эпоха такова, что практически все, кто находится в духовном поиске или уже нашли свой путь, воспринимают состояние современного общества как ненормальное. Любой человек, открывающийся духовным влияниям, начинает понимать, что нормальное состояние — это структурирование чего-либо посредством нисхождения Духа на должный уровень реальности. Все законы, в том числе и социальные, лишь тогда реально существуют, когда являются отражениями высших законов. Если же структурирование происходит иначе, без участия Духа, то возникшая в результате этого система на самом деле есть духовный хаос.

В современном сознании социальные законы связаны прежде всего с понятием государства. В эпоху владычества кшатриев государство было призвано обеспечивать всем оптимальные условия для духовной реализации. Сейчас же государство мыслится в основном как механизм, необходимый для поддержания определённого уровня благосостояния и безопасности. Но поскольку сама по себе идея благосостояния не содержит в себе ничего духовного, такое государство не имеет в полной мере духовной санкции<sup>1</sup>.

Если люди объединяются ради общей цели, то они отдают свою творческую энергию, которая есть свет истинной человеческой сущности, преломленный через более внешние оболочки человеческого существа. Тем самым наличие общей цели создаёт структуру (не обязательно проявленную на видимом плане), в которой может отразиться вся множественность уровней реальности, в соответствии с человеческим строением. Но реально отражается не вся множественность, а лишь уровни, соответствующие уровням творческой энергии, направленной на создание и поддержание структуры. Иными словами, всё за-

висит от того, насколько чисты (в метафизическом смысле) намерения людей, участвующих в этом процессе<sup>2</sup>.

Вообще, актом творчества можно назвать любую мысль, благодаря которой какая-либо идея, концепция, образ выделяются в общем потоке божественной манифестации, обретая тем самым самостоятельное бытие. Можно сказать и иначе: творчество — это формирование точки зрения, с которой это бытие выглядит как самостоятельное. Человек способен к творчеству благодаря тому, что в основе его души лежит божественная сущность. В этом смысле человеческое творчество символизирует божественное творение.

Именно благодаря этому соответствию происходит так, что всё возникшее в результате человеческого творчества, обладая самостоятельным бытием, обретает также в определённом смысле и самостоятельное сознание. Если речь идёт о некой идейной общности, то такие структуры живут своей жизнью, отчасти независимой от людей, их порождающих. Творческая энергия каждого отдельного человека подобна ручейку, вливающемуся в большую реку. Каждый такой ручеек сам по себе обладает сознанием, и, сливаясь, все вместе они питают общее сознание структуры. Можно сказать, что сознание это нечеловеческое, так как такая структура не отражает в полной мере структуру человеческого существа. И, что самое существенное, такая структура не имеет в своей основе, в отличие от человека, божественной сущности. Реальность существования обеспечивается человеческой творческой энергией, которая имеет своим изначальным источником Высшую реальность.

Тот, кто разделяет какую-либо идею, делает это в соответствии с определённым уровнем реальности, которому, как он полагает, эта идея соответствует. Но это всегда частная точка зрения. Кто-то другой, поддерживающий структуру, отдаёт свою творческую энергию на другом уровне. Творческая энергия отдельного человека — это всегда точка сопричастности определённому уровню. В результате сознание всей структуры определяется множеством точек сопричастности различным уровням реальности.

Духовная санкция (санкция свыше) возникает в том случае, если достаточное количество творческой энергии соответствует уровням реальности, находящимся выше границы мира ангелов, то есть там, где есть непосредственное видение божественного присутствия<sup>3</sup>. В этом случае можно говорить о том, что персонификацией духовной санкции является ангел-хранитель. То есть, ангел-хранитель олицетворяет одновременно восходящий поток творческой человеческой

энергии и нисходящий поток божественной энергии. Эти два потока находятся в совершенном равновесии и связывают структуру с высшими состояниями.

Но ангел-хранитель — это не сознание структуры. Это лишь высшая его часть. Сопричастность более низким уровням реальности, где возможно забвение Принципа, также является частью этого сознания. В нашу эпоху не может существовать человеческой общности, свободной от этого. Люди обязательно привнесут свои мысли и намерения, не связанные осознанно с Принципом. Всегда кто-то будет стараться использовать общность, к которой он принадлежит, в своих целях. На самом деле, какое-либо достижение своих целей является иллюзией, так как не существует только «своих» целей. Всё, к чему стремятся отдельные люди, есть лишь части непрерывно осуществляющейся всеобщей реализации. Все стремления входят во всеобщий космический порядок, независимо от того, осознаётся это или нет.

Момент осознания является как раз тем, что определяет уровень реальности мысли или намерения. Если нет понимания связи с Принципом, то неминуемо возникает сопричастность планам inferнального характера. Если человеческая общность такова, что её законы мыслятся без всякой связи с высшими состояниями, то такая структура беззащитна перед inferнальными влияниями. С другой стороны, любая человеческая общность способствует духовной реализации хотя бы в некоторой степени, иначе её существование было бы невозможным. У каждой структуры, даже самой «бездуховной», есть свой ангел-хранитель. Если же общность в духовном плане перестаёт быть значимой, то санкция, то есть связь с высшими планами, пропадает, и структура рано или поздно прекращает своё существование<sup>4</sup>.

Когда мы говорим, что нет только «своих» целей, мы имеем в виду следующее. Тот, кто связан с некой общностью, не просто отдаёт свою творческую энергию. Он становится сопричастным сознанию структуры, и является проводником влияний, порождаемых этим сознанием. Осознаётся это или нет, не имеет значения с точки зрения функциональной. Разумеется, это в большей степени осознают те, кто находится на более высоком уровне. Но они это осознают как свою миссию, поскольку являются проводниками высших влияний. Те же, кто полагает, что какую-то общность можно использовать в своих целях и остаться полностью свободными, ошибаются. Общность, обладающую своим сознанием, невозможно использовать как простой инструмент. Тот, кто пытается это делать, всё равно становится проводником

определённых энергий. Эти энергии соответствуют тому же уровню реальности, что и намерения человека. Структура начинает его сама использовать для своих целей, нечеловеческих по своему характеру<sup>5</sup>. Так осуществляется двустороннее взаимодействие между человеком и сознанием структуры<sup>6</sup>. Возникает своего рода отражение на более низком уровне реальности восходящего и нисходящего потоков. Это ещё раз показывает, что любой высший закон имеет своё отражение на всех уровнях.

Поэтому на каждом, кто сопричастен какой-либо человеческой общности, лежит двойная ответственность. Кроме ответственности за свою душу, он ещё и отвечает за саму структуру. От его намерений зависит, будет ли она в духовном плане эффективной. Или же она вырождается в иллюзию, утратит духовную санкцию и канет в небытие, лишив возможности самореализации в данном направлении всех тех, кто с ней был связан.

Всё вышесказанное справедливо для любой человеческой общности. Но в данный момент нас интересует общество в целом. Очевидно, что оно отличается от любой другой общности гораздо более ограниченной свободой выбора. Все мы являемся в той или иной степени социально зависимыми, отдавая часть своей творческой энергии на поддержание общественной структуры<sup>7</sup>. Любое общество есть общность, так как в противном случае мы имели бы вариант радикального анархизма, при котором, очевидно, общество как целостность существовать не может.

Сейчас общий уровень творческой энергии, направленной на общественное устройство, таков, что практически отсутствует связь с высшими состояниями. Поэтому для многих духовно ищущих людей является действительной проблемой полная бездуховность, как им кажется, окружающего общества. И им надо что-то с этим осознанием делать.

Для тех, кто достаточно далеко продвинулся по Пути, этой проблемы нет. Для них окружающий мир во всем своем многообразии никогда не потеряет символической значимости. Всё является проявлением Духа, ибо иначе не существовало бы. И то, что мир во всех своих проявлениях символичен, однозначно определяет место человека в мире и направление его пути.

Те же, кто ещё не достиг такой степени осознанности, хотят видеть общество более одухотворённым. Поэтому они готовы участвовать в изменении общественного устройства, если это приведет к желаемой

цели. Эти люди движимы самыми искренними намерениями, и это порой лучшие представители общества. Поэтому надо со всей серьёзностью подойти к вопросу о возможности и необходимости этой деятельности.

Мы много слышим о традиционализме. Определимся, прежде всего, что человек Традиции и традиционалист — совсем не одно и то же. Человек Традиции — это прежде всего тот, кто осознаёт своё истинное «Я». Именно от этого осознания проистекает всё остальное — мировосприятие, принадлежность к конкретной традиционной форме, и так далее. С точки зрения истинного «Я», которое является единым целым с божественной сущностью, всё реально в той степени, в какой приближено к Богу. В любую эпоху были и будут люди Традиции, поскольку статус этот — явление глубоко внутреннее.

В противовес этому, традиционалист — это внешнее проявление. При этом одно не исключает другого. В наше время человек Традиции, если его деятельность видима миру (а это не всегда так), непременно проявляет себя как традиционалист. Но, к сожалению, обратное не всегда верно. Очень немногих нынешних традиционалистов можно назвать людьми Традиции. Тем не менее, они достигли определённой степени осознания, при которой их внутренняя сущность уже озарена отблеском духовного света. Именно это позволяет им находиться на уровне реальности, который является основой для их мировоззрения и действия.

Поскольку традиционализм — это внешнее проявление в действии, современные традиционалисты в большинстве своём представляют собой кшатрийский архетип. Выше мы говорили, что в современную эпоху невозможно говорить об однозначной кастовой принадлежности того или иного человека, не рискуя впасть в заблуждение. Чаще всего человек соотносится с разными кастовыми архетипами в некоторой пропорции. При этом степень осознания своей истинной сущности соответствует близости к «брахманическому» архетипу.

Отсюда следует важный вывод. Если традиционализм брать как вид деятельности, то здесь просто необходимы духовные влияния «брахманического» типа. Если человек обладает высокой степенью осознанности, то есть в большой степени сопричастен «брахманическому» архетипу, то всё происходит должным образом. Также от многих ошибок спасает актуальная принадлежность к какой-либо живой традиционной форме. Если же нет ни того, ни другого, то вероятность возникновения ошибок значительно увеличивается. В этом случае

традиционалисты оказываются в положении восставших кшатриев. Лишённые водительства Духа, они не в состоянии всегда действовать правильно. Можно сказать, что нынешний традиционализм — это аналог древнего восстания кшатриев. Впрочем, не весь традиционализм, а только низшая его часть, где степень осознанности минимальна. К тому же, если в древности восстание кшатриев воспринималось как однозначно негативная тенденция, то современный традиционализм на фоне нынешнего духовного упадка выглядит во многом позитивно.

Современный традиционализм имеет две ярко выраженные области деятельности — научные исследования и политика. Основной допускаемой ошибкой является, как правило, борьба на территории противника<sup>8</sup>. Ей предшествует ошибка, заключающаяся в том, что противник реален. Под противником мы здесь понимаем современный дух, и только.

Выше мы достаточно много говорили о научном знании. Нынешние ученые-традиционалисты находятся в очень непростой ситуации. Те работы по традиционным исследованиям, которые действительно заслуживают этого названия, и одновременно с этим признаны в современном научном мире, обладают характерной особенностью. Практически все они написаны в виде фактографического материала. В то же время в них не содержится прямых категорических выводов и обобщений. Часто проводятся параллели между традиционными формами с указанием на их сходство, однако от объяснения причин этого сходства автор, как правило, воздерживается. Современная наука воспринимает такие исследования как тематический подбор фактов, имеющий, с её точки зрения, безусловную научную ценность.

Но эти работы могут быть восприняты и иначе. Каждый факт, имеющий отношение к Традиции, является результатом нисхождения Духа на конкретный уровень реальности. Это прежде всего символ, точка сопричастности высшим состояниям. Такие научные труды как раз и состоят из подобных точек, и обладающий зрением видит за каждой из них символическую связь. Это всё кажется лишь набором разрозненных фактов только на уровне обыденного сознания. Но эти работы написаны так, что стоит над этим уровнем подняться — и открывается взаимосвязь символов, их единство в общем источнике, становятся видны истинные, а не надуманные причинно-следственные связи. Тот, кто обладает необходимой степенью осознанности, будет изучать подобную работу именно таким образом. Сама структура исследования будет способствовать его переходу на более высокий уровень восприятия. Такие

работы являются практическими с точки зрения духовной реализации, а потому можно сказать, что они обладают свойствами священных текстов. Несомненно, их авторы являются людьми метафизически компетентными, которые привносят духовный свет в современную науку, насколько это только возможно.

К сожалению, в традиционалистских исследованиях существует и противоположная тенденция. Это подгонка фактов под теорию, имеющую, с точки зрения авторов, метафизическую значимость. Даже если это действительно так, то всё равно истинная метафизика выше любой теории или концепции, так как теории и концепции есть ограничения. В худшем же случае теория не имеет в себе ничего метафизического, а подчас даже содержит деструктивные элементы.

В результате к подобным работам современная наука относится гораздо менее серьёзно, чем к истинно традиционным исследованиям. Истинное традиционное знание невыразимо словами, поэтому в исследованиях, внешне имеющих вид фактографии, нет недосказанности. В них всё сказано, но сказано это в молчании. Напротив, вторая тенденция заключается в «продвижении» идеи посредством метафизики. При этом нет понимания, что метафизика по своей природе не может служить средством чего-либо, так как в своей истинной сущности представляет собой наиболее цельное, всеобщее и истинное знание<sup>9</sup>. Поэтому современное научное сообщество порой относится к традиционным исследованиям как к лженауке, имея в виду именно эту, негативную тенденцию. Понятно, что с позиции современного научного знания ценность продвигаемых идей равна нулю, и к таким «исследованиям» надлежит относиться не как к науке, но как к идеологии.

Попробуем разобраться, что же это за идеи. Как правило, все они основаны на противостоянии основным тенденциям современного мира. На протяжении всей книги мы говорили о том, что есть реальность с точки зрения Духа. Здесь же уместно будет обратиться к общепотребительному понятию реальности, которое подразумевает ясное видение и восприятие чего-либо.

На высшем уровне восприятия реален лишь Дух, а то, что не имеет духовного измерения, даже не иллюзорно, а просто не существует. Если же мы начинаем «спускаться», то духовные феномены становятся всё менее явными. Иллюзии же, напротив, всё более обретают реальность, пока окончательно не заслонят духовный свет<sup>10</sup>. Между этими полюсами есть множество уровней, один из которых достоин особо-

го внимания. Это середина пути — то место, где возникает иллюзия противостояния Света и Тьмы. Это становится возможным, так как именно на этом уровне утрачивается знание о Принципе как о всеобщем источнике, и инфернальные влияния мыслятся как независимые и реально существующие. Фиксация на этом уровне реальности характерна для манихейства, с которым христианство постоянно боролось, так как такая фиксация совершенно неприемлема для христианства как для истинной традиционной формы.

Этот уровень важен ещё и тем, что именно здесь, строго говоря, начинается всякое действие. Любое действие — это процесс реализации, то есть переход энергии, имеющей духовную природу, на более низкие уровни реальности с целью их одухотворения. На более высоких планах нет этого воздействия, так как всё мыслится в единстве с источником. Следовательно, нет и действия.

Отсюда ясно, почему идея противостояния соответствует кшатрийскому архетипу. Хотя для касты воинов это очевидно, тем не менее мы постарались дать этому факту метафизическое объяснение. Нормальной является ситуация, когда кшатрии, руководимые брахманами, не фиксируются на противостоянии. Хотя эта идея им нужна, чтобы действовать, они всё же действуют во имя того, что выше противостояния, во имя Единства. И у них есть возможность подняться над противостоянием, приблизив свою природу к брахманическому архетипу.

Если же духовные влияния, которые должны идти через брахманов, отсутствуют, то для кшатриев противостояние — единственная реальность. А это значит, что на этом уровне становится реальным весь спектр разрушительных энергий, свойственных любому противостоянию. Эти энергии опасны тем, что могут подчинить себе человека, обусловить его поступки и в конечном счёте оказать деструктивное воздействие на его душу. Основой души всегда является Дживатман, поэтому духовные влияния никогда не могут быть окончательно отрезаны. Но они могут быть сведены к минимуму, если более внешняя часть человеческой души окажется в изоляции от её внутренней сущности. В этом и состоит воздействие деструктивных сил — они разделяют то, что едино по своей природе.

Как только традиционализм вторгся в современную политику, архетип восставших кшатриев проявлялся особенно отчётливо. Были лишь редчайшие исключения из этого правила, и всегда такие люди находились на весьма высоком духовном уровне и действительно принадлежали к Традиции. Для традиционалиста политика — борьба на тер-

ритории противника, если он только не находится на таком высоком уровне, что одним своим присутствием способен вызвать духовную трансформацию в любой сфере, с которой он соприкасается.

В большинстве же случаев для традиционалиста в политике есть только действие. Он выступает против современного духа, считая его антитрадиционным. Любое проявление современного духа сначала укореняется в умах, а потом с помощью политики получает фиксацию в общественном устройстве. Традиционалисты стараются не допустить этого, поэтому им присущ консерватизм.

Существует и гораздо более радикальная тенденция. Идея заключается в изменении общественного устройства и возврате к традиционным ценностям. По сути, это разрушение существующего общественного уклада. Это использование тех самых разрушительных энергий, о которых говорилось выше. Противостояние становится возможным лишь потому, что эти энергии реально существуют на том же уровне, на каком реален современный дух. На более высоких уровнях то и другое является иллюзией.

Показательно, что к подобным идеям традиционной реставрации можно предъявить ту же претензию, что и к марксизму. Имея перед собой чёткую концепцию естественности хода исторических процессов, тем не менее, возникает желание этот ход скорректировать. К традиционализму претензии даже более обоснованы. Марксизм хотя бы стремился действовать в том же направлении, что и теория эволюции, которой он руководствовался. Для Традиции же ход истории подчинён циклическим законам. Поэтому возврат к традиционному порядку возможен лишь после завершения данного цикла, когда будут исчерпаны все возможности его реализации. Иначе любая попытка традиционной реставрации будет направлена против естественного хода цикла.

Однако идея традиционной реставрации прочно укоренилась в умах у многих. Это вполне объяснимо. Человек, в силу своей природы, отождествляет себя с одной из своих оболочек, каждая из которых соответствует своему уровню реальности. Центром же всех этих оболочек является духовная сущность. Очень немногие находятся на таком уровне, что осознают свой внутренний духовный свет. Признавать свою духовную сущность лишь декларативно недостаточно. Необходимо действенное её осознание, способное трансформировать все уровни человеческого существа.

Поэтому большинство традиционалистов отождествляют себя с уровнем, соответствующим действию. Конечно, интуитивно они чувст-

вуют внутренний свет, иначе бы придерживались других взглядов. Находиться на уровне действия подчас гораздо проще, чем изменить своё внутреннее состояние.

На сегодняшний момент существуют несколько концепций реставрации Традиции. Единственно приемлемым с духовной точки зрения является случай, когда за основу берётся живая традиционная форма. Здесь можно выделить умеренную и радикальную тенденции. Соответственно, первый вариант — это структурирование общественного устройства и государственных механизмов таким образом, чтобы обеспечить нормальное существование традиционной формы. Можно сказать, что это — аналог главенства кшатриев.

Этот вариант, безусловно, наиболее реален, если вообще можно говорить о реальности проектов традиционной реставрации. Однако он предусматривает серьёзное изменение общественного сознания. В этом варианте понятие светскости не упраздняется, но занимает подчинённое положение по отношению ко всему, что связано с Традицией. Все социальные нормы и законы мыслятся и корректируются таким образом, чтобы не входили в противоречие с традиционными ценностями. Что касается социальной элиты, то она рассматривается как зависимая от элиты духовной, что обеспечивает структурирование социального порядка и непротиворечивость его высшим законам.

Этот вариант, помимо своей большей реалистичности, имеет ещё то преимущество, что при нём возможно сосуществование различных традиционных форм. Это фактически вариант кшатрийской империи. Деструктивные тенденции, отрицающие значимость одной традиционной формы в угоду другой, отрицают наличие Духа там, где он реально присутствует. Поэтому такие тенденции всегда осуждались истинной духовной элитой. Кшатрийская империя также ведет с ними непримиримую борьбу, поскольку подобные тенденции угрожают её целостности.

Второй вариант — радикальный — гораздо более утопичен. Он имеет внешнюю схожесть с социальным порядком, имевшим место до восстания кшатриев. Это означает, что социальный порядок мыслится как производная от конкретной традиционной формы. При этом другие традиционные формы игнорируются духовно, что в социальном плане может проявиться по-разному.

Сразу хотелось бы обратить внимание на то, что к эпохе, бывшей до восстания кшатриев, нельзя применять термин «традиционная форма» в том значении, в каком мы его используем. Здесь можно говорить

только о Традиции. Собственно, появление традиционных форм как раз и явилось одним из результатов кшатрийского восстания. В этих условиях потребовалась жёсткая фиксация того, что ранее было живым присутствием Духа. Только так можно было сохранить Традицию, поскольку фундаментально изменился социальный порядок.

Поэтому для изначальной Традиции чужда и непонятна мысль о противостоянии традиционных форм. В древние времена тезис «Дух дышит, где хочет» был вопросом видения, а не декларации. Сейчас же, в большинстве случаев, это даже не декларируется. Для многих те ограничения, которые фиксируют конкретную традиционную форму в её данном виде, представляются как самоценность<sup>11</sup>. Соответственно, не приемлются не только иные ограничения, свойственные иным формам, но и та духовная основа, которая за этими ограничениями стоит.

Всё это, впрочем, не означает, что реализация такого проекта абсолютно невозможна, хоть бы и стала эта реализация во многом пародией на изначальное единство. Любая живая традиционная форма является отражением Принципа, поэтому она и истинна. В силу этого, с помощью неё можно отразить высшие законы на любом более низком уровне реальности, и, в частности, структурировать социальный порядок<sup>12</sup>. Однако любое такое отражение будет подчиняться условиям существования своего мира. В данном случае нам видится, что такие структуры в нашу эпоху не могут долго просуществовать. Именно неприятие других традиционных форм могут стать теми семенами деструкции, которые будут способствовать разрушению этого социального порядка. Поэтому чем более компетентна будет духовная элита, тем менее деструктивных элементов будет заложено. В любом случае период существования такой структуры будет отражением всего цикла, его символом. Одно это могло бы послужить оправданием существования такого общества, имеющего и без того безусловную духовную значимость.

Вопрос о духовной элите является здесь одним из наиболее важных. Одних лишь чистых намерений недостаточно. Необходимо качество, которое можно назвать метафизической компетентностью. Только это качество способно не дать проникнуть в создаваемую систему семенам деструкции, которые препятствуют нисхождению духовных влияний.

Сейчас сложилась ситуация, когда о Традиции говорят те, кто не имеет о ней никакого представления, и делают это по причине неприятия демократической модели общества. Важно осознать, что такое неприятие носит деструктивный характер. Нельзя стремиться к возрождению Традиции, отталкиваясь от неприятия чего бы то ни было.

Повторим, что с духовной точки зрения ничто не достойно неприятия. То, в чем есть Дух, имеет безусловную духовную значимость, остальное же — лишь иллюзия. Спускаясь на более низкие уровни реальности, мы обнаруживаем, что любой феномен не есть чистый Дух или иллюзия, но представляет собой отчасти одно, отчасти другое. Но если продолжить спуск, то есть риск не увидеть ничего, кроме иллюзий. Поэтому целесообразно всегда подниматься на наиболее высокую, духовную точку зрения. Здесь любой феномен предстаёт как исключительно духовное явление. И не надо бояться, что будет разрушено привычное мировосприятие. Обретаем мы неизмеримо больше, освобождаясь от иллюзий и обретая чистоту осознания и духовное зрение.

Истинная духовная элита всегда свободна от любых влияний деструктивного характера. Иначе это псевдоэлита, не могущая построить ничего сколько-нибудь духовно значимого. Попытка провести традиционную реставрацию такими силами обречена на поражение. Это было бы создание ещё одной иллюзии, тем более опасной, так как она прикрывалась бы именем Традиции. Характер самих деструктивных влияний решающего значения не имеет. Если это антидемократические идеи, то это означает борьбу с иллюзией, поскольку демократическая концепция сама по себе не содержит ничего духовного. Но и антидемократические идеи никак не связаны с Традицией. Если же деструкция проявляется в виде приятия одной традиционной формы и отрицания остальных, то здесь связь с Традицией, безусловно, есть. Но это примат формы над Духом, своего рода формоцентризм, приводящий к отрицанию того, в чём Дух, безусловно, присутствует.

Отсюда следует, что если нет духовной элиты, то говорить о традиционной реставрации бессмысленно. Отсутствие сопричастности деструктивным тенденциям — своего рода отрицательное определение духовной элиты. Оно полезно, так как даже на достаточно низком уровне осознания дает понять, чем духовная элита не должна обладать. То же, чем она обладать должна, относится к разряду метафизики, а потому невыразимо в полноте своей человеческим языком.

Особо хочется сказать об одной точке зрения, бытующей среди «сочувствующих» традиционализму. Речь идёт о том, что создание Третьего Рейха воспринимается как неудачная попытка реставрации традиции. Надо отметить, что это в корне неверно. Традиционная точка зрения заключается в том, что любое частное приложение только тогда обладает традиционным характером, когда исходит из Принципа или из того, что является отражением Принципа в данном состоя-

нии существования. Тогда это приложение символизирует Принцип, а само его появление является частным случаем разворачивания универсальной проявленности. Применительно к социальному порядку это означает, что невозможно придать обществу сколько-нибудь традиционный характер, если социальный порядок не строился исходя из соответствия с принципом.

Социальный порядок, имевший место в Третьем Рейхе, не имел под собой традиционной основы. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать “Майн Кампф”. Это — набор сугубо эгалитарных концепций, не отличающийся в этом смысле от коммунистической идеологии. Двадцатый век — несомненно век эгалитаризма. Эффективными становились те идеи, которые были поняты и поддержаны массами. Третий Рейх здесь не исключение, он, наоборот, в авангарде. Претензии на наличие “элиты” и на метафизическое обоснование появились гораздо позже. Но нельзя структурировать общество, а потом подводить под это метафизическую базу. Если метафизика с самого начала не являлась основой, она уже таковой не станет. Метафизика не есть что-то дополнительное, напротив, социальные законы должны являться её производными. Иначе возникает ещё одна иллюзия, не имеющая к Традиции никакого отношения.

Германские национал-социалисты попытались метафизически обосновать свою концепцию, поэтому и возникло мнение о попытке традиционной реставрации в нацистской Германии. Однако ими была совершена ещё одна ошибка, оказавшаяся фатальной. Речь идёт об использовании элементов «мёртвых» традиционных форм.

В современную эпоху Традиция вынужденно проявляется в виде традиционных форм, иначе и быть не может. Конечно, Дух может проявляться где и как угодно, но для его постоянного присутствия в мире необходима фиксация неких условий, которые и создаются традиционной формой. Говорить о реставрации Традиции в нашу эпоху вне традиционных форм — крайняя степень утопии, непонимание сути Традиции и незнание циклических законов.

Особенность «мёртвых» традиционных форм в том, что они, перестав быть адекватными времени и месту, прекратили своё существование, уступив место другим. Конечно, то, что составляет суть любой традиции, бессмертно по своей природе. В любой традиционной форме метафизическое знание в своих частных приложениях оживлено нисхождением Духа. Когда это нисхождение прекращается<sup>13</sup>, от частных приложений метафизического знания остаются лишь мёртвые скорлупы.

ки, не несущие в себе никакой духовности. Причём, если прибегнуть к пространственной символике, остатки эти сохраняют «вертикальную» ориентацию. Пока эти элементы являлись частью живой традиционной формы, эта ориентация использовалась для нисхождения Духа, и, наоборот, для духовного восхождения<sup>14</sup>. Когда же эти элементы перестают быть проводниками Духа, они в силу своей «вертикальности» могут быть использованы инфернальными силами для их проникновения на более высокие уровни реальности. От подобного использования в определённом смысле «застрахованы» профанические элементы, которые, не являясь порождением традиционной формы, имеют исключительно «горизонтальную» ориентацию.

Поэтому чрезвычайно опасно иметь дело с элементами погибших традиционных форм. Современные неоспиритуалисты часто пользуются ими, что приводит к весьма печальным последствиям. Попытки же внесения мёртвых элементов в живое традиционное учение нельзя рассматривать иначе, как прямое вмешательство деструктивных сил, инфернальных по своей природе.

Если такое учение используется как основание для построения социального порядка, то этот порядок будет скорее всего недолговечным. Не надо недооценивать значение этого деструктивного фактора. С точки зрения современной политики, любое учение — всего лишь идеологическая надстройка, не имеющая решающего значения. Но мы смотрим с другой точки зрения, истинность которой утверждаем. В соответствии с ней всё, не имеющее отношения к Духу, есть иллюзия, а значит, не может иметь действительного значения при развитии событий. Значимо лишь то, что сопричастно Духу, так как лишь Дух сообщает всему реальность<sup>15</sup>.

В большинстве случаев только оставшаяся видимая символика может дать нам знание о «мёртвых» традиционных формах<sup>16</sup>. Материальные следы этих традиционных форм весьма интенсивно исследуются современной наукой. Однако, для человека Традиции такие исследования, как правило, лишены практической ценности. Невозможно идти по пути, где не осталось живой преемственности, и где потеряна всякая адекватность внешним условиям.

Тем не менее, не будет неверным предположение, что человек, принадлежащий Традиции, всё же больше способен понять смысл древних символов, чем представитель современной науки. Главным ключом к раскрытию смысла символики было и остаётся то, что все символы связывают нас с высшими состояниями, а каждый отдельно

взятый символ лишь означает конкретный частный аспект, или, если угодно, точку зрения на Высшую реальность. Сами же высшие состояния остаются неизменными как для умерших, так и для живых традиционных форм.

Поэтому традиционные исследования в области символики — это, пожалуй, единственная область, в рамках которой можно входить в соприкосновение с «мёртвыми» традиционными формами без всякой опасности. И, напротив, использование этих традиционных форм наиболее опасным может быть при реализации проектов традиционной реставрации.

Та духовная деформация, которой подверглась западная цивилизация, во многом связано именно с использованием элементов мёртвых традиционных форм. Речь идёт, разумеется, об эпохе Возрождения. Как известно, название это связано с попытками реставрации отдельных элементов Греко-римской культурной традиции, оказавшими такое влияние на дальнейший ход европейской цивилизации. Однако подобные реставрации при отсутствии живой культурной преемственности, являющейся лишь отблеском преемственности духовной, всегда приводили к тому, что восстанавливалась лишь внешняя форма выражения, тогда как глубинная суть явления оставалась утраченной.

Неслучайно, говоря о Возрождении, прежде всего имеют в виду сферу искусства. Искусство Возрождения возникло из античных артефактов, явившихся наиболее вещественными, наиболее зримыми остатками Греко-римской цивилизации. Но сами эти артефакты создавались на совершенно иных принципах, понимание которых перестало быть доступным ввиду отсутствия прямой культурной преемственности. Как пример можно привести скульптуру античной эпохи и эпохи Возрождения, произведения которых при внешней схожести сильно отличаются, так как создавались они с совершенно разными целями людьми разных эпох. Каждая греческая скульптура имела определённый символический смысл, даже если он отчасти деградировал в сторону мифологии. Рим взял более внешние формы, и здесь деградация символики была ещё более явной. Возрождение же, в силу отсутствия преемственности, взяло ещё более внешнее, и это было бы последней степенью деградации символики, если бы христианство отчасти не наполнило бы эти формы духовным содержанием.

Всё же это наполнение оказалось недостаточным. То, что принято называть средневековым церковным искусством, было гораздо большим, чем искусство в современном понимании. Это было внеш-

нее выражение христианской символики, необходимая составляющая традиционной формы. Возрождение, по сути, отвергло эту символику, вытеснило её<sup>17</sup>. В результате понимание многих символов за короткий промежуток времени оказалось полностью утраченным. Это был серьёзный урон, который понесло христианство как традиционная форма<sup>18</sup>. Таков был результат обращения к мёртвой традиции, так ощутимо сказавшийся на всей современной цивилизации. Но это не единственно возможный вариант развития событий. В ином случае деструктивные силы могут пойти иным путём.

Резюмируя сказанное, повторим, что человек традиции — это внутреннее состояние. Надо прежде всего постараться его достигнуть, и только тогда любая деятельность может стать сколько-нибудь значимой. Но не исключено, что достигшие этого состояния откажутся от деятельности во внешнем проявлении. Это значит, что они осознали свою истинную природу, и внешняя деятельность — не их путь. Те же, кто не откажутся, обретут духовное зрение и силу, позволяющие действовать наилучшим образом. Результаты таких действий тем более ценны, что действующий тем самым духовно возрастает. Человек Традиции может даже действенно участвовать в восстановлении традиционного порядка, поскольку сам является его образом. Что же касается циклических законов, то тот, кто сопричастен Вечному Настоящему, может оказывать влияние даже на ход цикла, так как сам внутренне является его началом и концом, альфой и омегой.

Все нереализованные возможности рано или поздно будут реализованы. Нисхождение Духа может сделать явным образ Высшей реальности, дать возможность осознать символические связи. Эта божественная энергия может быть использована в любой частной области, и структурирование социального порядка — лишь одна из этих областей. Главное, что результат в любом случае послужит опорой многим в их духовном восхождении. Одно это служит основанием подобной деятельности, ведь люди, осуществляющие её, являются проводниками божественной воли. Пока в мире есть такие возможности реализации, само существование мира в данном цикле оправдано с духовной точки зрения. Личная духовная реализация — самое значимое, что мы можем сделать. Но на этом пути мы можем ещё и оказать действенную помощь другим. Как это будет выглядеть, зависит от внешних условий и внутренней предрасположенности. В любом случае, если мы идём по правильному пути, то нам всегда будет оказана действенная помощь.

Тогда рано или поздно мы минуем границу, за которой нет ничего, кроме вечного божественного света.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Стоит отметить, что понятие «государство», как и многие другие понятия, надо остерегаться одинаково применять к древней и современной эпохам, так как в этих двух случаях термин этот никогда не будет иметь одного и того же значения.

<sup>2</sup> Это то, что в неоспиритуализме принято именовать словом «эгрегор».

<sup>3</sup> См. гл. «Человек как символ».

<sup>4</sup> Это может случиться не сразу, так как какое-то время остаются люди с чистыми намерениями, питая структуру своей творческой энергией. Но если нет высшей санкции, то это произойдет непременно, и иллюзия существования станет небытием.

<sup>5</sup> Это хорошо заметно в современной политике. Действия многих политиков всё время пытаются объяснить лишь меркантильными интересами. И, действительно, не вызывает сомнений тот факт, что деньги — подчас одна из основных мотиваций. Но если взглянуть в их поступки, то становится видно, что невозможно объяснить всё только этим. Более того, можно заметить, что эти люди стали проводниками влияний, которые ими не осознаются, а денежная заинтересованность стала для них своего рода ловушкой. Для самих же этих влияний, обладающих своим сознанием, деньги играют роль второстепенного инструмента, не более.

<sup>6</sup> Надо иметь в виду, что это всегда является вопросом сознательного выбора. Человек волен быть сопричастным любой структуре на любом уровне реальности вплоть до высших, так как все эти уровни являются уровнями человеческого существа. Но, разумеется, факт осознания свободы выбора зависит от личного духовного уровня.

<sup>7</sup> На этом основана теория общественного договора.

<sup>8</sup> Территория — это уровень реальности, подняться над которым возможно лишь с помощью духовных влияний «брахманического» типа.

<sup>9</sup> Этому непониманию порой способствует излишняя увлечённость исключительно событиями прошлого. Сопричастность Высшему Принципу означает бытие как бы вне потока времени, то есть бытие в настоящем, которое является символом Вечного Настоящего. Именно в этом Вечном Настоящем лежит центр любой истинной традиционной формы, поэтому интерес только к прошлому не позволяет продвинуться в изучении традиционной формы выше границы, за которой заканчивается временная обусловленность.

<sup>10</sup> Этот рубеж известен как «врата Ада».

<sup>11</sup> В современном Православии это получило название «обрядовереие».

<sup>12</sup> Ещё раз хочется отметить, что общество, построенное на принципе традиционной иерархии, структурировано так не случайно и не выдумкой определённых людей. Такая структура есть результат действия Духа, который струк-

турирует общество по образу мироздания. Поскольку этим же Духом мир поддерживается и сохраняется, можно сказать, что традиционная иерархия есть естественное состояние общества, и эта естественность заложена в саму структуру мира. Тем самым, возврат к традиционной иерархии в обществе возможен, покуда существует само общество.

<sup>13</sup> Потеря адекватности традиционной формы означает утрату санкции свыше.

<sup>14</sup> Всегда надо помнить, что для традиционной структуры эти два противоположных друг другу взаимодополняющих потока являются основой любой реализации.

<sup>15</sup> Может показаться, что элементы мёртвых традиций, будучи лишены Духа, перестают обладать реальностью. Но не надо забывать, что духовные влияния не подчиняются временным ограничениям, поэтому элементы традиционных форм всегда остаются духовно значимыми. Эта значимость обращается в свою противоположность лишь с точки зрения условий нашего мира. С высшей же точки зрения время — одна из осей, в которой отражается Великое равновесие. Поэтому нет ничего удивительного в том, что если какому-то элементу присущ пагубный аспект, то это значит, что ранее ему был присущ аспект благотворный.

<sup>16</sup> Мы не говорим здесь о том, что срединный мир, часто именуемый в неозотерике астральным планом, содержит массу следов древних традиционных форм. Это могут подтвердить те немногие, кто входит в соприкосновение с этим планом и при этом сохраняет ясность осознания.

<sup>17</sup> Бытует мнение, что именно Рафаэль ввёл в обращение термин «готика» применительно к средневековой архитектуре, термин, для деятелей Возрождения имевший уничижительный смысл, так как ассоциировался с готами, которых римляне, чьими наследниками считали себя деятели Возрождения, относили к варварским племенам.

<sup>18</sup> Можно сказать, что Возрождение подготовило почву для протестантизма, который пошёл ещё дальше по пути отрицания традиционной символики.

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие . . . . .	5
Множественность уровней реальности . . . . .	9
Закон символических соответствий . . . . .	21
Человек как символ . . . . .	32
Высший смысл понятия «традиция» . . . . .	42
Единство и многообразие традиционных форм . . . . .	47
Общество традиционное и современное . . . . .	59
Этносы, священная империя и нации . . . . .	79
Традиционное и современное научное знание . . . . .	93
Традиция и искусство . . . . .	119
Священные тексты и литература . . . . .	130
Традиционализм и реставрация традиции . . . . .	139

## **Романов Кирилл Валентинович**

Реальность, символы и традиция

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Оригинал-макет *Н.Н. Орловская*

Корректор *Т.В. Зайко*



Знак информационной продукции согласно  
Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, [aletheia92@mail.ru](mailto:aletheia92@mail.ru)

Отдел продаж:

[fempro@yandex.ru](mailto:fempro@yandex.ru), тел. 8-921-951-98-99

**[www.aletheia.spb.ru](http://www.aletheia.spb.ru)**

*Книги издательства «Алетейя» в Москве  
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. [www.biblio-globus.ru](http://www.biblio-globus.ru)

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», Новая площадь, 3/4, подъезд 7д.

Тел. (495) 628-64-42

**Интернет-магазин: [www.ozon.ru](http://www.ozon.ru)**

Формат 60х88 1/16. Усл. печ. л. 9,78. Печать офсетная.

Заказ №